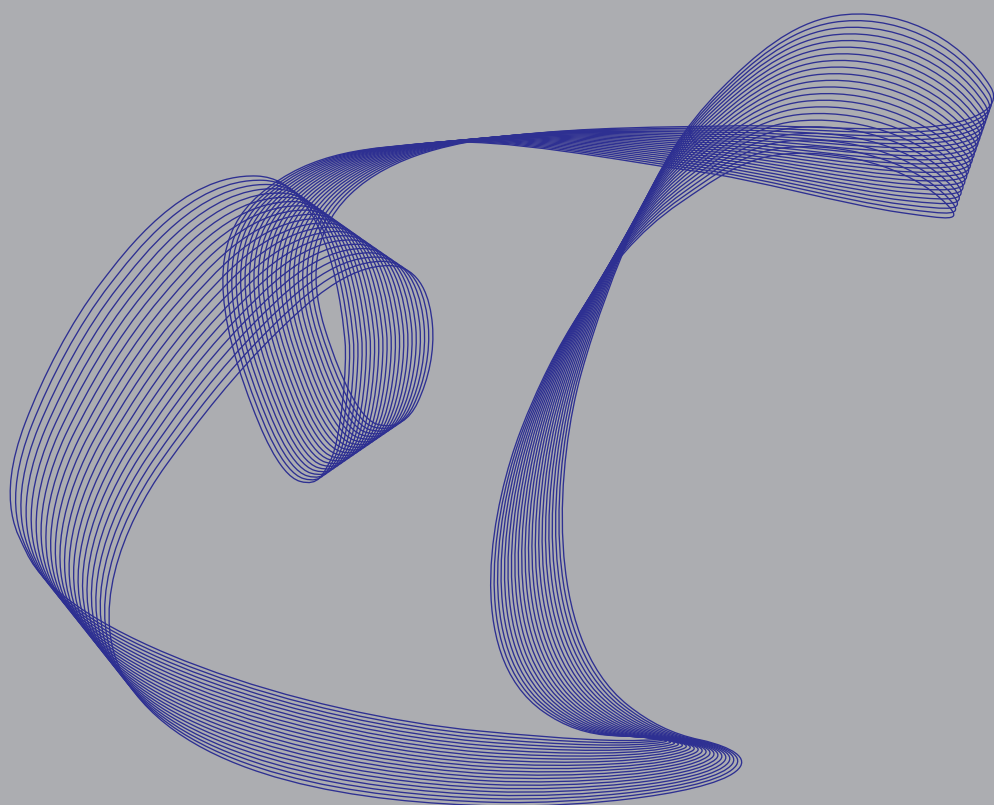

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ
ЭКОНОМИКА**

4

2010

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Научный журнал
Основан в марте 2005 г.
Выходит 4 раза в год

№ 4 (24) 2010

УЧРЕДИТЕЛИ

Дальневосточное отделение Российской академии наук
Институт экономических исследований
Дальневосточного отделения Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Академик РАН *П. А. Минакир*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Н. Е. Антонова, Р. В. Гулидов, Е. И. Деваева, А. Н. Демьяненко, В. Д. Калашников,
Б. Х. Краснопольский, С. Н. Леонов, Н. В. Ломакина, Е. Л. Мотрич, О. М. Прокапало,
О. М. Рензин, Л. А. Самохина* (ответственный секретарь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Акад. РАН *[А. Г. Гранберг]* (председатель), акад. РАН *П. Я. Бакланов*,
акад. РАН *В. В. Кулешов*, акад. РАН *В. И. Ишаев*, акад. РАН *А. И. Татаркин*,
чл.-корр. РАН *И. С. Королев*, чл.-корр. РАН *В. Н. Лаженцев*, чл.-корр. РАН *В. В. Михеев*,
чл.-корр. РАН *В. И. Сулов*, чл.-корр. РАН *В. А. Цветков*,
д-р экон. наук *С. Д. Валентей*, д-р экон. наук *В. А. Ильин*,
д-р экон. наук *О. В. Иншаков*, д-р экон. наук *А. П. Латкин*,
д-р экон. наук *В. Н. Лексин*, д-р экон. наук *В. Ю. Малов*,
д-р экон. наук *Н. Н. Михеева*, д-р экон. наук *С. А. Сустицын*,
д-р филос. наук *Л. Е. Бляхер*, проф. *Цунео Акаха* (США), проф. *Инь Цзянь Пин* (КНР)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 10 октября 2005 г.

Свидетельство ПИ № ФС77-23107

Журнал включен ВАК Минобразования РФ в перечень ведущих научных журналов и изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по экономике

- © Дальневосточное отделение РАН, 2010
- © Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2010
- © Редколлегия, составление, 2010

CONTENTS

From the Chief Editor	4
Articles	
<i>Vishnevskiy D. S., Demyanenko A. N.</i> Macroeconomic Zoning as a Method of Strategic Analysis: the Russian Far East	6
<i>Vlasyuk L. I., Redko V. V.</i> Economic Growth Factors of the Russian Far East in 2000–2007	32
<i>Skripnik E. O.</i> Migration Intentions of Urban Population in the Khabarovsk Territory	42
<i>Shelepa A.S.</i> Economic Problems of Agricultural Development of the Russian Far East	58
<i>Tatarkin A. I., Sukhikh V. V., Vazhenin S. G., Vazhenina I. S.</i> Concept of Space as a Factor of Economic Development of the Polar Urals in 16th – Early 20th Century	71
<i>Devaeva E. I., Kotova T. E.</i> Commodity Markets in Northeast Asia: Directions for Exports from the Russian Far East	82
Translations	
<i>Dicken P., Malmberg A.</i> Firms in Territories: a Relational Perspective (transl. from eng. by V. N. Ukrainskiy)	106
Essays	
<i>Dyatlova L. A.</i> From N. P. Oganovskiy's Economic Heritage	135
Messages	
<i>Shirkov E. I., Shirikova E. E.</i> From Expeditions to Systematic Economic Research on the Kamchatka Peninsula (towards 40th anniversary of FEB RAS)	147
<i>Potapov L. V., Atanov N. I.</i> Modernization, Innovations and Strategic Planning for Russia's Spatial Economic Development	154
Reviews	
<i>Rokhchin V. E.</i> Main Objectives of Scientific Support for Spatial Economic Development of Regions (a response to the article by P. A. Minakir, A. N. Demyanenko «Spatial Economics: The Evolution of Approaches and Methodology»)	163
Current News	
<i>Novitskiy A. A., Demina O. V.</i> Asian Energy Security	168
<i>Shabalin A. A.</i> 19 th Northeast Asia Economic Forum	173
Authors	178
Annotations	181
Index of articles and information published in 2010	184

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	4
Статьи	
<i>Вишневский Д. С., Демьяненко А. Н.</i> Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток России	6
<i>Власюк Л. И., Редько В. В.</i> Факторы роста экономики Дальнего Востока в 2000—2007 гг.	32
<i>Скрипник Е. О.</i> Миграционные намерения городского населения Хабаровского края	42
<i>Шелена А. С.</i> Экономические проблемы развития сельского хозяйства Дальнего Востока России	58
<i>Татаркин А. И., Сухих В. В., Важенин С. Г., Важенина И. С.</i> Образ пространства как фактор экономического освоения Полярного Урала в XVI — начале XX в.	71
<i>Деваева Е. И., Котова Т. Е.</i> Товарные рынки Северо-Восточной Азии: ориентиры для экспорта Дальнего Востока России	82
Переводы	
<i>Дикен П., Мальмберг А.</i> Фирмы и территории: релятивистский подход (перевод с англ. В. Н. Украинского)	106
Очерки	
<i>Дятлова Л. А. Н. П.</i> Огановский: из экономического наследия	135
Сообщения	
<i>Ширков Э. И., Ширкова Е. Э.</i> От экспедиционных к систематическим экономическим исследованиям на Камчатке (к 40-летию ДВО РАН)	147
<i>Потапов Л. В., Атанов Н. И.</i> Модернизация, инновации и стратегирование пространственного развития экономики России	154
Рецензии	
<i>Рохчин В. Е.</i> Основные задачи научного обеспечения пространственного экономического развития регионов (отклик на статью П. А. Минакира и А. Н. Демьяненко «Пространственная экономика: эволюция подходов и методология»).....	163
Хроника	
<i>Новицкий А. А., Демина О. В.</i> Азиатская энергетическая безопасность	168
<i>Шабалин А. А.</i> 19-й экономический форум Северо-Восточной Азии	173
Авторы номера	178
Annotations	181
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2010 году	184

От главного редактора

В этом году исполняется 40 лет с момента образования Дальневосточного научного центра Академии наук СССР, который позднее был преобразован в Дальневосточное отделение Академии наук СССР и далее в Дальневосточное отделение Российской академии наук.

Начало 70-х гг. прошлого века было, казалось, как нельзя более удачным моментом для наращивания потенциалов фундаментальных научных исследований ресурсной направленности восточных районов страны. Созданное в конце 50-х гг. прошлого века Сибирское отделение Академии наук СССР к этому времени наглядно продемонстрировало высочайшую целесообразность подобных территориальных программ научной подготовки экономической экспансии на восток. За короткое время Сибирское отделение заметно усилило как позиции российской науки в ключевых фундаментальных отраслях, так и полностью оправдало ожидания увеличения общеэкономического и сырьевого потенциала.

Интенсификация освоения ресурсов Дальнего Востока в начале 70-х гг. XX в. была важной стратегической идеей, так как разразившийся кризис мировых рынков углеводородов показал, что увеличение возможностей страны по их добыче и экспорту открывает широкие перспективы, в том числе и модернизации экономики и социальной среды. В то же время этот кризис продемонстрировал важность непрерывных усилий по поддержанию, а при возможности и по увеличению, экспортно-сырьевого потенциала. Естественно, что в случае невозобновимых ресурсов это возможно только при расширении территориального поля добычи и экспорта.

Дальний Восток, который только в 30-х гг. прошлого века начал по-настоящему интенсивно осваиваться, сулил в этом отношении заманчивые перспективы. В то же время это был огромный и практически неисследованный регион, в котором было много перспектив, но мало конкретных знаний. Решить эту проблему и была призвана новая территориальная программа, предусматривавшая концентрацию интеллектуальных ресурсов на Дальнем Востоке.

Естественно и разумно было и то, что наряду с созданием учреждений, предназначенных для исследования ресурсного потенциала региона, как и в Сибири, было создано экономическое научное учреждение, которое должно было обеспечивать научное сопровождение генерируемого будущими научными открытиями в области природных ресурсов быстрого и масштабного развития хозяйственного комплекса на Дальнем Востоке.

Весьма трудной задачей является оценка того, в какой степени оправдались надежды и насколько были реализованы первоначальные цели. Это трудно не только потому, что установить прямую и простую взаимосвязь между развитием науки и финансово-экономическими, а тем более военно-политическими результатами, не просто тяжело, а практически невозможно. Но эта трудность связана еще и с тем, что с течением времени происходили и произошли огромные перемены в экономике, изученности, условиях внутренних и внешних, изменилась сама наука, неоднократно изменялись задачи и цели, перед ней поставленные.

Но один результат можно считать абсолютным. За 40 лет сформировался мощный, способный к интеллектуальному самовоспроизводству, диверсифицированный научный комплекс, который оказал определяющее влияние не только на масштабы ресурсной экономики региона и потенциал его внешнеэкономических взаимодействий, но и сформировал новый, ранее не присущий этому региону, уровень притязаний на достижение определенных стандартов экономического, социального и гуманитарного развития. Это утверждение легко проверить, если поставить в соответствие изменение характера и политической тональности задач, которые в течение всего этого периода формировались относительно этого региона, с одной стороны, и эскалацию знаний и обоснованных вариантов возможного развития событий, генерировавшихся учеными, с другой стороны.

Как и многие базисные институты российского общества, фундаментальная наука сейчас переживает смутное время. Но уже видны признаки того, что ресурсы и возможности Дальнего Востока опять становятся в некотором роде «предельным ресурсом» развития страны. А потому независимо от конъюнктуры и рыночных иллюзий реальная потребность в системных фундаментальных знаниях и умениях будет нарастать. И не только тот потенциал, который накоплен, но главным образом тот, трудно поддающийся оценке, потому что на самом деле не имеет цены, потенциал знаний, обращенных в будущее, будет востребован уже в самое ближайшее время.

Редакция поздравляет всех ученых, и особенно ученых-экономистов, как работающих на Дальнем Востоке, так и связанных с ним научными интересами и исследованиями, с юбилеем.

УДК 911.6(571):338

Д. С. Вишневский, А. Н. Демьяненко

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗОНИРОВАНИЕ КАК МЕТОД СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ

Дано обоснование экономического зонирования как одного из методов регионального стратегического анализа. Предложен алгоритм макроэкономического зонирования и показана его апробация на материалах Дальнего Востока. Выделены четыре макроэкономические зоны: Крайний Север, Дальний Север, Ближний Север и Южная зона и дана их характеристика.

Экономическое зонирование, экономическое районирование, экономическое пространство, стратегический анализ, пространственная неоднородность, Дальний Восток.

ВВЕДЕНИЕ

Исходная позиция авторов заключается в том, что макроэкономическое зонирование представляет собой не группировку территорий по макроэкономическим параметрам, а выделение внутренне однородных, но в то же время существенно отличных друг от друга территориальных образований (зон, возможно, и подзон) по условиям ведения экономической деятельности.

Конечно, существуют и другие определения зонирования и экономического зонирования, в частности [1]. В статье приводится краткий обзор работ

© Вишневский Д. С., Демьяненко А. Н., 2010

Статья подготовлена при поддержке проектов ДВО РАН № 09-1-П24, 09-11-УО-10-001 на основе научного доклада авторов на совместном заседании Ученых советов ИЭИ и ТИГ ДВО РАН 15 ноября 2010 г.

по этой проблеме. Но весьма важно определить позицию в области соотношения понятий «экономическое зонирование» и «экономическое районирование». Следует указать на один аспект, по которому проходит своего рода водораздел между этими понятиями. Зонирование всегда имеет дело с однородными пространственными образованиями, районирование, напротив, — с гетерогенными образованиями.

Под экономическим пространством авторы понимают систему полей (подпространств), обязанных своей структурой неравномерному распределению отдельных видов ресурсов. Оно может восприниматься как в форме структуры связей, присущих и отдельному агенту экономической деятельности, и экономической системе в целом¹.

При этом принципиальным является выделение двух свойств экономического пространства: неоднородность и иерархичность [35; 40].

Экономическое зонирование может быть использовано на разных иерархических уровнях экономического пространства: глобальном, национальном, региональном и, возможно, локальном. Оно применимо при анализе экономических пространственных образований, как обладающих системными свойствами (экономические районы), так таковыми и не обладающих (резервные территории и т. п.).

Особый случай — зонирование территориальных образований, выделенных на основании неэкономических критериев. Наиболее часто встречающийся в отечественных работах пример такого рода территориальных образований — административные районы: от муниципальных образований до федеральных округов.

В зависимости от целей исследования экономическое зонирование может принимать форму зонирования специального (частного) или интегрального. В первом случае выявляются и оцениваются условия под частную экономическую задачу (связанную с развитием отдельных отраслей, видов деятельности, реализацией тех или иных проектов и программ), во втором — объектом анализа является экономика региона в целом.

В дальнейшем, говоря об экономическом зонировании, мы имеем в виду интегральное макроэкономическое зонирование территориальных образований первого уровня членения (декомпозиции) национального экономического пространства — макрорегионов (мегарегионов) [20]. Здесь и далее авторы используют термин «макрорегионы» для обозначения территориальных образований (крупных экономических районов, федеральных округов), т. е. таксономических единиц первого уровня членения экономического пространства.

¹ Нетрудно заметить, что авторы отчасти адаптировали известное определение социального пространства, данное почти двадцать лет назад Пьером Бурдьё [7, с. 40—41].

ОБЗОР ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ОПЫТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗОНИРОВАНИЯ

Первые опыты выделения широтных зон относятся к первой половине XIX в.¹ Но первые систематические обобщения связаны с трудами совместной экспедиции Императорских Русского географического и Вольного экономического обществ².

Эта экспедиция исследовала реакцию экономики Европейской России в разрезе восьми экономических мегарегионов на институциональные изменения, вызванные реформами Александра II.

В ходе работ экспедиции был если и не разработан детально, то весьма отчетливо обозначен исследовательский подход к изучению пространственной организации экономических районов (торговых бассейнов), предполагающих сочетание методов районирования и зонирования. Причем в зависимости от структуры экономики района и особенностей пространственной дифференциации природной среды этот подход видоизменялся.

П. П. Чубинский [55] в пределах Северного района выделял широтные зоны, отличавшиеся друг от друга прежде всего по природным условиям ведения хозяйства. В. П. Безобразов [2] делил Уральский район на «края», т. е. на экономические районы более низкого таксономического уровня, а уже в пределах районов выделял зоны, однородные в отношении факторов, определяющих эту однородность.

Работы экспедиции показали (на примере Европейской России), что совместное использование методов экономического зонирования и районирования может быть полезно при исследовании экономики, но при этом продемонстрировали отсутствие научно обоснованных критериев выделения экономических зон и районов различного масштаба и структуры.

Следующий шаг в развитии экономического зонирования связан с именем В. П. Безобразова, которому принадлежит первый в России опыт всестороннего исследования экономики Московской (Центральной) промышленной области [3—5], несомненно, подпадающей под категорию «экономический мегарегион».

Изучая экономику Нижегородской губернии, он разделяет ее на части, или полосы, отмечая при этом, что они «нисколько не совпадают с разделением губернии на 11 уездов, в нее входящих» [4, с. 38]. Эти «полосы» высту-

¹ Обзор этих и других ранних опытов экономического районирования и зонирования территории Европейской России содержится в хорошо известной работе [24].

² Экспедиционные работы продолжались с 1867 по 1873 г., а обработка и издание материалов осуществлялись по 1876 г. Всего было опубликовано 4 тома Трудов экспедиции, включавших 13 выпусков. Подробная библиография Трудов экспедиции дана в работе [8]. Оценка Трудов экспедиции приведена в работе [32].

пают в качестве первого уровня членения территории региона и, пользуясь современным языком, представляют собой экономические зоны. «Районы», «местности» и «края» образуют второй уровень членения территории региона.

В. П. Безобразов предложил набор факторов, определяющих разнообразие экономической деятельности в различных частях региона: естественно-исторические, экономические, диспозиционные (положенческие)¹, исторические, этнографические и религиозные. Значимость этих факторов в ходе эволюции экономики региона меняется, как показано на материалах Московской области. Общая методика заключалась в том, что выявляются полосы, которые отличаются друг от друга совокупностью условий ведения экономической деятельности, а затем в пределах этих полос выявляются районы (местности, края), которые отличаются друг от друга структурой экономики.

В. П. Семенов-Тян-Шанский предложил набор факторов, определяющих распределение в географическом пространстве «торгово-промышленной жизни»: 1) рельеф и гидрографическая, 2) геологическое строение, 3) климат, почвы, растительный и животный мир и 4) степень «культурного развития местности» [52, с. 16].

В пределах Европейской России он выделил 12 торгово-промышленных зон². Восемь из них (Северная лесная, Северо-Западная земледельческая, Центральная хлеботорговая, Юго-Восточная скотоводческая и рыболовная, Предкавказская, Юго-Западная земледельческая и промышленная полоса, Полесская) были отнесены к числу зональных полос, а четыре (Московская промышленная, Уральская, Южная горнопромышленная и Привисленская) — к числу азональных полос.

Важно, что В. П. Семенов-Тян-Шанский выделял ландшафтные зоны (они же климатически-биогеографические), которые могут быть положены в основание для разделения экономики на макроэкономические зоны (торгово-промышленные полосы), а также показал, что экономические макрзоны не обязательно должны вписываться в систему ландшафтной зональности, но всегда неоднородны в экономическом отношении [47].

Затем в эволюции интегрального макроэкономического зонирования наступает пауза, затянувшаяся до начала — середины 80-х гг. прошлого века. В это время более широкое распространение получили частные виды эко-

¹ Эта группа факторов очень напоминает то, что впоследствии в отечественной географической литературе стали обозначать как экономико-географическое положение.

² Здесь необходимо пояснение: сто лет назад сельскохозяйственное производство тоже было отраслью промышленности, поэтому можно говорить о том, что полосы имели отношение не только к промышленности и торговле, но к экономике Европейской России в целом.

номического зонирования: агроклиматическое, строительное и т. п.¹ Особо следует отметить такое направление, как зонирование Севера².

Новый импульс интегральное макроэкономическое зонирование получило в рамках разработки методологических основ экономического зонирования и методик выделения макроэкономических зон в пределах Сибири [6; 10; 11; 58].

Характерная особенность работ этого периода заключается в том, что зонирование рассматривалось как дополнение к сложившейся к тому времени системе крупных экономических районов. А. Г. Гранберг полагал, что «большое разнообразие природных, экономических, социальных условий на территории Сибири ограничивает сферу и продуктивные познавательные возможности макрорегионального подхода, вызывает необходимость внутреннего районирования Сибири» [11, с. 59].

При выделении трех широтных экономических зон (Дальний Север, Ближний Север, Юг) в пределах Сибири принимались во внимание следующие обстоятельства: «географическое положение; дифференциация природно-климатических условий для хозяйственной деятельности и жизни людей (...); транспортные связи (...); современная структура и тип хозяйственного развития, сочетающиеся с формами расселения (...); перспективы хозяйственного развития, требующие особых форм и методов территориальной организации производства и расселения» [12, с. 5—6].

Экономическое зонирование и экономическое районирование рассматривались как два взаимодополняющих подхода, при этом границы зон, особенно зоны Ближнего Севера, отличались динамизмом, что было обусловлено процессами хозяйственного освоения.

В отношении Дальнего Востока в разное время выделялись три широтные: Южная, Ближний и Дальний Север [21; 22], две (Северная и Южная), с подразделением на восемь подзон [45] и даже четыре (Южная, Ближний Север, Дальний Север и Тихоокеанская) [44; 54] широтные зоны.

В конечном итоге в результате исследований 1980-х гг. в практику предплановых исследований прочно вошло деление экономического пространства Азиатской России на три экономические зоны: Дальний Север, Ближний Север и Южная зона.

Вновь интерес к интегральному экономическому зонированию оживился в связи с массовой разработкой региональных стратегий в середине нулевых годов [33 и др.].

¹ Пожалуй, наиболее интересной из работ этого типа была монография «Естественно-историческое районирование СССР» [23], в которой была предпринята попытка районирования сельскохозяйственных ресурсов, причем верхний таксономический уровень составляли естественноисторические зоны, т. е. все те же ландшафтные зоны.

² Знаковой работой этого направления является [48].

В ряде стратегий, в том числе разрабатываемых для федеральных округов, обнаруживается интерес к макроэкономическому зонированию, вводящему в процесс разработки региональных стратегий экономическое пространство.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МАКРОЗОНИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Применительно к целям стратегического анализа в сфере управления региональным развитием на первый план выходят выявление и оценка свойств экономического пространства, в котором, собственно, и происходит реализация стратегий. При этом следует иметь в виду, что центральная идея рационального подхода к стратегическому анализу заключается в том, что мы можем систематически анализировать причины успеха или неудач экономики региона и использовать полученное в ходе анализа знание для формулирования соответствующих стратегий. Но при этом следует помнить, что «цель стратегического анализа состоит не в том, чтобы дать готовые ответы, а в том, чтобы облегчить понимание вопросов» [13, с. 44].

Весь ход эволюции экономического зонирования дает нам основание рассматривать его как один из методов стратегического анализа, позволяющего выявить и оценить пространственную неоднородность не только внешней по отношению к экономической системе региона среды, но и пространственную неоднородность самой экономической системы мегарегиона [35; 37].

Исходная теза проста: разнообразие условий ведения экономической деятельности, как природного, так и социального характера, становится фактором регионального развития только в том случае, если удастся осуществить выбор экономической стратегии, адекватной этим условиям. Это находит выражение в формировании такой территориально-отраслевой структуры экономики и расселения населения, которая адекватна как целевым установкам региональной стратегии, так и потенциалу конкретного региона.

Разнообразие условий экономической деятельности определяется действием следующих групп факторов: внешних, формирующих контекст (внешнюю среду) развития региона, и внутренних, иначе структурных, непосредственно связанных с реализацией стратегии.

Основными компонентами внешней среды, формирующими контекст экономической стратегии (крупномасштабных целевых программ, национальных проектов и т. п.) Дальневосточного макрорегиона¹ являются: а) при-

¹ К этому добавим: и любого другого сходного с Дальневосточным макрорегионом по структуре экономики и направленности ее развития.

родная (физико-географическая) и б) социальная (в узкой трактовке термина) среды.

Подробно вопросы классификации контекстных и структурных характеристик применительно к исследованию пространственных проявлений экономической деятельности были рассмотрены нами в ряде предшествующих публикаций [18; 20], поэтому здесь мы ограничимся лишь немногими пояснениями, которые необходимы в силу как специфичности исследовательской задачи (макроэкономическое зонирование), так и специфичности объекта (Дальневосточный макрорегион).

Для описания природной среды нами были использованы следующие характеристики:

- схема природных (ландшафтных) зон;
- климатические характеристики;
- данные о структуре (в том числе и территориальной) и масштабах природно-ресурсного потенциала.

Социальная компонента внешней среды развития экономики Дальневосточного макрорегиона была описана с помощью групп показателей:

- демографические (численность населения, соотношение городского и сельского населения, плотность населения);
- расселенческие (характер систем расселения, наличие или отсутствие временных поселений);
- этнические (этнический состав населения, распределение ареалов компактного проживания отдельных этносов).

Внутренние или структурные факторы были описаны следующими показателями:

- территориально-отраслевая структура экономики;
- инфраструктурное обеспечение территории, прежде всего, объектами транспортной и энергетической инфраструктуры;
- предложение мест для тех или иных видов экономической деятельности.

В конечном счете все перечисленные выше характеристики, как структурные, так и контекстные, описывают состояние экономического пространства в разрезе макроэкономических зон.

Сам же процесс макроэкономического зонирования предполагает три этапа.

Содержанием первого этапа макроэкономического зонирования является оценка влияния природной (физико-географической) среды на неоднородность экономического пространства. С этой целью были использованы результаты физико-географического районирования, в частности, ландшафтные системы первого (высшего) уровня, поскольку они в самом общем виде синтезируют всю совокупность элементов природной среды, позволяя описать и оценить состояние природной среды в целом.

Именно физико-географические условия задают практически неизменяемые ограничения по минеральным ресурсам, биологическим ресурсам суши и моря; комфортности проживания населения; надежности функционирования транспортной и инженерной инфраструктуры.

Особый случай, требующий специального рассмотрения, — это степень агрессивности природной среды, как по отношению к экономике, так и по отношению к системам расселения, что оказывает непосредственное воздействие на качество жизни населения.

В этой связи возникает потребность выявления районов, в пределах которых риски возникновения чрезвычайных ситуаций превышают «нормальный» уровень. Это относится к районам с высокими уровнями сейсмической опасности, что, в свою очередь, предполагает не только формирование системы мер по предотвращению чрезвычайных ситуаций, но и разработку адекватных этим условиям технологий, обеспечивающих нормальное функционирование и производственных систем, и систем жизнеобеспечения населения, проживающего в этих районах.

Не меньшее значение при оценке агрессивности природной среды имеет и жесткость климата. Оставляя в стороне вопросы методики количественной оценки этого параметра природной среды, следует отметить, что жесткость климата на Дальнем Востоке далеко не всегда следует за низкими температурами самого холодного месяца.

Но жесткостью климата и сейсмичностью не исчерпываются параметры, описывающие агрессивность природной среды. К ним следует добавить вечную мерзлоту, наледи — в северных районах, которые самым существенным образом влияют на стоимость строительно-монтажных работ, а также на надежность функционирования объектов транспортной и инженерной инфраструктуры. В южных районах обычны наводнения, вызываемые летними муссонами, что самым негативным образом сказывается не только на состоянии объектов транспортной и инженерной инфраструктуры, но и создает дополнительные трудности в создании систем устойчивого сельскохозяйственного производства¹.

Как известно, пространственная дифференциация природной среды описывается либо через систему широтных зон, либо через систему высотной поясности. В первом случае процессы формирования природных комплексов (ландшафтов) находятся под определяющим действием закона широтной зональности, во втором — вертикальной поясности.

---

¹ Подробно вопрос о влиянии природных факторов на формирование чрезвычайных ситуаций на Дальнем Востоке и их влиянии на экономические процессы в регионе освещен в работах [14; 16].

Так как к настоящему времени отсутствует общепринятая схема физико-географического районирования территории Дальнего Востока (более того, есть много неясного в выделении Дальнего Востока как природно-территориального комплекса), то в качестве отправной точки возьмем работу А. Г. Исаченко [27]¹.

Содержащуюся в этой работе схему ландшафтных макрорегионов можно интерпретировать следующим образом. Есть три широтных пояса:

- субарктический, включающий три ландшафтные зоны (тундра, лесотундра и лугово-лесная), отличающиеся экстремальными условиями проживания и ведения хозяйственной деятельности;
- пояс тайги (бореальный) с достаточно дискомфортными условиями природной среды;
- суббореальный пояс, где условия проживания и ведения хозяйственной деятельности в целом вполне комфортны².

Если рассматривать Дальневосточный макрорегион в секториальном плане, то в явном виде прослеживается неоднородность. С одной стороны, это «восточносибирские» сектора ландшафтных зон, которые можно отождествлять с Якутией, с другой — дальневосточные сектора ландшафтных зон, т. е. то, что в физико-географическом смысле и образуют собственно Дальний Восток.

Кроме того, на первом этапе макроэкономического зонирования была выполнена оценка влияния отдельных особо важных параметров природной среды, прежде всего, степени комфортности природных условий для жизни населения. В частности, был использован показатель «продолжительность периода дискомфорта» (период с температурами ниже минус 5°C) наряду с традиционными климатическими параметрами (*табл. 1, рис. 1*).

Наконец, рассуждая о пространственной дифференциации физико-географического (или просто географического) пространства применительно к рассматриваемой территории, следует иметь в виду, что преобладающим типом ландшафтов в пределах упомянутых выше поясов и ландшафтных макрорегионов являются горные ландшафты. Это обстоятельство дополнительно «работает» на дифференциацию географического пространства.

¹ Помимо работ А. Г. Исаченко [25—27], нами при выявлении природного разнообразия были использованы также работы [29; 31; 56; 57], посвященные природному районированию Дальнего Востока, и работа [42], содержащая количественные оценки влияния природных факторов на комфортность проживания населения.

² Рассуждения о том, насколько комфортны или, напротив, дискомфортны условия природной среды, уместны в отношении некоренного населения; для коренных жителей Севера условия Субарктики вполне комфортны. Более того, есть все основания полагать, что и для пришлого населения, скажем, во втором, а тем более в последующих поколениях, пороги дискомфорта существенно снижаются, и люди воспринимают эти условия как норму.

Таблица 1

Основные гидротермические характеристики
экономических макрорезон

Метеостанция	H	T_1	T_2	A_t	ΣT_{10}	T_{min}	BM	O
Крайний Север								
Жиганск	83	-40,5	15,8	56,3	1090	-64	71	377
Верхоянск	136	-48,6	15,2	63,8	1084	-68	67	184
Среднеколымск	23	-37,6	13,6	51,2	847	-60	78	250
Певек	5	-27,8	7,6	35,4	—	-47	48	332
Каменское	33	-23,0	13,1	36,1	839	-55	65	342
Анадырь	64	-21,9	10,4	32,3	393	-47	82	254
Дальний Север								
Якутск	99	-43,2	18,7	61,9	1565	-64	95	247
Канкунский	1218	-31,9	13,3	45,2	772	-56	61	664
Магадан	44	-21,0	12,6	33,6	783	-50	83	535
Ближний Север								
Петропавловск-Камчатский	32	-8,5	13,5	22,0	1062	-34,0	149	1617
Магдагачи	369	-26,9	19,0	45,9	1797	-49	100	485
Комсомольск	20	-25,6	19,9	45,5	2103	-50	137	577
Николаевск	46	-23,9	16,5	40,4	1541	-47	119	657
Поронайск	2	-17,7	15,8	33,5	1298	-42	129	889
Южная зона								
Благовещенск	130	-24,3	21,4	45,7	2332	-45	144	575
Бикин	70	-22,4	21,0	43,4	2504	-4	139	693
Владивосток	111	-14,4	20,0	34,4	2239	-31	188	813
Южно-Курильск	41	-6,7	16,6	23,3	1608	-23	161	1000

Примечание: H — абсолютная высота, м; T_1 — средняя температура воздуха самого холодного месяца; T_2 — средняя температура воздуха самого теплого месяца; A_t — годовая амплитуда средних температур воздуха; ΣT_{10} — сумма температур за период со среднесуточными температурами выше 100°C; T_{min} — абсолютный минимум температуры воздуха; BM — продолжительность безморозного периода, дни; O — среднегодовое количество осадков, мм.

Источник: [25].

Применительно к Дальнему Востоку вышесказанное можно интерпретировать следующим образом: система ландшафтных поясов и зон задает в целом границы четырех широтных экономических зон: Крайний Север, Дальний Север, Ближний Север и Юг, которые отличаются друг от друга характером воздействия природной среды на экономику и условия проживания населения.

Рис. 1. Размещение метеостанций

Технически этот этап макроэкономического зонирования предполагает сопряженный анализ ландшафтных и общеэкономических карт. В нашем случае это были уже упомянутые работы А. Г. Исаченко и ряда других исследователей, посвященные ландшафтному зонированию Дальнего Востока, и экономическая карта Дальневосточного федерального округа [9].

Важно отметить еще раз: ландшафтные пояса и зоны задают в целом границы экономических зон, но не тождественны им¹. Так, в частности, в пределах бореального ландшафтного пояса мы выделяем две экономические

¹ Впрочем, не тождественны они и границам «юридических» зон, получивших названия «районы Крайнего Севера» и «районы, приравненные к районам Крайнего Севера».

широтные зоны: Дальний Север и Ближний Север, граница между которыми в целом совпадает с границей между северной и южной тайгой.

Следующий шаг — это выделение в пределах Дальнего и Ближнего Севера двух секторов: Крайний Север Якутии и Крайний Север Дальнего Востока (Чукотский и Курило-Камчатский макрорегионы по А. Г. Исаченко); Ближний Север Якутии (или Южная Якутия) и Ближний Север Дальнего Востока. В конечном счете мы приходим к заключению, что Дальневосточный макрорегион с точки зрения физико-географических факторов крайне неоднороден, и эта неоднородность проявляется как в широтном (широтные экономические зоны), так и в секториальном отношении: континентальная Якутия и приокеанический муссонный Дальний Восток.

Что следует из признания очевидного (но редко учитываемого) факта: территория Дальневосточного макрорегиона отличается крайней неоднородностью, а точнее, разнообразием природных ландшафтов? По мнению авторов, это означает, прежде всего, многообразие возможностей, которые в свою очередь могут служить источниками конкурентных преимуществ. Но при этом следует иметь в виду, что реализация этих возможностей не происходит автоматически, а предполагает, с одной стороны, создание региональных вариантов техники, а с другой — создание такой системы организации экономического пространства и расселения населения, которая, сохраняя ландшафтное разнообразие, обеспечивала бы комфортные условия проживания как пришлого, так и аборигенного населения.

Второй этап макроэкономического зонирования — оценка влияния параметров социальной среды (численность и плотность населения, его этнический состав и системы расселения) в разрезе ландшафтных зон (подзон и секторов), что позволяет выявить степень агрессивности внешней среды в отношении экономической деятельности и комфортности проживания населения.

Если природные факторы, задающие ограничения (во всяком случае, в рамках прогнозных периодов, которыми оперируют в сфере регионального управления) условий экономической деятельности, не изменяются, то социальные факторы отличаются большим динамизмом. И именно здесь лежит причина, по которой границы макроэкономических зон подвержены изменениям. Необходимо отметить, что изменения эти, как правило, укладываются не только в рамки долгосрочных, но и среднесрочных программных действий.

Анализ демографической ситуации и эволюции систем расселения в своей основе имеет наиболее детально разработанную и вполне достоверную информационную базу, позволяющую осуществлять картографирование демографической ситуации и систем расселения с достаточно большой точно-

стью. Последнее обстоятельство позволило провести уточнение границ макроэкономических зон, выделенных на предшествующем этапе, используя для этого карты атласа «Население и трудовые ресурсы Дальневосточного федерального округа» [43]. При этом особое внимание было уделено показателю «плотность населения» — одному из результивирующих индикаторов освоенности территории.

Третий, или заключительный, этап макроэкономического зонирования — анализ структурных характеристик сложившейся территориально-отраслевой структуры экономики, а также обозримых перспектив (инвестиционных проектов, находящихся на стадии реализации) экономического развития. Именно на этом этапе происходит окончательное формирование границ макроэкономических зон и их картографическое отображение.

К этому следует добавить, что картографирование макроэкономических зон, как и лежащих в их основе ландшафтных зон, — достаточно сложная задача. Это связано с тем, что и макроэкономические, и ландшафтные зоны представляют собой сложные, комплексные образования, которые невозможно размежевать, используя какой-либо один количественный или качественный критерий. К тому же границы и ландшафтных, и экономических зон имеют нечеткий характер. В нашем случае для «уточнения» границ макроэкономических зон и отображения их на карте была использована сетка низового административно-территориального деления. Только в случае, когда территории административных районов в природном или экономическом отношении оказывались существенно неоднородными, граница устанавливалась на основе более детального ландшафтного районирования. Это позволило использовать для характеристики макроэкономических зон не только качественные, но и количественные показатели, например, численность и плотность населения (рис. 2).

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Предваряя рассмотрение выделенных выше макроэкономических зон, авторы считают необходимым кратко остановиться на специфике пространственной организации экономики Дальневосточного макрорегиона. Говоря о специфичности Дальневосточного макрорегиона, необходимо отметить, что этот аспект широко освещен в научной литературе¹, поэтому здесь можно ограничиться констатацией следующих положений, имеющих непосредственное отношение к теме данной работы.

Дальний Восток (несмотря на полуторавекую историю) все еще отли-

¹ Среди работ только последних лет выделим [19; 34; 37; 39; 41].

чается крайне низким уровнем сформированности его территориально-отраслевой структуры, поэтому следует с осторожностью говорить об этом территориальном образовании как о территориальной экономической системе¹.

Для экономического пространства Дальневосточного макрорегиона характерна высокая степень фрагментации. Это находит отражение в относительно невысоком уровне взаимодействия элементов территориальной структуры экономики.

Масштабы экономики Дальневосточного макрорегиона все еще далеки от масштабов экономики других макрорегионов России. А это при нынешнем уровне открытости региона, как со стороны национальных, так и международных рынков, ведет к тому, что стратегические решения, имеющие непосредственное отношение к экономике региона, принимаются за его пределами: либо в рамках государственных корпораций, либо в рамках вертикально-интегрированных компаний национального или глобального уровня.

Вышеперечисленные особенности пространственной организации экономики дают основание предположить, что наряду со стратегией макрорегиона следует выделять конкурентные стратегии экономических районов. Но это, в свою очередь, потребует не только определения их границ (которые далеко не всегда совпадают с границами административных районов), но и конкурентных преимуществ этих районов. Первым шагом в этом направлении становится макроэкономическое зонирование.

Предлагаемый в статье вариант макроэкономического зонирования Дальневосточного макрорегиона рассматривается авторами как своеобразная модель, предназначенная для определения рамочных условий экономического развития этого региона.

Зона Крайнего Севера

Зона Крайнего Севера занимает 46% территории Дальнего Востока². Особенности природной среды предопределили доминирование экономики традиционного типа, присущей коренным малочисленным народностям Севера: крупностадное оленеводство, охота, промысел морского зверя. Как «экзотические островки» для столь высоких широт, в Якутии в долинах среднего течения Яны, Колымы и Индигирки выделяются небольшие ареалы сельскохозяйственного производства, где оленеводство сочетается с разведением крупного рогатого скота и табунным коневодством.

¹ Возможно, следуя терминологии, предложенной В. Лексиним и А. Швецовым, целесообразно рассматривать Дальний Восток как «системно-конгломератную структуру» [30, с. 25–26].

² В административном отношении это заполярные районы Республики Саха (Якутия), север Магаданской области, Чукотский и Корякский автономные округа.

Но если в пределах зоны рассматривать объемы произведенной продукции, то крайне незначительные по территории промышленные центры, связанные с разработкой особо ценных минерально-сырьевых ресурсов (рудного и россыпного золота, россыпных месторождений алмазов, платины), дадут нам неизмеримо большие объемы, нежели многочисленные хозяйства традиционного типа. Кроме того, в Корякском автономном округе получило развитие прибрежное рыболовство, а в Чукотском автономном округе в небольших объемах ведется добыча угля.

Тем не менее в самом общем виде можно констатировать, что зона Крайнего Севера — это территория тундры и лесотундры, при этом значительные площади горных тундр практически не заселены, т. е. это своего рода «резервные территории». Большая часть территории зоны отличается природными условиями, близкими к экстремальным, как для проживания «пришлого» населения, так и для ведения экономической деятельности.

Зона Крайнего Севера заселена крайне слабо, плотность населения в разрезе муниципальных районов колеблется в интервале от 0,01 до 0,08 чел./км². Доля численности населения зоны Крайнего Севера в общей численности населения Дальневосточного макрорегиона — немногим более 2%. В пределах рассматриваемой зоны находятся основные ареалы компактного проживания коренных малочисленных народов Севера — чукчей, коряков, эскимосов и др. Однако они нигде не являются доминирующим этносом. Так, в Корякском автономном округе эти народы в общей численности населения составляют около 20%, в Чукотском — 13%, в отдельных муниципальных образованиях Республики Саха (Якутия) — до 20%.

Несущими элементами системы расселения являются районные центры, расположенные или на морском побережье, или на судоходных реках, с плотностью от 1,5 до 3,3 тыс. человек. Все они выполняют транспортно-распределительные и организационно-хозяйственные функции, как правило, не выходящие за пределы своих районов. Исключение — г. Анадырь (11,8 тыс. человек), выполняющий те же функции, что и центры муниципальных районов, но в несколько больших размерах, уже в силу того, что он является столицей субъекта РФ.

Система расселения в зоне Крайнего Севера за последние 25—30 лет существенно трансформировалась, что связано с истощением запасов легкодоступного россыпного золота и изменением мировой конъюнктуры на ряд цветных металлов, что привело к закрытию многих предприятий и постепенному упразднению населенных пунктов. Так, с 1981 по 2009 г. число только поселков городского типа в Чукотском автономном округе сократилось с 18 до 5, а в Усть-Янском районе Республики Саха (Якутия) — с 7 до 3. Вновь

создаваемые горнодобывающие предприятия ориентируются на временные вахтовые поселения.

В пределах зоны Крайнего Севера господствуют территориальные структуры доаграрного типа¹, с редкими вкраплениями промышленных, транспортных и сервисных центров. Первые приурочены к месторождениям особо ценных минерально-сырьевых ресурсов, вторые — к трассе Северного морского пути, третьи своим происхождением обязаны потребностям аборигенного населения в услугах социально-экономического характера.

Природные условия и тип экономической деятельности предопределили и характер развития транспортной и энергетической инфраструктуры: она имеет дисперсный и в то же время сезонный характер. Как следствие, экономическое пространство на рассматриваемой территории характеризуется крайней разреженностью (предложение мест под объекты экономики индустриального, аграрного и сервисного типа крайне ограничено) и имеет явно выраженную сезонную динамику. Последнее справедливо не только в отношении процессов, протекающих в пределах рассматриваемой зоны, но и в отношении ее взаимодействия с другими территориальными структурами Дальнего Востока и национальной экономикой в целом.

Ближайшие перспективы развития экономики в зоне Крайнего Севера связаны с освоением новых месторождений особо ценного минерального сырья предприятиями с различными объемами производства и сроками деятельности, но, бесспорно, недолговечными. Скорее всего, они будут осуществлять свою деятельность на базе вахтовых поселений. Следует ожидать негативного воздействия их деятельности на состояние крайне хрупких в высоких широтах природных комплексов, даже при использовании передовых природоохранных технологий.

К числу приоритетов экономического развития зоны Крайнего Севера на обозримую перспективу следует отнести всемерное укрепление и рационализацию традиционной (аборигенной) экономики; развитие производственной инфраструктуры, в первую очередь морского и воздушного транспорта, а также усиление деятельности по защите природной среды.

---

¹ Отметим, что кочевой характер традиционного хозяйства в данных природных условиях вовсе не означает, что мы имеем дело с чем-то экономически нецелесообразным. Архаика вовсе не синоним экономической неэффективности. В условиях Субарктики, «где среда постоянно преобразуется крайними перепадами погоды, отказ от постоянных сооружений — проявление мудрости. Подчинение природным крайностям — разумное решение». Что же касается крупностадного оленеводства, то «большие стада северных оленей — признак исключительно тундры, где это животное необходимо для жизни». И еще одно замечание: «Ритм жизни северных пастухов никогда не меняется» [53, с. 69—70].

Зона Дальнего Севера

Зона Дальнего Севера занимает 37% территории Дальнего Востока¹. В природном отношении это в первую очередь северная тайга, которую на п-ове Камчатка замещают лугово-лесные природно-территориальные комплексы, а в Центральной Якутии — «северные прерии». Системой горных хребтов субмеридионального простираения территория зоны разделяется на две неравные части — большую, относящуюся к Восточно-Сибирскому меридиональному ландшафтному сектору, и меньшую, тяготеющую к Тихому океану — Дальневосточный меридиональный ландшафтный сектор.

Природные условия этих частей Дальнего Севера значительно контрастнее, чем на Крайнем Севере. Здесь широтная зональность сильно деформирована горным рельефом, причем низменности занимают сравнительно небольшие площади и фрагментарны.

Все это обуславливает значительное разнообразие ландшафтов, их мозаичность и, как следствие, существенные различия условий жизни и хозяйственной деятельности человека.

Природные условия жизни населения малоблагоприятные. Плотность населения в среднем по экономической зоне — около 1,0 чел./км². Она отличается большой неравномерностью — в пределах ареалов концентрации экономической деятельности возрастает почти на порядок.

Структура экономики зоны Дальнего Севера отличается большим разнообразием, чем в зоне Крайнего Севера: наряду с традиционной экономикой коренных народностей Севера (охота, рыболовство, заготовка таежных дикоросов)² в ней представлены производства по добыче и первичной переработке биологических ресурсов и минерального сырья, а также ряд отраслей сельской (аграрной) экономики.

Удельный вес «резервных территорий» в зоне Дальнего Севера не меньше, чем в зоне Крайнего Севера. Территориальные структуры доаграрного типа остаются доминирующими. Это зона очагового хозяйственного освоения, причем преимущественно индустриального.

Очаги хозяйственного освоения или ареалы концентрации экономической деятельности не только отличаются друг от друга масштабами (или размером), имеют в своей основе различные типы освоения, но и находятся на разных стадиях жизненного цикла.

С одной стороны, это ареалы концентрации экономической деятельно-

¹ В административном отношении зона включает центральную и южную части Республики Саха (Якутия), большую часть Магаданской области, охотоморские районы Хабаровского края и юго-западные районы Камчатского края.

² Специфика «таежного природопользования» коренных народностей Севера рассмотрены в работе [51].

сти, явно превосходящие все остальные — Якутский (треть всего населения республики) и Магаданский (более двух третей населения области) — с высоким удельным весом сервисной экономики¹, а с другой — узкоспециализированные промышленные центры по добыче минерального сырья.

И если первые имеют все основания для дальнейшего развития, то вторые, как правило, имеют весьма короткий во времени жизненный цикл, длительность которого определяется запасами того или иного вида минерального сырья². Наконец, в пределах зоны Дальнего Севера помимо территориальных структур доаграрного и индустриального типа в Центральной Якутии сформировался специфический район аграрного типа.

Характерная особенность экономического пространства в пределах зоны Дальнего Севера — фрагментарность, которая проявляется в том, что даже наиболее крупные ареалы концентрации экономической деятельности практически не связаны друг с другом; они в большей степени взаимодействуют с территориальными экономическими образованиями Ближнего Севера и Южной зоны, чем друг с другом.

Предложение мест в пределах зоны Дальнего Севера намного больше и разнообразнее, чем в зоне Крайнего Севера, но и здесь преодоление природно-ресурсной детерминации в развитии экономики сопряжено со значительными (сверхнормативными) затратами финансовых, материальных и людских ресурсов, а также, что не менее важно, времени. Поэтому конкурентные преимущества мест, имеющих непосредственное отношение к разработке минерально-сырьевых ресурсов, связаны с редкостью этих ресурсов на национальном и глобальном рынках. В то же время в пределах сложившихся к настоящему времени крупных очагов хозяйственной деятельности происходит формирование сетей локальных рынков, причиной возникновения которых является спрос на продукты и услуги со стороны населения, бизнеса и государства.

В обозримой перспективе вряд ли следует ждать радикальных изменений в территориально-отраслевой структуре экономики и в системах расселения населения в зоне Дальнего Севера. По-прежнему будет велика роль Якутска и Магадана как организационных, культурно-образовательных и транспортно-логистических центров этой зоны. Получат дальнейшее развитие уже сложившиеся ареалы концентрации экономической деятельности.

---

¹ Что еще не дает основания относить такого рода экономические структуры к постиндустриальным, хотя бы уже в силу того, что «сервис» в данном случае это «простые» виды услуг: розничная торговля, общественное питание и т. п.

² Впрочем, здесь нужна поправка: прогресс в горном деле продлевает жизнь такого рода экономических образований, но вряд ли в обозримой перспективе достижения в области науки и техники позволят преодолеть природно-ресурсную детерминацию в их развитии.

Зона Ближнего Севера

Зона Ближнего Севера — своеобразное буферное территориальное образование между Севером и Югом Дальневосточного макрорегиона, как в природном, так и в социально-экономическом отношении¹ — занимает 12% территории Дальнего Востока. В природном отношении это средняя и южная тайга. Природные условия жизни населения и ведения экономической деятельности вполне благоприятны. Здесь проживает почти 20% населения Дальневосточного макрорегиона, средняя плотность населения составляет 1,6 чел./км².

В структуре экономики преобладают добыча и первичная переработка минерально-сырьевых (топливно-энергетических в первую очередь), биологических ресурсов моря и лесных ресурсов, в то же время высок удельный вес отраслей обрабатывающей промышленности и транспорта. Ближний Север — крупнейший в регионе производитель продукции лесного комплекса, а также драгоценных и некоторых цветных металлов, рыбной продукции, а в последние годы благодаря реализации шельфовых проектов Сахалин вышел и в число значимых нефтегазовых центров экспортной ориентации.

В отличие от зон Крайнего и Дальнего Севера «резервных территорий» здесь практически нет; территории, в пределах которых определяющее значение имеет традиционное хозяйство коренных жителей, относительно невелики по размерам. Доминирующее положение в территориальной организации экономики занимают территориальные структуры (промышленные районы, узлы и центры) индустриального типа различного масштаба, находящиеся на различных фазах жизненного цикла. Это промышленный узел, сформировавшийся в пределах агломерации Комсомольск — Амурск — Солнечный; транспортно-промышленные Ванино-Советско-Гаванский и Петропавловск-Камчатский узлы, сложившиеся в пределах соответствующих городских агломераций, а также Северо-Сахалинский нефтегазовый и Южно-Якутский топливно-энергетический индустриальные районы.

В отраслевой структуре экономики зоны Ближнего Севера высок удельный вес обрабатывающих отраслей, более того в промышленном комплексе Комсомольск — Амурск — Солнечный обрабатывающие отрасли доминируют. Это обусловлено относительно высоким уровнем развития транспортной и энергетической инфраструктуры. Если в пределах зоны Дальнего Севера определяющей формой организации энергетического хозяйства выступают автономные энергетические районы (а на большей части территории — автономные источники энергоснабжения), то зона Ближнего Севера, за исклю-

¹ В административном отношении зона включает северные районы Амурской области, нижнеамурские и центральные районы Хабаровского края, северо-восток Приморского края, северную и среднюю части о-ва Сахалин, юго-восток п-ова Камчатка.

чением Нижнего Амура и Северного Сахалина, обслуживается Объединенной энергосистемой Востока.

Другая особенность зоны Ближнего Севера как территориального экономического образования заключается в том, что в отличие от зон Крайнего и Дальнего Севера здесь сформировалась транспортная система круглогодичного действия. При этом большая часть, если не в территориальном, то в экономическом и расселенческом отношениях, тяготеет к БАМу — восточному крылу Северо-Российской Евразийской магистрали. Однако отдельные очаги концентрации экономической деятельности перемежаются территориями с относительно невысоким уровнем хозяйственного освоения (лесопромышленного в первую очередь).

Наконец, есть еще одно принципиальное отличие зоны Ближнего Севера от рассмотренных выше экономических зон: освоение природно-ресурсного потенциала и в настоящее время, и в обозримой перспективе опирается на постоянные поселения.

В конечном счете сформированная к настоящему времени магистральная транспортная и энергетическая инфраструктура в сочетании с групповыми формами постоянных поселений создает достаточно разнообразное предложение мест. При этом конкурентоспособность мест обусловлена не только относительной редкостью (но не уникальностью) минерально-сырьевых, лесных и иных природных ресурсов, но и причинами экономического характера.

Обозримые перспективы в развитии экономики Ближнего Севера связаны в большей степени с модернизацией существующих промышленных узлов и центров, чем с появлением новых.

Южная зона

Южная зона — это территория сплошного экономического освоения; располагается в зонах хвойно-широколиственных лесов и лесостепи, отличается от других экономических зон Дальневосточного макрорегиона наименьшим уровнем агрессивности природной среды в отношении экономической деятельности и систем расселения, что находит свое отражение в плотности экономического пространства. Плотность населения здесь на порядок выше, чем в северных зонах, и составляет в среднем 12,7 чел./км². Зона занимает около 5% территории, в ее пределах проживает более 60% населения Дальнего Востока.

Экономика Южной зоны отличается от экономик других зон не только большими масштабами, но и разнообразием: значимое место в ней наряду с отраслями обрабатывающей промышленности занимают сельское хозяйство и ряд отраслей сервисной экономики, а географическое положение предо-

пределило развитие транспортно-логистического комплекса. Природно-ресурсный потенциал Южной зоны достаточен для ведения лесозаготовок, рыболовства, добычи и обогащения отдельных видов минерального сырья.

В то же время именно в этой зоне природные ландшафты испытывают наибольшие антропогенные нагрузки, что сопровождается как общим ухудшением качества природной среды, как среды обитания человека, так и истощением ряда природных ресурсов — рекреационных, биологических ресурсов суши и моря и других. Поэтому в рамках экологической политики уже в настоящее время целесообразно предусмотреть действия по рекультивации природных ландшафтов и экологическому зонированию территории Южной зоны с целью выделения территорий с предельно допустимыми величинами антропогенной нагрузки.

Отличительная черта Южной зоны — достаточно зрелая система городских центров, которые объединены полимагистральным инфраструктурным коридором Владивосток — Хабаровск — Благовещенск с выходами на рынки сопредельных стран.

Несомненно, этот коридор, в пределах которого находятся практически все большие и крупные городские поселения Южной зоны (исключение Южно-Сахалинск), можно рассматривать как системообразующий элемент территориальной организации экономики всего Дальнего Востока. Вслед за П. А. Минакиром [36; 37] будем называть этот элемент территориальной организации экономики промышленно-сервисной дугой, отметив к тому же, что эта структура вполне рабочая: она действительно опирается на мощные (во всяком случае, по меркам Дальнего Востока) промышленно-логистические и сервисные узлы: Благовещенска, Хабаровска и агломерацию южного Приморья.

При условии создания надлежащей институциональной среды может появиться реальная возможность того, что эта дуга будет работать как «своеобразный фильтр, который будет поставлен на пути транспортных и энергетических потоков. Этот фильтр будет преобразовывать часть экспортных потоков в продукцию и услуги... Тогда удастся использовать общую идею формирования транспортно-энергетической инфраструктуры международного сотрудничества для увеличения фонда накопления в самом регионе» [37, с. 663].

Для реализации в полном объеме концепции промышленно-сервисных дуг потребуется формирование достаточно емких региональных рынков на продукцию отраслей, которые должны использовать преимущества своего положения на потоках товаров, идущих на экспорт, или же быть готовыми к конкуренции на рынках товаров, полученных при переработке сырья, в сопредельных странах.

Формирование емкого регионального рынка требует активной демографической политики, направленной, с одной стороны, на предотвращение исхода населения с Дальнего Востока в целом, и особенно из Южной зоны, с другой стороны — на привлечение и последующую адаптацию населения из других регионов России. Но при этом трудно ожидать, что можно резко ускорить приток даже в Южную зону желательных социальных и профессиональных групп населения до необходимых размеров, хотя бы по той простой причине, что обустройство их потребует не только значительных средств (нужно создать условия жизни более комфортные, чем в районах выхода), но и времени.

Следует отметить, что Южная зона обладает необходимым минимумом научно-технического потенциала. Эффективное использование этого потенциала, что возможно только при создании соответствующих институциональных условий и инфраструктурного обеспечения научной деятельности, дает основание для производства продукции, конкурентоспособной на рынках сопредельных стран¹.

Разнообразие условий в пределах Южной зоны — отличительная черта пространственной организации экономики зоны — сопровождается многообразием предложения мест для различных типов экономической деятельности — от традиционного хозяйства народностей Приамурья до постиндустриальных.

Если к этому добавить, что многообразие предложения мест влечет за собой многообразие источников конкурентных преимуществ, а уровень зрелости территориальной организации экономики достаточно высок, то в пределах Южной зоны уже в настоящее время для выявления и оценки разнообразия следует использовать методы экономического районирования.

Впрочем, здесь следует иметь в виду два обстоятельства.

Первое — потребность в экономическом интегральном районировании существует не только для Южной, но и для всех остальных макроэкономических зон Дальневосточного макрорегиона. Другое дело, что процессы районообразования имеют в разных зонах различный уровень зрелости. Поэтому маловероятно выделение в пределах даже Южной зоны экономических районов мезоуровня, охватывающих всю территорию зоны. И это несмотря на то, что процесс районообразования был запущен лет сто назад, когда сформировалась система экономических центров, которые по-

---

¹ В свою очередь возможности конкуренции продукции дальневосточных фирм, действующих в традиционных отраслях на тех же географических рынках, весьма ограничены. В том же Китае цена рабочей силы намного ниже, чем на российском Дальнем Востоке, а сложившиеся вертикально-интегрированные компании Республики Корея, действующие в традиционных отраслях машиностроения, превосходят аналогичные дальневосточные компании в технологическом и в организационном отношениях.

тенциально могли стать центрами (ядрами) экономических районов мезоуровня¹.

Кроме того, к настоящему времени имеется немало работ, авторы которых предлагают те или иные сетки районов как Дальнего Востока в целом, так и отдельных субъектов РФ². Но в то же время практически нет работ, посвященных районообразованию, применительно к современному этапу развития экономики Дальневосточного макрорегиона.

Второе — состояние информационной базы экономического районирования оставляет желать лучшего. Общеэкономических карт, отражающих современное состояние экономики отдельных территориальных образований, практически нет. Немногим лучше и состояние физико-географического районирования. Поэтому вовсе не случайно, что анализ пространственных аспектов экономической деятельности в ее «естественных границах» все еще подменяется анализом статистических агрегатов, описывающих экономику субъектов РФ или муниципальных образований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Макроэкономическое зонирование — один из методов (относительно простых, но достаточно эффективных) стратегического анализа, позволяющих выявить и оценить пространственную дифференциацию не только внешней по отношению к экономической системе мегарегиона среды, но и пространственную структуру самой экономической системы мегарегиона.

Система зон в целом и каждая из них в отдельности представляют собой рабочие модели исследования взаимодействия природных и экономических пространственных систем, это своего рода «квазиинтегральные» системы, как их обозначает А. Г. Исаченко [27].

Авторы идут вслед за В. П. Семеновым-Тян-Шанским, В. П. Безобразовым, В. Б. Сочавой, А. Г. Исаченко и целым рядом их последователей, которые анализируют экономические процессы и структуры не наряду с природными, а помещая их последовательно в естественноисторический, а затем и в социальный контекст. В предельно четкой форме это положение было сформулировано академиком В. Б. Сочавой: «Раздельная трактовка природных геосистем и территориальных систем населения и анализ их взаимосвязей сулит более конструктивные выводы практического порядка,

¹ Начальные этапы районообразования на юге Дальнего Востока рассмотрены в работах [15; 17].

² Помимо уже упоминавшейся сетки экономических районов, приведенной в работе [44], это работа [46], а из более ранних — [28].

нежели понимание геосистем... в качестве единого географического комплекса, сочетающего в себе природу, население и хозяйство» [49, с. 10].

Таким образом, макроэкономическое зонирование дает возможность описать самые общие, рамочные условия хозяйственной деятельности и тем самым облегчить понимание субъектам экономической деятельности условий конкурентных сред и способствовать повышению эффективности принимаемых стратегических решений. А это и составляет, в конечном счете, сущность регионального стратегического анализа.

Логика исследования пространственной неоднородности экономическое пространства как необходимого элемента стратегического анализа требует на уровне экономического мегарегиона вслед за проведением макроэкономического зонирования экономического районирования.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают искреннюю благодарность В. Д. Хижняку за подготовку картографических материалов к данной статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983.
2. *Безобразов В. П.* Хлебная торговля в северо-восточной России (в Камском бассейне и Приуральском крае). Труды экспедиции, снаряженной Императорскими Вольным Экономическим и Русским Географическим обществами, для исследования хлебной торговли и производительности в России. Т. II. Вып. 3. СПб., 1870.
3. *Безобразов В. П.* Народное хозяйство России. Московская (Центральная) промышленная область. Ч. I. Введение. Общее значение Московской промышленной области. Волга от Твери до Нижнего Новгорода. Нижегородская ярмарка и общий ход наших промышленных дел. СПб., 1882.
4. *Безобразов В. П.* Народное хозяйство России. Московская (Центральная) промышленная область. Ч. II. Нижегородская губерния и Ока от Нижнего Новгорода до Рязани. СПб., 1885.
5. *Безобразов В. П.* Народное хозяйство России. Московская (Центральная) промышленная область. Ч. III. Костромская губерния. СПб., 1889.
6. *Беляев А. А., Гуков В. П., Космачев К. П.* Зоны хозяйственной освоенности // Изв. СО АН СССР. 1983. № 11.
7. *Бурдые П.* Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
8. *Вальская Б. А.* Обзор опытов районирования России с 1861 по 1917 г. // Неизвестные и малоизвестные страницы отечественного районирования. М.: ЛЕНАНД, 2006.
9. *Вишневский Д. С. и др.* Дальневосточный федеральный округ: экономическая карта. Масштаб 1: 8 000 000. Хабаровск: ФГУП «ДВАГП», 2010.
10. *Гаврилов М. К., Федорова Е. Н., Лазебник О. А.* К вопросу о границе Севера России и его зонировании // Известия РГО. 2004. № 1.

11. Гранберг А. Г. Исследование экономического развития Сибири в разрезе широтных зон и мезорегионов // Изв. СО АН СССР. 1983. № 11.
12. Гранберг А. Г. От редактора // Экономика Сибири в разрезе широтных зон. Новосибирск: Наука, 1985.
13. Грант Р. Современный стратегический анализ. СПб.: Питер, 2008.
14. Демьяненко А. Н. Предупреждение стихийных бедствий и катастроф // Дальний Восток и Забайкалье — 2010 г. М.: Экономика, 2002.
15. Демьяненко А. Н. Социально-экономическое районообразование на юге Дальнего Востока // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск: АМГУ, 2002.
16. Демьяненко А. Н. Чрезвычайные ситуации на Дальнем Востоке: экономико-географический аспект проблемы // География и природные ресурсы. 2003. № 2.
17. Демьяненко А. Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003.
18. Демьяненко А. Н. Район как объект стратегического управления в контексте теории организации // Пространственная экономика. 2008. № 2.
19. Демьяненко А. Н. Восток России: общее и специфическое // От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока. Екатеринбург, 2009.
20. Демьяненко А. Н. Мегарегионы: сравнение контекстных и структурных характеристик // От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока. Екатеринбург, 2009.
21. Дьяконов Ф. В. Проблемы формирования народнохозяйственного комплекса Дальневосточного экономического района // Сибирский географический сборник. Вып. 12. Новосибирск: Наука, 1976.
22. Дьяконов Ф. В. Формирование народнохозяйственного комплекса Дальнего Востока. М.: Наука, 1990.
23. Естественноисторическое районирование СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1947.
24. Исаченко А. Г. Развитие географических идей. М.: Мысль, 1971.
25. Исаченко А. Г. Ландшафты СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
26. Исаченко А. Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. М.: Высшая школа, 1991.
27. Исаченко А. Г. Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб.: Изд-во СПбУ, 2008.
28. Кобылковский Г. П. Внутреннее экономическое районирование на юге Дальнего Востока для целей построения транспортной сети // Экономическое районирование и народное хозяйство СССР. М.: Мысль, 1964.
29. Колесников Б. П. Очерк растительности Дальнего Востока. Хабаровск, 1955.
30. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. М.: УРСС, 2000.
31. Лесной комплекс Дальнего Востока России. Аналитический обзор. Хабаровск: РИОТИП, 2008.
32. Лященко П. И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912.
33. Меламед И. И. Стратегия развития Дальнего Востока России. М.: Современная экономика и право, 2008.
34. Минакир П. А. Дальний Восток в модифицирующейся экономике России // Экономическая наука современной России. 2004. № 1.
35. Минакир П. А. Экономика и пространство (тезисы размышлений) // Пространственная экономика. 2005. № 1.

36. *Минакир П. А.* Тихоокеанская Россия в АТР и СВА: вызовы и возможности // *Пространственная экономика*. 2005. № 4.
37. *Минакир П. А.* Экономика региона. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006.
38. *Минакир П. А.* Мнимые и реальные диспропорции экономического пространства // *Пространственная экономика*. 2008. № 4.
39. *Минакир П. А.* Мировой кризис: национальные и региональные реакции // *Пространственная экономика*. 2010. № 1.
40. *Минакир П. А., Демьяненко А. Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // *Пространственная экономика*. 2010. № 2.
41. *Минакир П. А., Прокапало О. М.* Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010.
42. *Назаревский О. Р.* Карта условий жизни населения СССР. М.: ГУГК, 1985.
43. *Население и трудовые ресурсы Дальневосточного федерального округа: атлас. Вып. 1. Размещение и демографические особенности населения.* Хабаровск: РИОТИП, 2007.
44. *Планово-экономический атлас Дальневосточного экономического района. Вып. 2. Общая характеристика развития и размещения производительных сил.* Хабаровск, 1989.
45. *Пузанов А. С.* Социально-экономические зоны и районы Дальнего Востока. Автореф. к. г. н. М., 1990.
46. *Романов М. Т.* Территориальное устройство хозяйства и населения на российском Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2004.
47. *Семенов-Тянь-Шанский В.* Город и деревня Европейской России. СПб., 1910.
48. *Славин С. В.* Освоение Севера. М.: Наука, 1975.
49. *Сочава В. Б.* Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1978.
50. *Сысоев А. А.* О роли природных рубежей в формировании широтных экономических зон // *Экономика Сибири в разрезе широтных зон.* Новосибирск: Наука, 1885.
51. *Сухомиров Г. И.* Таежное природопользование на Дальнем Востоке России. Хабаровск: РИОТИП, 2007.
52. *Торговля и промышленность Европейской России по районам. Общая часть.* СПб., 1909.
53. *Фернандес-Арместо Ф.* Цивилизации. М.: АСТ, 2009.
54. *Чичканов В. П.* Дальний Восток: стратегия экономического развития. М.: Экономика, 1988.
55. *Чубинский П. П.* О состоянии хлебной торговли и производительности в Северном районе // *Труды экспедиции, снаряженной Императорскими Вольным Экономическим и Русским Географическим обществами, для исследования хлебной торговли и производительности в России.* СПб., 1870.
56. *Ширков Э. И.* Эколого-экономическая эффективность использования природного потенциала Охотского моря // *Пространственная экономика*. 2010. № 3.
57. *Шлямин Б. А.* Охотское море. М.: Географгиз, 1957.
58. *Экономика Сибири в разрезе широтных зон.* Новосибирск: Наука, 1985.

УДК 338(571)

Л. И. Власюк, В. В. Редько

ФАКТОРЫ РОСТА ЭКОНОМИКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 2000—2007 гг.

Проанализированы факторы роста экономики Российской Федерации и Дальнего Востока в период 2000—2007 гг. с использованием аппарата производственных функций. Дана количественная оценка зависимости между объемом выпуска и факторами роста.

Экономический рост, факторы роста, производственная функция, панельные данные, Дальний Восток, Российская Федерация.

Анализ проблем экономического роста страны или региона сводится к необходимости ответить на несколько вопросов: какие факторы обеспечивают процесс роста экономики, чем определяются соотношения и комбинации факторов роста и каково воздействие различных комбинаций факторов на динамику макроэкономических показателей? Региональный экономический рост характеризуется большей, чем для национальной экономики, вариативностью факторов роста. Это вполне объяснимо, учитывая неоднородность регионов с точки зрения природно-географического положения, ресурсной обеспеченности, климатических и других объективных факторов, а также значительную дифференциацию регионов по уровню социально-экономического развития.

В период 2000—2007 гг. на фоне регистрируемых положительных темпов роста в функционировании экономической системы Дальнего Востока наметился ряд характерных тенденций (отстающие от среднероссийских темпы роста ВРП, высокая норма накопления, низкая доля реинвестируемой пред-

---

© Власюк Л. И., Редько В. В., 2010

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 09-02-88204 а/Т, интеграционного проекта ДВО РАН и СО РАН № 09-И-СО-10-001, гранта ДВО РАН № 10-III-B-10-012.

приятными прибылями, низкая доля чистого экспорта в ВРП, высокая скорость роста импорта и т. д.), свидетельствующих об особенностях экономической системы региона.

В связи с этим представляется целесообразным проанализировать факторы роста экономики Дальнего Востока и Российской Федерации в предкризисный период и количественно оценить вклад тех или иных факторов роста в результирующие показатели функционирования экономики.

Принято считать, что современные теории экономического роста сформировались под влиянием двух основных подходов к трактовке макроэкономических процессов и явлений, обусловивших соответственно и развитие двух направлений в теоретических исследованиях проблем экономического роста: неоклассического и кейнсианского. В неоклассических моделях роста исходной посылкой движения является предложение, а центральное место в аппарате макроэкономического анализа занимает производственная функция. Кейнсианство делает упор на исследование экономики в целом. Центральная проблема макроэкономики для кейнсианской теории — факторы, определяющие уровень и динамику дохода, его распределение в условиях формирования эффективного спроса. В моделях роста совокупный спрос рассматривается как основной фактор экономического роста.

Проблему количественной оценки факторов экономического роста можно рассматривать в двух аспектах: 1) анализ увеличения совокупного предложения и 2) исследование возможностей роста, обеспечиваемых увеличением совокупного спроса. В данной статье представлены результаты оценки факторов роста с использованием аппарата производственных функций в терминах неоклассического подхода.

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ И ДЕКОМПОЗИЦИЯ РОСТА

Совокупное действие факторов, под которыми в классическом смысле подразумевается применяемый капитал и фактически используемые затраты труда, определяет масштаб и динамику валового выпуска товаров и услуг. Технологический способ производства, определяемый соотношением капитала и труда, с одной стороны, и их предельной производительностью, с другой, определяет возможности экономики при данных ресурсах капитала и труда, как с точки зрения масштабов, так и динамики производства.

В основе метода декомпозиции роста лежит предположение о существовании макроэкономической производственной функции, определяющей соотношение между максимально возможным объемом выпуска и доступными факторами производства при данном уровне технологии:

$$Y = f(A, K, L),$$

где Y — выпуск; K — затраты капитала; L — затраты труда; A — параметр.

Распространенной реализацией факторной модели является двухфакторная производственная функция Кобба — Дугласа:

$$Y_t = A \cdot K_t^\alpha \cdot L_t^\beta, \quad (1)$$

где α — коэффициент эластичности выпуска по капиталу, β — коэффициент эластичности выпуска по труду. Параметр A в модели выполняет в функции (1) двойную роль: во-первых, приводит масштаб (размерность) факторов L и K и их произведения к масштабу (размерности) выпуска Y , во-вторых, этот параметр отражает влияние на Y неидентифицированных, т. е. не учтенных в модели, факторов производства и меняющихся условий воспроизводства [1, с. 205].

Оценки модели осуществляются с использованием методов регрессионного анализа¹, для этого была проведена линеаризация модели путем перехода в логарифмическую шкалу:

$$\ln(Y) = \ln(A) + \alpha \ln(K) + \beta \ln(L). \quad (2)$$

Как правило, факторы роста коррелируют между собой, поэтому традиционно модель (2) преобразовывают к виду (3), где зависимой переменной выступает производительность труда, а в качестве независимой переменной — капиталовооруженность труда (данное преобразование делается при предположении, что $\alpha + \beta = 1$, что означает постоянство отдачи от масштаба факторов производства):

$$\ln(Y/L) = \ln(A) + \alpha \ln(K/L). \quad (3)$$

Несмотря на достаточно понятную постановку задачи об определении вклада факторов (труда, капитала и др.) в рост выпуска, сложность состоит в определении того, какие статистические показатели использовать в качестве факторов в модели. Это вопрос достаточно подробно обсуждался в работах, касающихся исследования проблем роста национальной экономики и регионального экономического роста.

При исследовании региональных факторов роста в качестве объясняемой переменной — показателя экономического роста — обычно используются

¹ Существует два основных способа оценки коэффициентов эластичности: эконометрический и распределительный — на основе долей факторов в доходе (выпуске), в предположении о том, что «вклад» фактора равен цене этого фактора (предельная производительность равна предельному доходу). Каждый из способов имеет свои недостатки и преимущества. В данной работе использовался эконометрический метод. Недостаток метода — это информационные трудности и сложность получения устойчивых и надежных оценок, но именно этот метод в большей степени соответствует сути факторных моделей, учитывает стохастический характер рассматриваемых связей между объемом выпуска и физическим объемом производства. См., напр.: [1, с. 211].

статистически доступные показатели, валовой региональный продукт или ВРП на душу населения [6; 7], а также производные от них (ВРП на душу населения, подправленный на стоимость жизни; темп роста ВРП на душу населения; темп роста ВРП на душу населения, скорректированный на стоимость потребительской корзины; темп роста ВРП на душу населения, подправленный на индекс потребительских цен, и т. д. [2]). Для декомпозиции роста показатели необходимо привести в сопоставимые цены. Обычно для этого используется индекс физического объема ВРП, но может применяться и индекс потребительских цен, особенно если ВРП в рамках исследования отражает уровень доходов населения в данном регионе [7]. При этом использование в качестве дефляторов ВРП региональных индексов потребительских цен к данным 1997—2002 гг. привело к занижению оценки темпов роста реального регионального продукта по сравнению с официальными данными о динамике физического объема ВРП [7, с. 103].

В данном исследовании в качестве результирующей переменной использовались данные о ВРП, приведенные в сопоставимые цены 2007 г. с использованием индекса физического объема ВРП.

Под вкладом фактора труда в экономический рост или под затратами трудовых ресурсов, как правило, подразумеваются услуги труда, предоставленные занятым населением. Затраты труда могут быть оценены как отработанные человеко-часы, кроме того, необходимо учитывать половозрастную, квалификационную, образовательную составляющие труда. В силу отсутствия такой статистической информации на региональном уровне вклад фактора труда оценивают на основе доступной статистики, используется показатель «среднегодовая численность занятых» [7, с. 103]. Еще один используемый показатель — совокупный объем заработной платы лиц, работающих по найму [6]. Этот показатель не учитывает всех доходов экономически активного населения.

В данном исследовании для оценки вклада затрат труда используется статистический показатель «среднегодовая численность занятых в экономике».

Проблемы оценки затрат капитала являются наиболее сложными. Поскольку в региональном разрезе доступными являются данные лишь о стоимости основных фондов по полной учетной стоимости и инвестициях в основной капитал, они и составляют «конкуренцию» друг другу¹. Инвестиции в основной капитал в сопоставимые цены можно привести только с использованием индекса физического объема инвестиций, индексов объема фондов

¹ В официальной статистике расчет полной учетной стоимости основных фондов осуществляется в смешанных ценах, так как часть инвентарных объектов отражается в балансах по восстановительной стоимости на момент последней проведенной переоценки, а другая часть, не проходившая переоценку, — в ценах приобретения.

в статистике не существует. Показатель «стоимость основных фондов» из-за проводимых переоценок основных фондов, некорректного бухгалтерского учета слабо отражает реальные процессы формирования производственных мощностей предприятий региона. Исследователями были предприняты попытки построения индексов физического объема основных фондов. Полученный ими на основе коэффициентов выбытия и обновления индекс физического объема основных фондов является весьма грубой аппроксимацией динамики физического объема капитала [8; 7, с. 124].

Поскольку надежных данных для переоценки стоимости фондов не существует, то в настоящем исследовании данные о стоимости основных фондов используются в том виде, в котором они представлены в статистических сборниках.

Таким образом, в исследовании используются следующие показатели: выпуск — ВРП, капитал — инвестиции в основной капитал и стоимость основных фондов, труд — среднегодовая численность занятых.

Поскольку количество точек наблюдения ограничено коротким временным периодом (2000—2007 гг.), что делает невозможным получение статистически надежных оценок, то необходимо увеличить объем исходной информации — использовать либо данные по территориальным образованиям более низкого уровня (что было использовано в работе), либо данные, агрегированные до уровня отраслей.

В качестве территориальных образований рассматривались субъекты РФ уровня республик, краев, областей и автономных областей. Другие автономные образования, в силу неполноты информации о них и особенностей статистического учета, исключались из рассмотрения как отдельные субъекты, а воспринимались как часть вышестоящего субъекта (например, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа рассматривались вместе с Тюменской областью, Ненецкий автономный округ вместе с Архангельской областью и т. д.). Общая численность регионов, включенных в анализ, составляет 79 (без учета Чеченской республики, по которой отсутствует полный объем информации). Поскольку г. Москва и г. Санкт-Петербург значительно опережают все остальные регионы по ВРП в абсолютном значении (являются статистическими «выбросами», что означает ухудшение статистических оценок), то оценки проводились и с учетом, и без учета этих субъектов РФ.

Для оценки параметров производственных функций используются панельные данные за 8 лет (2000—2007 гг.): для РФ — по 79 регионам, 632 наблюдения; для Дальнего Востока — по 9 регионам, 72 наблюдения.

Среди вариантов оценки данных используются: модель с фиксированными эффектами (FE), модель со случайными эффектами (RE) и объединенная модель регрессии. Все данные используются в постоянных ценах 2007 г.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА МОДЕЛЕЙ

Для оценки модели были использованы показатели в абсолютном и относительном выражении. Но статистически значимыми оказались только модели, в которых показатели приведены в абсолютном выражении. Для моделей, в которых используются данные в относительном выражении (приросты), статистически значимы те, где капитал измеряется показателем «инвестиции в основной капитал». Несмотря на это они имеют низкую объясняющую способность (не более 20%), что определяется разнонаправленностью действия трендов показателей (выпуска и фондов, выпуска и численности занятости).

Корреляционные коэффициенты для экономики РФ и Дальнего Востока для данных в абсолютном выражении представлены в таблицах 1 и 2 соответственно.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между ВРП и факторами для РФ с г. Москвой и г. Санкт-Петербургом / без учета г. Москвы и г. Санкт-Петербурга

Показатель	ВРП	Среднегодовая численность занятых	Стоимость основных фондов	Инвестиции в основной капитал
ВРП, млн руб.	1			
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	0,86/0,70	1		
Стоимость основных фондов, млн руб.	0,87/0,95	0,72/0,60	1	
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	0,90/0,96	0,77/0,61	0,93/0,93	1

Для экономики РФ коэффициент корреляции между факторами (стоимость фондов и численность занятых, инвестиции в основной капитал и численность занятых) больше 0,70, что позволяет утверждать о наличии линейной зависимости между факторами, о присутствии мультиколлинеарности в модели и о необходимости по возможности преобразовать исходные данные. Исключение из рассмотрения г. Москвы и г. Санкт-Петербурга теоретически смягчает проблему мультиколлинеарности, делая возможными оценки модели в первоначальном виде (2).

Для экономики Дальнего Востока также наблюдается высокая корреляционная зависимость между факторами — среднегодовой численностью занятых и основными фондами (0,81), что может ухудшить оценки данной модели.

Для России инвестиции в основной капитал позволяют удерживать тенденцию накопления стоимости основных фондов (коэффициент корреляции 0,93), для экономики Дальнего Востока — стоимость основных фондов не

определяется приростом инвестиций (коэффициент корреляции 0,54). Корреляция между инвестициями и ВРП в экономике Дальнего Востока меньше, чем в РФ (0,71 и 0,90 соответственно). Существенная разница этих показателей свидетельствует о несогласованности темпов роста размера инвестиций в основной капитал и ВРП Дальнего Востока, что связано с особенностями инвестиционной деятельности в регионе. Инвестиции осуществляются в капиталоемкие долгосрочные проекты (в инфраструктурных и сырьевых отраслях), которые могут обеспечить прирост производства в будущем. Они необходимы для создания условий для экономического роста, однако не дают адекватного прироста добавленной стоимости в настоящий момент.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между ВРП и факторами для Дальнего Востока России

Показатель	ВРП	Среднегодовая численность занятых	Стоимость основных фондов	Инвестиции в основной капитал
ВРП, млн руб.	1			
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	0,82	1		
Стоимость основных фондов, млн руб.	0,86	0,81	1	
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	0,71	0,30	0,54	1

Оценки влияния классических факторов роста на выпуск для экономики страны в целом и для экономики Дальнего Востока с использованием модели вида (2), где в качестве капитала первоначально рассматривался показатель стоимости основных фондов, а во втором случае — инвестиции в основной капитал, приведены в таблицах 3 и 4 соответственно.

Таблица 3

Коэффициенты эластичности ВРП по фондам и труду

Ln(Y _t)	Показатель				
	Ln(A)	Ln(Φ _t)	Ln(L _t)	R ²	F-статистика
РФ* (FE)	1,56 1,78	0,33 32,44	0,94 6,45	0,74	808,87
РФ** (FE)	1,37 1,55	0,34 31,65	0,97 6,56	0,74	752,69
Дальний Восток (FE)	3,81 5,18	0,38 3,66	0,53 4,97	0,89	48,09

Примечания: в столбцах «Показатель» нижнее значение — t-статистика;

*РФ с учетом г. Москвы и г. Санкт-Петербурга; ** РФ без учета г. Москвы и г. Санкт-Петербурга (и далее).

Коэффициенты эластичности ВРП по инвестициям и труду

Ln(Y _t)	Показатель				
	Ln(A)	Ln(I _t)	Ln(L _t)	R ₂	F-статистика
РФ * (FE)	0,65 0,75	0,30 32,7	1,28 9,09	0,75	820,44
РФ ** (FE)	1,16 1,34	0,30 32,44	1,20 8,45	0,75	787,06
Дальний Восток (RE)	4,39 21,55	0,24 13,53	0,73 10,59	0,96	419,19 (Статистика Вальда)

Примечания: в столбцах «Показатель» нижнее значение — t-статистика;

*РФ с учетом г. Москвы и г. Санкт-Петербурга; ** РФ без учета г. Москвы и г. Санкт-Петербурга (и далее).

Для экономики Российской Федерации в целом наилучшими со статистической точки зрения оказались модели с фиксированными эффектами. Для экономики Дальнего Востока наилучший результат показала в первом случае модель с фиксированным эффектом, а во втором — со случайным.

Модели, представленные в таблицах 3 и 4, статистически значимы, имеют высокую объясняющую способность (более 70%). Очень высокий коэффициент детерминации (96%) у модели по Дальнему Востоку (табл. 4), что для практической модели считается очень высоким показателем и может свидетельствовать о наличии мультиколлинеарности, но именно в этой постановке корреляция между факторами была очень слабой (0,30), так что можно говорить о высоком качестве модели.

Анализ полученных оценок модели (2) позволяет предположить следующее.

В экономике РФ эластичность ВРП по труду выше, чем эластичность по капиталу; она характеризуется возрастающей отдачей от масштаба факторов производства, т. е. увеличение затрат труда и капитала приводит к непропорциональному увеличению выпуска; параметр А статистически незначим.

В экономике Дальнего Востока эластичность ВРП по труду выше, чем эластичность по капиталу; экономика характеризуется убывающей отдачей от масштаба факторов производства, т. е. ВРП увеличивается медленнее, чем рост затрат факторов производства; параметр А статистически значим.

Что касается параметра А, который отражает влияние на выпуск всех неучтенных в модели факторов роста, то такая ситуация вполне закономерна. Во-первых, использование аппарата производственных функций на разных уровнях агрегирования данных (национальная и региональная экономики) в какой-то степени обуславливает разницу результатов. Во-вторых, поскольку

РФ оценивается как совокупность разнородных объектов (структура панельных данных), то совокупное влияние разнородных неучтенных компонент оказывается незначимым.

Поскольку значимыми оказались модели в абсолютном значении, а факторы коррелируют между собой, то были оценены модели вида (3), где, как в случае с моделью вида (2), в качестве капиталовооруженности рассматривался показатель фондовооруженности труда и инвестиционной вооруженности труда (табл. 5 и б).

Таблица 5

Коэффициенты эластичности производительности труда по фондовооруженности

Ln(Y _t /L _t)	Показатель			
	L(A)	Ln(Φ _t /L _t)	R ₂	F-статистика
РФ * (FE)	3,31 55,97	0,35 36,05	0,70	1299,76
РФ ** (FE)	3,28 53,83	0,35 34,8	0,69	1211,17
Дальний Восток (RE)	3,14 4,59	0,42 3,92	0,18	52,46 (Статистика Вальда)

Примечания: в столбцах «Показатель» нижнее значение — t-статистика;
*РФ с учетом г. Москвы и г. Санкт-Петербурга; ** РФ без учета г. Москвы и г. Санкт-Петербурга (и далее).

Таблица 6

Коэффициенты эластичности производительности труда по инвестиционной вооруженности

Ln(Y _t /L _t)	Показатель			
	Ln(A)	Ln(I _t /L _t)	R ₂	F-статистика
РФ * (FE)	4,26 128,08	0,31 35,71	0,70	1274,85
РФ** (FE)	4,25 128,55	0,31 35,26	0,70	1243,51
Дальний Восток (FE)	4,20 34,07	0,38 13,39	0,74	175,43

Примечания: в столбцах «Показатель» нижнее значение — t-статистика;
*РФ с учетом г. Москвы и г. Санкт-Петербурга; ** РФ без учета г. Москвы и г. Санкт-Петербурга (и далее).

Все модели статистически значимы, с высокой объясняющей способностью (около 70%), за исключением модели по Дальнему Востоку, где оценивается эластичность производительности труда по фондовооруженности (менее 20%) (табл. 5).

Коэффициент эластичности производительности труда по фондовооруженности и по инвестиционной вооруженности выше для экономики Дальнего Востока, чем для РФ. Исключение Москвы и Санкт-Петербурга практически не меняет показателей модели для РФ.

Полученные оценки эластичности не соответствуют традиционным представлениям. Возможно, это объясняется перекосами в пропорциях цен, которые обусловлены высокими транспортными и энергетическими тарифами, а также различиями натурально-стоимостной структуры выпуска.

Использование аппарата производственных функций для анализа факторов роста экономики позволяет ответить только на часть вопросов о том, в какой мере экономический рост обусловлен классическими факторами роста, так называемыми факторами роста со стороны предложения, и какова доля неучтенных факторов? Что касается структуры этих факторов и измерителей для них, то, хотя исследования в этом направлении и ведутся [2; 3; 7; 9], надежного способа оценить влияние каждого пока не существует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анчишкин А. И. Прогнозирование роста социалистической экономики. М.: Мысль, 1973.
2. Валитова Л. Факторы регионального роста. РЕЦЕП. М., 2005. Электронный ресурс: http://www.recep.ru/files/documents/factors_regional_growth-valitova-ru.pdf.
3. Клисторин В. Е. Качество экономического роста и региональное развитие // Регион: экономика и социология. 2006. № 3.
4. Минакир П. А. Экономическое развитие региона: программный подход. М.: Наука, 1983.
5. Минакир П. А. Мировой кризис: национальные и региональные реакции // Пространственная экономика. 2010. № 1.
6. Нижегородцев Р. М., Архипова М. Ю. Факторы экономического роста российских регионов: регрессионно-кластерный анализ. Вестник УГТУ—УПИ, 2009. № 3.
7. Факторы экономического роста в регионах РФ. М.: ИЭПП, 2005.
8. Факторы экономического роста российской экономики. М.: ИЭПП, 2003.
9. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах / Консорциум по вопр. приклад. экон. исслед., Канадское агентство по международ. развитию. М.: ИЭПП, 2007.

УДК 314.7(571.2)

Е. О. Скрипник

МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

По данным социологического обследования городов Хабаровского края выделены 2 группы: стабильное население и потенциальные мигранты (с низкой и высокой вероятностью переезда). На основе анализа ответов респондентов определены и оценены факторы, формирующие миграционные намерения. Показано, что наряду с факторами экономического характера на миграционные намерения респондентов в значительной степени воздействуют факторы, имеющие неэкономическую природу.

Социологическое обследование, миграция, население, респонденты, группы, миграционные намерения, факторы миграции, Хабаровский край.

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдаемые в Хабаровском крае снижение оттока населения и небольшой миграционный прирост, зафиксированный в 2007—2009 гг., нередко расцениваются в качестве положительной тенденции в региональных миграционных и социально-экономических процессах. Однако миграционный прирост Хабаровского края, фиксируемый официальной статистикой, складывается, во-первых, благодаря положительному сальдо с другими дальневосточными территориями¹, что в определенной мере компенсирует

© Скрипник Е. О., 2010

Статья подготовлена в рамках проекта ДВО РАН № 09-Ш-А-10-546 «Пространственная дифференциация социально-экономических условий проживания и миграционной мотивации населения на Дальнем Востоке России».

¹ Миграция из Сахалинской, Магаданской, Амурской областей, Камчатского края, Чукотского автономного округа и Республики Саха (Якутия).

стабильный отток жителей в центральные регионы страны; во-вторых, благодаря специфике современного учета, в котором не разделяются трудовые мигранты (в т. ч. из-за рубежа) и прибывшие на постоянное место жительства [10, с. 137]. Это обеспечивает краю формальное превышение числа въехавших над выехавшими. Фактически миграционное сальдо Хабаровского края (без учета международной миграции) остается отрицательным [6, с. 16].

Несмотря на то, что разрыв по основным социально-экономическим индикаторам Хабаровского края по сравнению с центральными регионами России не сокращается, количество выехавших с территории Хабаровского края в другие регионы России по сравнению с 1990 г. уменьшилось в 3 раза.

Подобные тенденции позволяют предположить, что миграционная динамика в крае формируется под воздействием как факторов экономического характера, так и в результате влияния не отслеживаемых статистикой неэкономических процессов. Это предположение является гипотезой проведенной работы. Для проверки данной гипотезы на основе информации, полученной в рамках специально организованного и проведенного социологического обследования, были рассмотрены качественные и количественные характеристики миграционных установок жителей Хабаровского края; определены факторы, стимулирующие и сдерживающие миграцию населения.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка и ее репрезентативность. В территориальную выборку исследования попали наиболее крупные и экономически значимые города Хабаровского края: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Советская Гавань. Выбор населенных пунктов определялся возможностями организации опроса проживающего в них населения, а также тем, что на долю исследуемых городов приходится 80,7% всех прибывших в край мигрантов и 69,4% выбывших с территории края [7, с. 8—11]. Это соответствует современным российским исследованиям [4; 8].

В выборочную совокупность вошли 450 респондентов¹. Из этого числа методом генерации случайных чисел было отобрано 188 анкет так, чтобы по половозрастным и пространственным характеристикам выборка соответствовала заранее определенной структуре.

Анкетирование. Анкетный опрос жителей выбранных городов проводил-

---

¹ Согласно правилам формирования объема выборки приемлемым считается использовать принцип уже проведенных ранее исследований. По методологии Госкомстата выборочные обследования населения строятся на основе опроса 0,002% населения. Соответственно 0,002% от численности населения были взяты как минимальный порог размера выборки для проведения региональных исследований в данной области.

ся дистанционно: респонденты самостоятельно заполняли предложенную интервьюером анкету. Мероприятия по подготовке плана работы, выборки, составлению анкеты, переговоры с участниками и координаторами проекта проводились в период январь — февраль 2009 г. Анкетирование было закончено в августе 2009 г. Обработка и анализ результатов велась с мая 2009 г. по январь 2010 г.

Структура анкеты включала 50 вопросов, разделенных на три смысловые группы. Первая группа позволила получить информацию о социальном статусе и психологических характеристиках респондентов; вторая была направлена на выявление миграционных намерений, третья — на определение причин формирования миграционных намерений.

Методы анализа первичной информации. Анализ первичной информации проводился с помощью корреляционного анализа: построения одномерных и многомерных распределений, типологизации и исследования тесноты связи дихотомических рядов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Группировка респондентов в зависимости от их миграционных намерений. В данной работе под миграционными намерениями понимается степень готовности респондента к переезду. Несмотря на то, что намерения могут и не реализовываться, однако информация о них и о том, как они формируются, может быть весьма полезной для исследования факторов самой миграции, а также возможностей ее регулирования.

Следуя логике выборочного исследования миграции Т. И. Заславской¹, были выделены две группы респондентов в зависимости от характера их миграционных намерений. Первая группа — стабильное население (48,9%) — включает респондентов, которые не показали готовности к переезду в силу различных причин (не хотят, не готовы переезжать, не видят смысла в смене места жительства, не знают, куда ехать, не могут бросить жилье, работу, семью, друзей и т. д.). Вторая группа — потенциальные мигранты (51,1%) — объединила респондентов, отметивших намерение мигрировать. Данная группа была разбита на две подгруппы по признаку вероятности миграции. Подгруппа потенциальных мигрантов с низкой вероятностью переезда включает респондентов, у которых было зафиксировано намерение ми-

¹ Т. И. Заславская [5, с. 22] определяла потенциальных мигрантов по их положительному отношению к переезду, но пока не реализовавших решение о смене места жительства. Лица, которые положительно относятся к миграции, но не принимают какого-либо решения, образуют категорию колеблющихся, а отрицательно настроенные к миграции — категорию стабильного населения. Для нашего исследования принцип группировки был видоизменен, т. к. более значимым было изучить не только отношение к миграции, но и ее мотивы, т. е. существующую предрасположенность населения к ней, выраженную в виде реального намерения переехать и подкрепленную осознанием причин переезда.

грировать, но которые не выбрали место будущего проживания (28,6%). В подгруппу потенциальных мигрантов с высокой вероятностью переезда были определены респонденты, точно определившиеся с тем, куда и когда они хотят переехать (22,5%).

Направления возможных миграций. Из всех респондентов, намеренных переехать, более половины не знают, куда они могут мигрировать. Среди потенциальных мигрантов с высокой вероятностью переезда только 12,4% респондентов выбрали местом своего будущего проживания другой населенный пункт Дальнего Востока, около 73% предпочтут выехать за пределы Дальнего Востока в другие регионы страны, 14,6% собираются покинуть Российскую Федерацию.

Половозрастные характеристики. Самая высокая доля потенциальных мигрантов с высокой вероятностью переезда (36,4%) сосредоточена в возрастной группе до 24 лет, что помимо возрастных особенностей объясняется и другими характеристиками: отсутствие семьи и детей существенно увеличивает вероятность миграции, снижая риски и стоимость переезда¹.

Доля потенциальных мигрантов с высокой вероятностью переезда снижается с увеличением возраста респондентов, однако желание мигрировать не исчезает. Наоборот, доля потенциальных мигрантов с низкой вероятностью переезда растет по всем возрастным группам, резко снижаясь в группе старше 54 лет² (рис. 1).

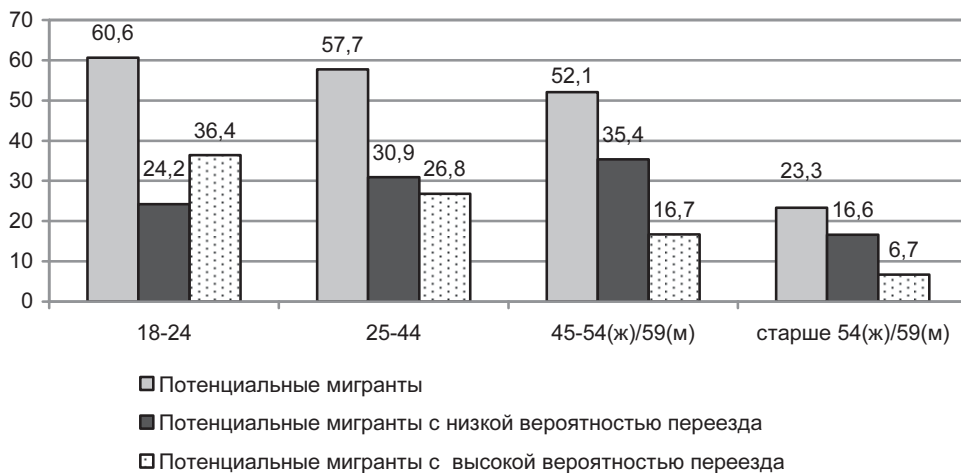

Рис. 1. Распределение потенциальных мигрантов по возрастным группам, %

¹ В группе до 24 лет доля «семейных» респондентов с детьми составляет всего 2%; в возрасте 25—44 года — 73%; старше 45 лет — 93%.

² Хотя и остается выше в несколько раз, чем в других городах РФ [11, с. 261].

Общепризнана зависимость миграционных намерений от пола [5; 10; 12; 14], хотя в настоящее время она выражена значительно слабее¹. По результатам проведенного обследования в группе потенциальных мигрантов респонденты женского пола занимают 53,5%. Достаточно высокая миграционная мобильность женщин связана с их возрастающей ролью во всех сферах жизнедеятельности, особенно в трудовой. Косвенно это можно подтвердить тем, что доля респондентов-женщин с высокой вероятностью переезда в возрасте от 25 до 44 лет выше, чем доля мужчин в этой же группе (29,7% женщин и 23,5% мужчин). В предпенсионном возрасте, наоборот, доля женщин, готовых переехать, снижается вдвое (11,5% женщин и 22,7% мужчин).

Образование. Намерение мигрировать среди респондентов с высшим и средним специальным образованием и не имеющих образования наблюдается примерно в 50% в каждой совокупности. Это не позволяет сделать вывод о том, что уровень образования влияет на миграционные установки. Однако в подгруппе потенциальных мигрантов с высокой вероятностью переезда 65,9% имеют высшее образование, а в группе с низкой вероятностью таких респондентов уже 60,4%. Таким образом, высокообразованные люди намерены переезжать не чаще других, но в случае принятия такого решения вероятность их миграции выше.

Географическая структура населения. Под географической структурой в данной работе понимается распределение населения в зависимости от места проживания и места рождения. В советское время высокую миграционную подвижность населения регионов Дальнего Востока связывали с низкой долей коренных жителей [13, с. 41]. Общепризнано: чем больше новоселов и чем меньше количество прожитых лет в населенном пункте², тем более подвижно население как с точки зрения свершившейся, так и возможной миграции [3, с. 577—578].

В советский период основную часть населения Хабаровского края составляли переселенцы, которые не рассматривали регион в качестве постоянного места жительства³. Как показало данное исследование, за последние 30 лет структура проживающего в Хабаровском крае населения значительно изменилась (*табл. 1*).

¹ Тенденция сглаживания различий в уровне миграционной активности у мужчин и женщин отмечалась в работе [9, с. 244]. Более высокая миграционная активность у женщин была описана в работе [11, с. 261] для городов России и в статье [15, с. 176] для Дальнего Востока.

² Наблюдения Л. Л. Рыбаковского, сделанные на Дальнем Востоке в советский период, показывают, что вероятность миграции у лиц, проживающих в местах вселения до 5 лет, выше, чем у населения, проживающего в данном месте более 15 лет, в десятки раз, а по сравнению с теми, кто прожил там более 25 лет, — в сотни раз [12, с. 53—55].

³ Из 1075 опрошенных в 1996 г. жителей Хабаровска лишь 17 человек ответили, что приехали на Дальний Восток, чтобы остаться навсегда [1, с. 121].

Таблица 1

Структура постоянного населения Хабаровского края в 1979 и 2009 гг., %

Характеристика	Перепись 1979 г.	Перепись 2002 г.	Исследование 2009 г.
Постоянное население (местные уроженцы и старожилы — проживающие более 10 лет)	64,9	96,1	92,9
Доля местных уроженцев	34,7	59,9	51

Источники: [2; 14, с. 143].

Если в 1979 г. к постоянному относили 64,9% населения, то по результатам настоящего опроса к данному типу можно отнести уже более 90% респондентов (92,9% респондентов проживают в исследуемых городах более 10 лет, 62% — более 25 лет).

Если в 1979 г. доля местных уроженцев (родившихся в данном населенном пункте) составляла 34,7%, то по результатам проведенного опроса уже 51% респондентов родились в том же городе (из которых, правда, 61,5% — это молодежь в возрасте до 34 лет). В настоящее время у 92% всех респондентов большинство членов семьи проживают в пределах того же города.

В результате такой структуры оказалось, что количество прожитых лет в населенном пункте и место рождения не влияют на миграционные предпочтения респондентов. Во всех группах доля старожилов (респондентов, проживающих более 10 лет) оказалась высокой (более 90%). Доля местных уроженцев в группах стабильного населения и потенциальных мигрантов составила около 50% в каждой.

Миграционный опыт. Как показывают исследования, прошлые миграции¹ существенно повышают вероятность переезда [13, с. 37]. Интересно, что результаты проведенного обследования не подтверждают данную тенденцию: в группе стабильного населения 64% имеют миграционный опыт, а в группе потенциальных мигрантов таких респондентов 48%. Возможно, более низкая доля потенциальных мигрантов среди респондентов, имеющих опыт переезда, объясняется снижением миграционной активности в результате изменений причин миграции и социально-демографических характеристик мигрантов. Если в 1979 г. опыт переезда отмечался у 65,3% населения Хабаровского края и до 86% мигрантов ехали на Дальний Восток работать [1, с. 121], то в настоящем исследовании он присутствует лишь у 56% всех респондентов, и более чем у половины из них (54%) переезд был связан или с миграцией родителей — вынужденная миграция (33%), или с учебой (21%).

¹ По результатам обследования 10 крупных городов России в 2006 г. более высокие миграционные установки имеют те респонденты, у которых уже есть опыт переезда. Те, кто переезжал 3—4 раза, показывают максимальную готовность к переезду [11].

В случае вынужденного переезда такой миграционный опыт может и не повышать миграционную активность, т. к. не является осознанным. В случае «учебной миграции», которая происходит в основном в направлении «провинция — город», миграционный мотив уже реализовался и дальнейшее движение для них пока неактуально.

Условия проживания. Как показывают исследования, удовлетворенность или неудовлетворенность условиями проживания существенно влияют на миграционные установки населения¹. Респондентам городов Хабаровского края было предложено оценить по пятибалльной шкале качество, доступность и развитость социальной сферы городов², в которых они проживают³.

Характер воздействия условий проживания на миграционные намерения респондентов обследованных городов Хабаровского края не противоречит ранее сделанным наблюдениям других авторов. В группе стабильного населения большинство респондентов оценили условия проживания в своем городе на уровне 3—4 баллов. В то же время большинство опрошенных в группе с высокой вероятностью переезда — 1—3 балла (*табл. 2*).

Таблица 2

Установка на миграцию в зависимости от удовлетворенности условиями проживания в городе, % от численности группы

Показатель	Стабильное население	Потенциальные мигранты	
		с низкой вероятностью переезда	с высокой вероятностью переезда
Оценили ниже 3 баллов	34,8	51,9	61,0

Косвенную оценку условиям проживания в обследуемых городах по сравнению с другими регионами страны можно увидеть из ответов респондентов на вопрос о том, что бы они посоветовали родственникам или знакомым, живущим в других регионах России, относительно переезда в Хабаровский край. В группе потенциальных мигрантов с высокой вероятностью переезда 78% респондентов однозначно не порекомендовали бы своим близким ми-

¹ Н. Н. Ноздрина отмечала, что среди довольных условиями проживания установка на переезд есть только у каждого десятого, тогда как в группе недовольных — у каждого четвертого-пятого [11, с. 259].

² Медицинское обслуживание; образование (дошкольное, среднее, высшее); ЖКХ; благоустройство города; городской, междугородный, международный транспорт; дорожную сеть; питьевую воду; санаторно-курортное лечение; культурно-развлекательную и спортивную сферы.

³ Несмотря на то, что оценки социальной инфраструктуры г. Хабаровска заметно выше, чем оценки Комсомольска-на-Амуре и Советской Гавани, однако в целом ни один из населенных пунктов не получил положительных отзывов (4 балла и выше) ни по одному из параметров.

грацию в данном направлении, в группе с низкой вероятностью миграции эта доля составила 75%, среди стабильного населения — 49%¹.

Факторы миграции. Факторами миграции, о которых пойдет речь далее, названы условия, которые формируют не сами миграционные потоки, а лишь те или иные миграционные намерения респондентов. Желание сменить место жительства не всегда реализуется, т. к. издержки (экономические, социальные, психологические) существенно снижают вероятность переезда. Несмотря на то, что в данном исследовании рассматриваются лишь миграционные намерения, оценка респондентами вероятности и причин своего переезда дает достаточное количество информации для изучения факторов, формирующих те или иные миграционные тенденции.

Выделение факторов, стимулирующих и сдерживающих миграцию, основано на определении совокупности отмеченных респондентами причин и расчете их значимости для групп стабильного населения и потенциальных мигрантов. Значимые для большей части респондентов причины рассматриваются не как индивидуальные мотивы, а как общие факторы, способные формировать одинаковую реакцию у большого числа людей.

Факторы, стимулирующие миграцию. Респонденты группы потенциальных мигрантов среди всех предложенных причин наиболее важными считают следующие: оторванность от центра России (98%), недостаточные условия для развития своего дела (82%), высокую стоимость жизни (81%), неудовлетворенность работой и заработной платой (79%), неблагоприятный климат (70%), низкий уровень социальных услуг (68%), социально-психологические установки, такие как «хочу жить в другом месте», «все разъехались», «ничто не держит» и т. д. (54%), неудовлетворенность жилищными условиями (53%), высокий уровень социальной напряженности и межнациональные конфликты (51%).

Для того, чтобы проверить, какие из этих причин являются наиболее значимыми в формировании намерения переехать, был проведен анализ их соответствия с распределением потенциальных мигрантов по подгруппам. Для этого был рассчитан коэффициент подобия Жаккара (Jaccard)² для дихотомических рядов³.

¹ В ходе опроса респондентам было предложено дать три определения своего города. Для г. Хабаровска определения в основном имели положительную или нейтральную коннотацию: красивый, благоустроенный, зеленый, чистый, удобный. Для Комсомольска-на-Амуре и Советской Гавани наоборот — отрицательную: серый, мрачный, грязный, убогий и т. д.

² Коэффициент сходства Жаккара оценивает совместное появление исследуемых характеристик в наблюдениях. Он рассчитывается путем нормирования числа совпадений у объектов единичных значений признаков на число несовпадающих значений признаков. Теснота связи рассчитывается в пределах интервала от 0 до 1, где 1 — полное сходство, 0 — полное несоответствие. Принципом отнесения к наиболее значимым факторам стало значение коэффициента более 0,6.

³ То есть где значение переменной, равное 1, означает присутствие изучаемого признака, 0 — отсутствие такового.

Результаты расчетов показали, что количество факторов, формирующих намерение мигрировать, в подгруппе с низкой вероятностью переезда в 2 раза больше, чем в подгруппе с высокой вероятностью миграции. Значимыми для обеих групп являются только 3 фактора (значение коэффициента соответствия выше 0,6): высокая стоимость жизни, оторванность от центра России, высокие транспортные тарифы и неудовлетворенность работой / уровнем заработной платы (рис. 2).

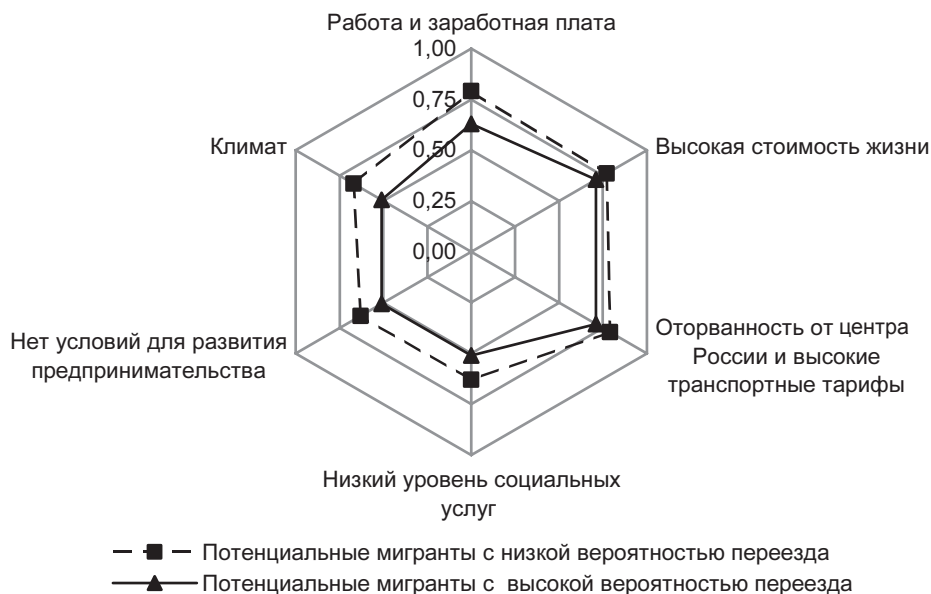

Рис. 2. Оценка значимости факторов, стимулирующих намерение респондентов мигрировать

Логично предположить, что респонденты, решая вопрос о возможных направлениях переселения, будут выбирать те населенные пункты, условия в которых по значимым для них факторам будут лучше, чем в тех местах, которые они покидают. Однако результаты исследования показывают, что выбор места входа определяется не только этим. По данным опроса, поддержка родственников или друзей имеет существенное значение для потенциальных мигрантов. Среди респондентов группы стабильного населения 45% отметили, что переехать могли бы только туда, где им могут оказать поддержку. Несмотря на то, что в группах потенциальных мигрантов это утверждение оказалось справедливым лишь для 29% респондентов, потенциальным местом входа они предпочитают те населенные пункты, в которых у них уже есть социальные связи. В подгруппе с высокой вероятностью переезда таких респондентов 76%, в подгруппе с низкой вероятностью — 58%.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что социальные связи (родственники, друзья) в потенциальном месте входа имеют существенное значение для респондентов, желающих переехать, что подтверждает гипотезу о влиянии неэкономических факторов на формирование миграционных намерений¹.

Несмотря на то, что социально-психологические установки не вошли в группу значимых факторов, более половины респондентов, имеющих намерение переехать, отметили их среди прочих причин (54,4%). Чаще всего в этой связи респонденты отвечали, что причиной их намерения переехать является уже состоявшаяся миграция близкого окружения. Такой эффект называют эффектом подражания или сложившимся шаблоном поведения [5, с. 16], который поддерживает миграционные намерения населения определенной территории, даже если условия или стимулы, первоначально их обусловившие, поменялись. Помимо этого данные проведенного исследования показывают, что миграционные намерения могут «воспитываться»: чем более мотивированы на выезд сами респонденты, тем больше в этой группе желающих, чтобы их дети проживали в другом месте (табл. 3).

Таблица 3

Установка на миграцию в зависимости от миграционной активности окружения, % от численности группы

Характеристика	Стабильное население	Потенциальные мигранты	
		с низкой вероятностью переезда	с высокой вероятностью переезда
Отмечают заметную тенденцию населения края к миграции	41,6	71,2	78,0
Отмечают, что среди их окружения многие уже покинули Дальний Восток	36,0	57,7	61,0
Предпочтут, чтобы дети жили за пределами Дальнего Востока	40,4	73,1	75,6

Проведенный анализ ответов респондентов позволил выделить и оценить воздействие факторов, влияющих на миграционные намерения. Значительное влияние на данный процесс оказывают факторы, имеющие как экономическую, так и неэкономическую природу, которые не учитываются официальной статистикой и даже не всегда осознаются самими респонден-

¹ Отсутствие данного фактора в перечне наиболее значимых обусловлено тем, что на этапе планирования исследования не предполагалось их изучения. Однако анализ ответов респондентов на открытые вопросы позволил выявить и оценить степень их влияния на формирование миграционных намерений.

тами. К таким неэкономическим факторам можно отнести социальные связи и социально-психологические установки.

Факторы, сдерживающие миграцию. Значимость социальных связей (семья, друзья и близкие люди, которые живут рядом) в сдерживании миграции оказалась наивысшей среди всех возможных причин (77,5%)¹. Далее по значимости идут социально-психологические установки респондентов (69,7%), среди которых самая распространенная — «страх перед неизвестностью»² (рис. 3).

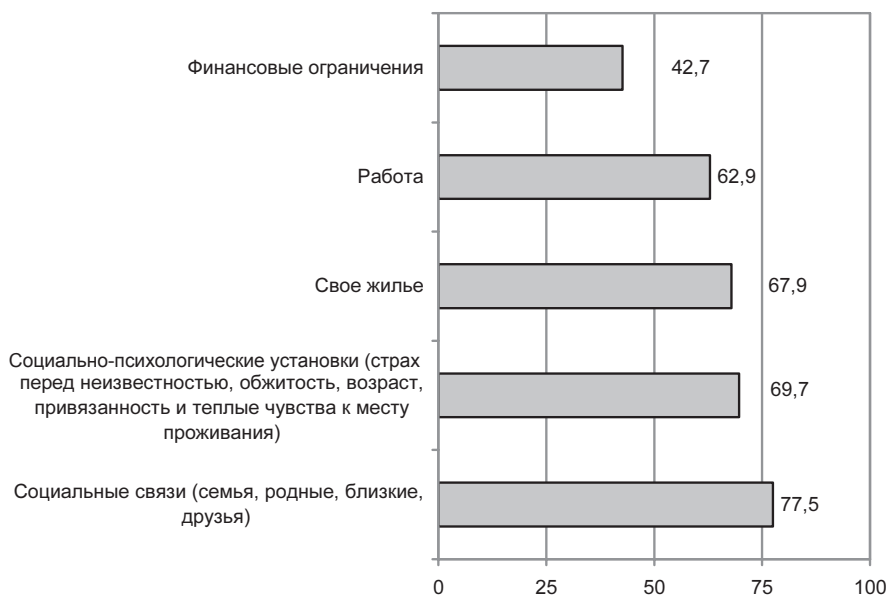

Рис. 3. Распределение ответов всех респондентов на вопрос о том, какие причины удерживают их от миграции, % от численности респондентов

Необходимо отметить, что при анализе всей выборки значимость причин, имеющих экономический характер (финансовые ограничения, жилье, работа), оказалась меньше, чем социальных связей и социально-психологических установок. Несмотря на то, что 68% респондентов отметили, что от миграции их удерживает, в том числе, собственное жилье, однако это лишь третья по встре-

¹ Вопрос о причинах, удерживающих респондентов от переезда, был открытым и позволял им самим сформулировать ответ. Далее все варианты были сгруппированы.

² Ощущаемые миграционные риски снижаются вместе с возрастающей информированностью потенциального мигранта о возможностях обустройства на новом месте и ожидаемом выигрыше от переезда. Такого рода информированность тесно связана с прошлым миграционным опытом (в том числе и эпизодической миграции — путешествия, командировки). Транспортная отдаленность территорий Дальнего Востока от Центральной России снижает и миграционный опыт (что уже подчеркивалось выше), и информированность, тем самым повышая ощущаемые страхи, связанные с переездом.

чаемости причина. Возможно, такие результаты объясняются тем, что владение жильем не оказывает существенного воздействия на миграционные намерения: среди собственников жилья 58% отметили этот факт как сдерживающий их миграционную мобильность, а среди тех, кто снимает квартиру, — 46%.

Наличие работы в месте проживания в качестве сдерживающей миграцию причины отметили 63% респондентов. В то же время неудовлетворенность работой и заработком является одной из важнейших причин высокой миграционной мотивации респондентов. Скорее всего, это сопутствующий фактор, который снижает или повышает воздействие других. При оценке альтернатив занятости вахтовым способом или с предоставлением работы в новом месте постоянного проживания ответы респондентов распределились следующим образом. Среди всех опрошенных только 40% (из которых 56% — это молодежь до 34 лет) поехали бы работать вахтовым методом; 20% только задумались бы над таким вариантом; на постоянное место жительства с обеспечением и работой, и жильем смогли бы переехать 54% опрошенных; доля «рассматривающих эту возможность» составила 25,3%. Скорее всего, респондентов в меньшей степени привлекает вахта, т. к. она исключает наличие социальных связей.

Финансовые ограничения (которые объединяют все ответы, касающиеся нехватки денежных средств на переезд, обустройства на новом месте, переходный период, покупку/аренду жилья) были отмечены только у 43% всех респондентов. С одной стороны, можно сделать вывод о том, что финансовые трудности не сдерживают миграцию. С другой стороны, такие результаты могут быть получены из-за присутствия в выборке респондентов группы стабильного населения, которые не планируют переезд, а значит, не задумываются и не просчитывают издержки на его реализацию. Поэтому, так же как и в случае с причинами, стимулирующими миграцию, значимость сдерживающих факторов в группах с разной вероятностью переезда может различаться, что подтверждается значениями коэффициента подобия Жаккара (рис. 4).

Для респондентов группы стабильного населения наиболее значимым сдерживающим фактором являются социальные связи (коэффициент 0,78). За ним по значимости следуют работа и жилье (коэффициент 0,63), а также социально-психологические установки¹ (коэффициент 0,6). Как и предполагалось ранее, финансовые ограничения несущественны для респондентов данной группы.

Для потенциальных мигрантов значимость выделенных факторов меня-

¹ Среди опрошенных встречались даже такие, кто отвечал, что их все устраивает, что они любят свой город/край и им нравится жить здесь. Несмотря на то, что респондентов с такими ответами оказалось всего 13%, все они относятся к группе стабильного населения, а значит, привязанность и теплые чувства к месту проживания могут быть факторами, сдерживающими миграцию.

ется. Наиболее существенным сдерживающим фактором для потенциальных мигрантов стали финансовые ограничения (0,9 для обеих подгрупп). Вместе с этим достаточно важными для потенциальных мигрантов остаются социальные связи (коэффициент соответствия 0,6 для обеих подгрупп). Наличие работы и жилья в группе потенциальных мигрантов менее существенны, чем в группе стабильного населения (коэффициент соответствия 0,49). В подгруппе с низкой вероятностью переезда сильны сдерживающие свойства социально-психологических установок (коэффициент сходства — 0,56), а в группе с высокой вероятностью значимость этого фактора падает до нуля.

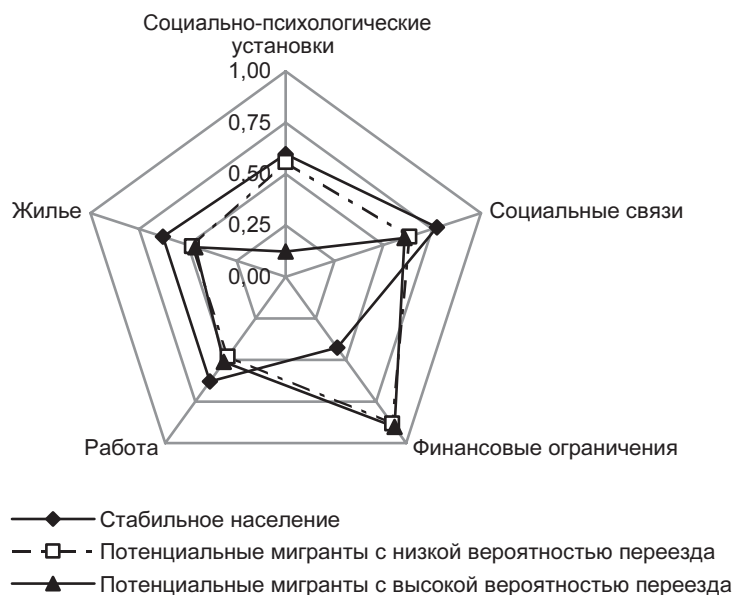

Рис. 4. Оценка значимости факторов, сдерживающих намерение респондентов мигрировать

Значимость факторов, сдерживающих миграцию, различна для групп стабильного населения и для потенциальных мигрантов: важность социально-психологических установок, наличия жилья и работы снижается вместе с повышением вероятности переезда, а значимость финансовых ограничений растет. Единственным сдерживающим фактором, значимым и для стабильного населения, и для потенциальных мигрантов, оказался фактор социальных связей, влияние которого наиболее стабильно.

ВЫВОДЫ

На основе данных социологического обследования городского населения Хабаровского края были получены следующие результаты.

Выборочная совокупность была классифицирована на две группы респондентов в зависимости от их миграционных намерений: стабильное население и потенциальные мигранты, которые были разбиты на две подгруппы — с высокой и низкой вероятностью переезда. Распределение выборки по данным группам позволило определить, что намерение переехать присутствует у 51% опрошенных. Так как по результатам социологических обследований 1992 г. таких респондентов насчитывалось около 85%, можно говорить о снижении объемов потенциальной миграции из Хабаровского края [1, с. 121, 125].

Проведенный анализ соответствия причин, стимулирующих и сдерживающих миграционные процессы, распределению респондентов по группам стабильного населения и потенциальных мигрантов позволил выделить и оценить значимость факторов как экономического, так и неэкономического характера в формировании миграционных намерений. Несмотря на то, что основными стимулирующими миграцию были определены факторы, имеющие экономическую природу (высокая стоимость жизни, неудовлетворенность работой и заработной платой, оторванность от Центральной России и высокие транспортные тарифы), в ходе исследования удалось установить, что факторы, имеющие неэкономическую природу (социальные связи и социально-психологические установки), оказывают значимое воздействие на миграционные намерения респондентов и вероятность переезда. Самые значимые факторы, сдерживающие миграцию, имеют неэкономический характер.

Значимость социальных связей и социальных установок в формировании миграционных намерений респондентов можно объяснить изменившейся структурой населения края. Опрошенное население можно классифицировать как постоянное, основной характеристикой которого являются сформировавшиеся обширные социальные связи в пределах мест проживания, а также привязанность к месту жительства, страхи потерять с переездом больше, чем приобрести, и т. п. социально-психологические установки. Это позволяет предположить, что и в Хабаровском крае в целом сформировался пласт постоянного населения, не намеренного выезжать за его пределы.

Несмотря на это для потенциальных мигрантов из дальневосточных регионов Хабаровский край все еще не является привлекательным, и выигрыш от миграции для этих переселенцев скорее всего окажется отрицательным. Сами респонденты отметили, что не порекомендовали бы своим друзьям и знакомым миграцию в данном направлении. В советское время

социально-экономические различия компенсировались заработной платой или стирались идеологией, а миграционный прирост можно было обеспечить организованными миграциями, доля которых могла составлять более 50% общего миграционного притока в регион [14, с. 92—97]. В настоящее время, когда степень свободы перемещения населения не ограничена институциональными барьерами, Хабаровский край может рассчитывать только на то население, которое проживает здесь и, несмотря ни на что, остается лояльным к своему региону.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарен всем, кто принимал активное участие в организации и проведении социологического обследования: заведующей сектором народонаселения и социальных проблем ИЭИ ДВО РАН, д-ру экон. наук Екатерине Леонидовне Мотрич, а также сотрудником сектора — канд. экон. наук Светлане Николаевне Найден, канд. экон. наук Елене Львовне Ли, канд. экон. наук Марии Анатольевне Грицко, старшему инженеру Михаилу Геннадьевичу Сафронову. Большую работу по сбору анкет в городах Комсомольск-на-Амуре и Советская Гавань провела соискатель ИЭИ ДВО РАН, старший преподаватель кафедры экономики Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета Татьяна Валентиновна Железцова, за что автор также глубоко признателен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бляхер Л. Е.* Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке // *Пространственная экономика*. 2005. № 1.
2. Итоги переписи населения РФ в 2002 году. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=19>.
3. *Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В.* Демографические и социально-экономические факторы динамики миграционной активности населения России: современная ситуация и перспективы // *Научные труды* / Гл. ред. А. Г. Коровкин; Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2008.
4. *Карачурина Л. Б.* Межрегиональная миграция и социально-экономическая дифференциация пространства современной России // *Проблемы прогнозирования*. 2006. № 3.
5. Методика выборочного обследования миграции сельского населения / Под ред. чл.-корр. АН СССР Т. И. Заславской, В. Д. Миркина, К. Ф. Ершовой. Новосибирск: Наука, 1969.
6. Миграция населения Хабаровского края в 2009 г. Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. Хабаровск, 2010.
7. Миграция населения Хабаровского края в 2008 г. Стат. сб. / Территориальный

орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. Хабаровск, 2009.

8. *Моисеенко В. М.* Снижение масштабов внутренней миграции населения России: опыт оценки динамики по данным текущего учета // Вопросы статистики. 2004. № 7.

9. *Моисеенко В. М.* Внутренняя миграция населения. М.: ТЕИС, 2004.

10. *Мотрич Е. Л., Найден С. Н.* Влияние социально-демографической ситуации на трудовую миграцию: дальневосточный вектор // Проблемы прогнозирования. 2009. № 5.

11. *Ноздрина Н. Н.* Изучение миграционных установок и предпочтений россиян // Миграция и социально-экономическое развитие стран региона Балтийского моря. Мат-лы междунар. конф. / РГУ им. И. Канта. Калининград, 2008.

12. *Рыбаковский Л. Л.* Региональный анализ миграций. М.: Наука, 1973.

13. *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987.

14. *Рыбаковский Л. Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990.

15. *Скрипник Е. О.* Миграционная мотивация населения на Дальнем Востоке России // Материалы 12-й открытой конференции-конкурса работ молодых ученых Хабаровского края (экономическая секция). Сб. ст. / Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: РИОТИП, 2010.

УДК 338.43:631.1

А. С. Шелепа

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Рассмотрены проблемы развития сельского хозяйства Дальнего Востока, возникающие в процессе проведения экономических реформ: диспаритет цен, воспроизводство основного капитала, снижение рентабельности, система кредитования. Проанализированы экономические условия деятельности сельскохозяйственных организаций. Проведена оценка возможных направлений развития аграрного сектора региона.

Дальний Восток России, аграрный сектор, сельское хозяйство, диспаритет цен, сельскохозяйственные организации, себестоимость продукции, цены реализации, уровень поддержки, рентабельность.

На результаты хозяйственной деятельности аграрного сектора на Дальнем Востоке оказывает влияние ряд удорожающих факторов: высокие транспортные издержки на поставку ресурсов, необходимость использования дополнительных технологических приемов для устранения влияния неблагоприятных климатических факторов, потребность в повышенных дозах удобрений из-за низкого естественного плодородия земель, рассредоточенность сельскохозяйственного производства и его очаговый характер в северных территориях.

Либерализация цен в процессе проведения экономических реформ кардинально изменила экономические условия деятельности сельского хозяйства. Сформировался и постоянно поддерживается диспаритет цен. Цены

на промышленные ресурсы, приобретаемые сельским хозяйством, и цены на продовольствие растут более высокими темпами, чем цены на реализуемую товаропроизводителями сельскохозяйственную продукцию. В особенно сложном положении оказались удаленные регионы с экстремальными природными условиями. К таким регионам относится и Дальний Восток. Если в целом по Российской Федерации за 1991—2008 гг. цены на реализуемую сельскохозяйственную продукцию выросли в 109,8 раза, то по Дальнему Востоку в 74,2 раза, а цены на приобретаемую сельским хозяйством промышленную продукцию соответственно в 415,1 и 697,9 раза.

Таким образом, цены на промышленную продукцию для сельского хозяйства на Дальнем Востоке росли в 1,7 раза быстрее, а цены на продукцию сельского хозяйства в 1,5 раза медленнее, чем по России в целом. В итоге диспаритет цен составил по России 3,8 раза, а по Дальнему Востоку 9,4 раза. Одновременно цены на продовольствие для потребителей в регионе также росли более высокими темпами и увеличились в 210 раз, а по России в 170,6 раза [10].

Диспаритет цен ведет к росту и изменению структуры затрат на производство продукции сельского хозяйства. При незначительном повышении доли расходов на оплату труда увеличиваются материальные затраты, снижается удельный вес амортизации — важного источника инвестиций. Так, с 2000 по 2008 г. материальные затраты сельскохозяйственных организаций Хабаровского края выросли в 3,3 раза, в том числе на ресурсы, производимые самими предприятиями, затраты выросли в 2,7 раза, а на приобретаемые ресурсы в 4,2 раза. Удельный вес амортизации в затратах снизился с 7 до 3,2% [8].

Сохраняющийся диспаритет цен и высокие транспортные тарифы экономически отторгают Дальний Восток от других регионов России, что стимулирует отток населения не только из северных, но и из южных территорий. За 1991—2009 гг. регион потерял 20% постоянного населения, а сельского — 13,4%, более 83% потерь составил миграционный отток [10]. Среди мигрантов преобладают лица трудоспособного и моложе трудоспособного возраста. Из-за диспаритета цен постоянно возрастает потребность в субсидиях и компенсациях. Это ложится все большей нагрузкой на дефицитные бюджеты субъектов РФ в ДФО.

Неблагоприятные природно-климатические и экономические условия способствовали более глубокому спаду сельскохозяйственного производства. По Российской Федерации производство валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах к 1990 г. составило в 2000 г. 62,8%, в 2005 г. — 73,2 и в 2008 г. — 86,9%, а по Дальнему Востоку эти показатели были 44,2; 48,1 и 55,5%. При этом отмечались большие различия между дальневосточ-

ными субъектами РФ. Так, в Магаданской области производство валовой продукции составило лишь 9,5% к уровню 1990 г., в Еврейской автономной области 67,4 и Амурской области 57,2%. В целом по округу продукции растениеводства в 2008 г. произведено 92,4% от уровня 1990 г., а животноводства лишь 38,2%.

По Российской Федерации объем инвестиций в сельское хозяйство в 2008 г. к уровню 2000 г. увеличился в 5,3 раза, а по Дальнему Востоку лишь в 2 раза [1]. При этом доля инвестиций в сельское хозяйство от инвестиций во все отрасли экономики по России составила 4,4%, а по Дальнему Востоку — 1,2%. Это объясняется не только отраслевой структурой экономики, но и низкой привлекательностью для инвесторов аграрного сектора ДФО, а также отсутствием собственных средств (табл. 1).

Таблица 1

**Доля инвестиций в основной капитал сельского хозяйства ДФО,
% от инвестиций во все отрасли**

Территория	1996	2000	2005	2006	2007	2008
РФ	2,9	2,7	4,0	4,9	5,1	4,4
ДФО	3,1	2,1	1,7	1,4	1,3	1,2
Республика Саха (Якутия)	3,4	1,9	0,9	0,9	0,4	0,7
Приморский край	1,6	1,9	6,3	5,6	0,9	2,3
Хабаровский край	1,4	1,3	4,0	3,0	2,9	2,1
Амурская область	2,4	1,9	2,4	3,3	2,8	1,9
Камчатский край	9,2	5,5	1,1	1,2	0,9	3,2
Магаданская область	2,1	0,7	0,3	0,9	1,3	0,6
Сахалинская область	6,0	3,3	0,2	0,1	0,2	9,4
Еврейская автономная область	3,0	3,1	0,3	0,3	0,8	0,2

В сельском хозяйстве отсутствует возможность даже для простого воспроизводства основного капитала. Только рентабельные предприятия способны за счет собственных и заемных средств приобретать технику или получать ее на условиях лизинга. Поэтому приобретение техники не возмещает ее выбытие [5; 6] (табл. 2).

В результате аграрной реформы сформировался многоукладный аграрный сектор, включающий сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и личные подсобные хозяйства населения. Структура аграрного сектора имеет значительные различия по регионам. В производстве продукции сельского хозяйства возросло значение хозяйств населения, которые производят преимущественно трудоемкую продукцию, удовлетворяющую потребности семьи: картофель, овощи, молоко и мясо [10] (табл. 3).

Таблица 2

Соотношение выбытия и приобретения техники в 2008 г.

Вид машин и механизмов	Амурская область			Приморский край		
	вы- было, ед.	приоб- рето, ед.	% покры- тия	вы- было, ед.	приоб- рето, ед.	% покры- тия
Тракторы	217	77	35	126	23	19
Жатки валковые	30	44	146	4	3	75
Плуги	90	11	12	44	24	54
Культиваторы	77	21	27	64	27	42
Сеялки	85	34	40	38	18	47
Комбайны зерноуборочные	100	74	74	45	12	27
Комбайны кормоуборочные	9	4	44	45	1	25
Комбайны картофелеуборочные	3	1	33	4	2	5
Доильные агрегаты	11	7	64	16	3	19
Комбайны кукурузоуборочные	—	—	—	2	—	—

Таблица 3

**Распределение производства продукции по категориям хозяйств
в 2006—2008 гг., %**

Вид продукции	Сельскохозяйственные организации		Крестьянские хозяйства		Хозяйства населения	
	Россия	Дальний Восток	Россия	Дальний Восток	Россия	Дальний Восток
Валовая продукция с.-х.	43,9	30,5	7,4	10,3	48,7	59,1
зерно	78,5	74,6	20,2	23,5	1,3	1,9
соя	76,2	72,1	23,0	26,8	0,8	1,1
картофель	7,5	6,1	3,3	4,0	89,2	89,9
овощи	14,0	11,2	6,9	9,8	79,1	79,0
скот и птица на убой	49,8	37,9	3,0	9,2	47,2	52,9
молоко	44,0	21,4	4,0	11,1	52,0	67,5
яйцо	75,0	79,0	0,8	2,8	24,2	18,2

Главным фактором расширения производства в хозяйствах населения выступало жесткое экономическое принуждение в условиях резкого сокращения занятости и уровня доходов во всех отраслях сельской экономики. При стабилизации ситуации в экономике его влияние ослабевает. Так, в 1995 г. население Дальнего Востока содержало 433,7 тыс. голов крупного рогатого скота, 196,3 тыс. голов коров и 328,2 тыс. голов свиней, а в 2008 г. соответственно 276,8 тыс. голов крупного рогатого скота, 119,1 тыс. голов коров и 96,2 тыс. голов свиней; сокращение составило 36; 40 и 71%.

Практика развитых стран показывает, что время семейных ферм, а тем более личных подсобных хозяйств, уходит. Фермеры осуществляют свою деятельность в кооперативных или интегрированных системах, доводящих продукцию до конечного потребителя [11; 14].

В 2008 г. сельскохозяйственные организации Дальнего Востока произвели 32% валовой продукции сельского хозяйства в действующих ценах, крестьянские хозяйства — 13 и хозяйства населения — 55%. Несмотря на сложную экономическую ситуацию и произошедшие структурные сдвиги, сельскохозяйственные организации различных организационно-правовых форм в значительной степени определяют возможности восстановления и развития сельскохозяйственного производства.

В сельскохозяйственных организациях сосредоточено 74% сельскохозяйственных угодий, 76% пашни, используемых в сельскохозяйственном производстве. В 2008 г. в них размещалось 67,5% всех посевов, в том числе зерновых 72,5, сои — 69, кормовых культур — 81, картофеля — 7,7 и овощей — 15,4%. Из 117 тыс. га прироста посевных площадей за 2005—2008 гг. 46 тыс. га приходится на сельскохозяйственные организации.

Несмотря на сокращение машинно-тракторного парка, в сельскохозяйственных организациях сохраняется технико-технологическая база для товарного производства продукции. Они производят 77,2% зерна, 70,2% сои, 7,5% картофеля, 16% овощей и 81% грубых и сочных кормов. Сельскохозяйственные организации весь период реформ подтверждают свою жизнеспособность в условиях агрессивной экономической среды, длительной убыточности и высокой кредиторской задолженности. Меры, принятые на федеральном и региональном уровне по субсидированию процентных ставок по кредитам, по компенсации части затрат, по поддержке отдельных отраслей, привели к некоторому улучшению экономических условий. Это способствовало росту производства сельскохозяйственной продукции в предприятиях в сопоставимых ценах к 2000 г. на 18%. Организации являются основными поставщиками на рынок отдельных видов сельскохозяйственной продукции местного производства. Они сохраняют ведущие позиции в производстве зерна, сои, яиц (*табл. 4*).

Предприятия сохраняют важную роль в реализации зерна, сои, яиц, скота и птицы на убой. В ресурсах потребления на местное производство приходится мяса и мясопродуктов 24%, молокопродуктов 48%, яиц 73%, овощей 70% и картофеля 99,6%. В то же время в ДФО производится 29% потребляемого зерна и продуктов его переработки [9].

Производство сельскохозяйственной продукции в сельскохозяйственных организациях Дальнего Востока без дотаций и компенсаций остается убыточным. Их убыточность снизилась с 16,9% в 2005 г. до 8,7% в 2008 г. С учетом

субсидий из бюджетов разных уровней рентабельность составила 5,5 и 9%, что не обеспечивает условий даже для простого воспроизводства [7].

Одновременно организации оказывают услуги владельцам личных подсобных хозяйств в выполнении энергоемких работ, реализуют корма, молдняк скота и птицы, другие ресурсы. Они способствуют сохранению и поддержанию объектов социальной инфраструктуры сельской местности, обеспечивают жизнеспособность сельского социума.

Таблица 4

**Производство и реализация продукции
сельскохозяйственными предприятиями, %**

Вид продукции	1990		2004		2008	
	производство	реализация	производство	реализация	производство	реализация
Зерно	99,8	100,0	84,0	75,0	77,2	77,7
Соя	100,0	100,0	87,0	79,0	70,2	71,8
Картофель	45,0	62,0	10,0	14,0	7,5	14,2
Овощи	74,0	93,0	21,0	30,0	16,0	26,5
Молоко	78,0	93,0	30,0	52,0	21,1	31,1
Скот и птица на убой	75,0	92,0	36,0	57,0	40,2	68,0
Яйцо	90,0	99,0	78,0	96,0	78,5	94,2

В районах с экстремальными условиями сельскохозяйственные организации выполняют важную социальную функцию сохранения рабочих мест и закрепления населения в сельской местности на обширных слабоосвоенных территориях. В современных условиях 35% всех занятых в сельском хозяйстве ДФО работают в предприятиях и организациях. Сокращение занятости в организациях стимулирует отток сельского населения. В условиях глобализации экономики социальные и геополитические функции сельскохозяйственных организаций будут возрастать. Поэтому сохранение и развитие сельскохозяйственных организаций рассматривается не только с позиций производства сельскохозяйственной продукции, но и как фактор закрепления населения на Дальнем Востоке.

Восстановить в прежнем виде сельскохозяйственные предприятия невозможно, но их ликвидация ухудшает и без того сложную ситуацию в сельской местности. При ликвидации организаций в результате банкротства 70% работающих оказываются невостребованными. Возникающие на их месте крестьянские и личные подсобные хозяйства используют от 30 до 50% имеющихся угодий, хозяйства лишаются продуктивного скота, мобильной техники, происходит разрушение производственного потенциала, что делает затруднительным восстановление сельскохозяйственного производства

в обозримой перспективе. Повторное вовлечение в оборот сельскохозяйственных угодий потребует значительных затрат, превышающих расходы на оздоровление даже убыточного производства. Весь период реформ из-за воздействия неблагоприятных природных и удорожающих факторов в ДФО затраты на продукцию сельского хозяйства растут высокими темпами, и разрыв со средними показателями по России возрастает. Особенно большой разрыв отмечается при производстве продукции скотоводства и свиноводства. В 2008 г. к уровню 1990 г. затраты на продукцию животноводства увеличились в 22—36,4 раза (табл. 5).

Таблица 5

Динамика и соотношение изменения себестоимости сельскохозяйственной продукции в РФ и ДФО

Вид продукции	РФ		2008 к 1990, раз	ДФО		2008 к 1990, раз	ДФО к РФ, %	
	себестоимость, руб./ц			себестоимость, руб./ц			1990	2008
	1990	2008	1990	2008				
Зерно	12	367	30,6	21	594	28,3	1,75	1,62
Картофель	24	586	24,4	37	850	23,0	1,54	1,45
Овощи открытого грунта	17	602	35,4	30	893	29,8	1,76	1,48
Молоко	42	881	21	73	1782	24,4	1,74	2,02
Привес крупного рогатого скота	341	5851	17,1	574	16 444	28,6	1,68	2,88
Привес свиней	258	3385	13,1	345	10 550	30,6	1,34	3,11
Привес птицы	163	4221	25,8	212	4672	22,0	1,3	1,10
Яйцо	70	2112	30,2	95	3464	36,4	1,36	1,64

Источники: [3; 7].

Восстановление бройлерного промышленного птицеводства позволило ослабить рост издержек; себестоимость привеса птицы превышала в сельскохозяйственных организациях среднероссийские показатели в 2008 г. всего в 1,1 раза. В то же время себестоимость молока превышала среднероссийские показатели в 1990 г. в 1,7 раза, а в 2008 г. в 2,2 раза; по привесу крупного рогатого скота соответственно соотношения составили 1,7 и 2,9 раза; по привесу свиней 1,3 и 3,1 раза.

Рост цен на сельскохозяйственную продукцию сдерживается ограниченным спросом и монопольным положением перерабатывающих предприятий при усиливающейся конкуренции продукции, поступающей из других регионов и по импорту. В итоге рост затрат по большинству продуктов опережает рост выручки (табл. 6).

Таблица 6

Соотношение роста себестоимости и выручки за продукцию сельского хозяйства в предприятиях Дальнего Востока

Вид продукции	Себестоимость, руб./ц			Выручка, руб./ц			Рост затрат / рост выручки
	1990	2008	2008 к 1990, раз	1990	2008	2008 к 1990, раз	
Зерно	21	594	28,3	33	590	17,9	1,58
Картофель	37	850	23	39	1104	28,3	0,81
Овощи открытого грунта	30	893	29,8	34	885	26,0	1,15
Молоко	73	1782	24,4	135	1813	13,4	1,82
Привес кр. рог. скота	574	16 444	28,6	670	6413	9,6	2,98
Привес свиней	345	10 550	30,6	493	9696	19,6	1,56
Привес птицы	212	4672	22	356	6057	17,0	1,29
Яйцо	95	3464	36,4	123	3756	30,5	1,19

Источники: [3; 7].

Только по картофелю рост выручки незначительно опережает рост затрат, так как значительная часть данной продукции реализуется конечным потребителям по рыночным ценам. Особенно большие различия сложились по продукции скотоводства.

Такие различия в изменении издержек и цен реализации объясняются не только диспаритетом цен, но также сокращением объемов производства, снижением производственных показателей, повышенным расходом ресурсов из-за нарушения технологии, высокого износа техники, низкой мотивации работников сельскохозяйственных организаций, нерационального использования производственного потенциала.

Под воздействием неблагоприятных природных факторов и сформировавшейся в процессе реформ агрессивной экономической среды с 1994 г. сельскохозяйственные организации Дальнего Востока стали убыточными. Реализуемые в последние годы меры поддержки аграрного сектора позволили ослабить негативные процессы. Несмотря на постепенное снижение убыточности, ликвидацию предприятий-банкротов, финансовое положение остается сложным (табл. 7).

Рентабельность организаций завышается, так как не все они представляют бухгалтерские отчеты. При этом в отчеты не включаются даже все крупные и средние предприятия. Рентабельность сельскохозяйственного производства в ДФО ниже, чем в среднем по России, при этом отмечаются значительные колебания между субъектами Федерации.

Таблица 7

**Рентабельность сельскохозяйственных предприятий
с учетом субсидий и дотаций, %**

Территория	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008
РФ	37	-2,3	6,7	7,8	9,9	17,2	15,3
ДФО	54	-23,3	-15,5	5,5	5,8	12,1	14,9
Республика Саха (Якутия)	107	-14	-16,7	5,4	3,0	11,1	12,2
Камчатский край	58	-3,2	-0,9	14,2	16,6	6,9	16,5
Приморский край	36	-19	-13	9,6	8,8	13,5	14,9
Хабаровский край	44	-13	-19	-2	-3,1	-0,1	2,2
Амурская область	48	-36	-10,1	-0,8	1,3	14,5	19,2
Магаданская область	55	-26	-47,6	-0,7	—	-10,9	-11,9
Сахалинская область	43	-28	-7,9	4,1	6,8	7,5	14,5
Еврейская автономная область	51	-68	-17,8	26,3	13,4	6,1	21,5
Чукотский автономный округ	60	-37	-19	168,4	141,1	174,6	80,4

Источник: [1].

Расширение практики субсидирования кредитов и переход к реализации приоритетного национального проекта и Государственной программы развития сельского хозяйства способствовали росту кредитования, повышению обеспеченности оборотными средствами (табл. 8).

Таблица 8

**Кредиты, полученные сельскохозяйственными
организациями, млн руб.**

Терри- тория	Долгосрочные					Краткосрочные				
	2005	2006	2007	2008	2008 к 2005, %	2005	2006	2007	2008	2008 к 2005, %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ДФО	547,1	1708,9	2727,0	4076,6	745	1251,1	1769,4	1752,4	2173,0	173
Республи- ка Саха (Якутия)	51,1	139,5	91,4	300,1	587	64,5	59,3	25,3	47,2	73
Камчат- ский край	—	17,1	26,5	25,9	—	16,1	23,6	75,4	55,6	345
Примор- ский край	326,6	757,2	1031,4	146,6	45	240,4	513,3	678,1	932,8	388
Хабаров- ский край	9,1	72,9	268,8	1301,8	14 305	141,3	213,9	199,2	155,7	110
Амурская область	148,0	706,3	1237,8	1266,6	856	748	942,1	741,5	927,4	124

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Магаданская область	0,3	8,7	7,0	—	—	12,9	12,3	6,2	3,5	27
Сахалинская область	5,6	2,5	54,8	55,1	984	11,2	4,9	17,2	39,7	354
Еврейская автономная область	6,3	4,7	9,3	10,5	166	16,4	—	9,4	9,6	58
Чукотский автономный округ	—	—	—	—	—	0,4	—	0,1	1,5	375

Источники: [3; 12].

В 2008 г. сумма кредитов, полученных сельхозпредприятиями, увеличилась по сравнению с 2005 г. в 3,5 раза, в том числе долгосрочных в 7,4 и краткосрочных в 1,7 раза. Получить кредиты и использовать их для модернизации материально-технической базы могут лишь рентабельные предприятия [5, 8].

Под воздействием экономических условий в сельскохозяйственных организациях нарастает кредиторская задолженность, уровень которой превышает дебиторскую задолженность по всем территориям (табл. 9).

Таблица 9

Кредиторская и дебиторская задолженность сельскохозяйственных организаций, млн руб.

Территория	Кредиторская задолженность		Дебиторская задолженность		Отношение кредиторской задолженности к дебиторской, раз	
	2005	2008	2005	2008	2005	2008
ДФО	5435,2	6525,8	1633,3	3492,6	3,32	1,87
Республика Саха (Якутия)	1145,4	983,0	357,5	365,9	3,2	2,69
Камчатский край	238,3	318,0	35,0	81,2	6,8	3,9
Приморский край	925,3	1807,3	554,1	1194,3	1,67	1,51
Хабаровский край	901,0	1215,3	174,7	1296,2	5,15	0,93
Амурская область	1422,8	1727,7	406,0	426,5	3,5	4,05
Магаданская область	155,6	57,2	9,5	6,0	16,3	9,5
Сахалинская область	147,0	284,1	38,2	73,8	3,85	3,85
Еврейская автономная область	192,1	51,1	23,0	12,1	8,35	4,22
Чукотский автономный округ	307,7	82,1	35,3	36,6	8,72	2,24

Источники: [3; 12].

В 2008 г. в целом по округу кредиторская задолженность по сравнению с 2005 г. выросла на 20%, а дебиторская в 2,1 раза и составила 53% от кредиторской. Накопление кредиторской задолженности, несвоевременные расчеты перерабатывающих предприятий, способствующие росту дебиторской задолженности, ведут к дефициту оборотных средств, снижению эффективности отрасли, отсутствию инвестиций и разрушению производственного потенциала.

Состояние аграрного сектора в отдельных субъектах РФ зависит от уровня оказываемой поддержки, которая осуществляется как посредством выплаты дотаций и компенсаций, так и выделением средств на инвестиции, на выплаты отдельным категориям работников. При этом уровень поддержки имеет большие различия между отдельными территориями (табл. 10).

Таблица 10

Расходы на реализацию программы развития сельского хозяйства, 2008 г.

Территория	Расходы, млн руб.		Доля территорий, %		Расходы, руб.		
	всего	в т. ч. из регионального бюджета	в валовой продукции	в общем объеме поддержки	на 1 сельского жителя	на 1 га с.-х. угодий	на 1 га пашни
ДФО	7361,5	6007,6	100	100	4501	1762	3406
Республика Саха (Якутия)	4157	3856,5	21,4	56,4	12 524	5470	49 606
Камчатский край	396,8	329	5,4	5,5	5693	3743	7544
Приморский край	415,9	219	21,5	5,7	844	381	630
Хабаровский край	902,5	784,2	14,5	12,2	3306	6698	10 279
Амурская область	1001,7	454,6	21	13,6	3338	581	874
Магаданская область	102,4	78,1	1,8	1,4	12 331	2850	7470
Сахалинская область	258,6	223,3	8,1	3,5	2276	3673	7495
Еврейская автономная область	126,6	62,9	6,3	1,7	2016	910	1535

В более сложном положении оказались основные сельскохозяйственные территории. В них уровень поддержки на 1 га пашни значительно ниже, чем в среднем по ДФО. При относительно равном производстве продукции сельского хозяйства в Республике Саха (Якутия) и Амурской области в первой аграрный сектор получает 56,4% всей поддержки, а во второй лишь 13,6%.

Под влиянием неодинаковой поддержки производство сосредотачивается в районах с менее благоприятными условиями, происходит изоляция рынков отдельных территорий. Использование субсидируемых кредитов не позволяет решать проблему повышения доходности аграрного сектора и закрепления сельского населения в регионе. Экономические условия делают недоступными меры государственной поддержки для большинства сельско-

хозяйственных товаропроизводителей. Механизм софинансирования не позволяет регионам с дефицитным бюджетом привлекать ресурсы федерального бюджета, а низкие доходы сельских товаропроизводителей и сельского населения не дают возможности привлекать внебюджетные источники. Необходимо дифференцированный подход к регионам, учитывающий потребности развития сельскохозяйственного производства и формирования социальной инфраструктуры на уровне социальных стандартов, выделение прямых инвестиций.

Использование достижений селекции, современных многооперационных машин и ресурсосберегающих технологий в растениеводстве и животноводстве позволяет наращивать производство продукции сельского хозяйства и снизить издержки. Однако для этого требуется достаточное наличие квалифицированных кадров. В последние годы прекратился приток молодежи в аграрный сектор, что объясняется тяжестью и рискованностью труда в сельском хозяйстве, его низкой престижностью, а главное, неоправданно низкой его оплатой. Оплата труда в сельском хозяйстве не обеспечивает простого воспроизводства рабочей силы. В итоге сохраняется высокий уровень бедности и растет социальная неудовлетворенность сельских жителей, усиливается расслоение по уровню доходов и качеству жизни, формируются группы населения с противоположными интересами, сельский социум теряет свое единство [4].

В настоящее время нет более важной задачи, чем повышение доходов аграрного сектора и доведение оплаты труда в сельском хозяйстве до среднего уровня по экономике. Ее решение требует значительного увеличения производства и обеспечения конкурентоспособности продукции на основе технико-технологического переоснащения и повышения интенсивности отрасли. Для этого необходимы инвестиции, стартовая часть которых должна быть выделена государством, так как за годы реформ аграрный сектор обескровлен и не имеет собственных источников для кардинального изменения ситуации [2].

Государственные инвестиции целесообразно направлять на формирование производственной и социальной инфраструктуры, создание машинно-технологических станций, перерабатывающих производств, базы для хранения сельскохозяйственной продукции [13]. Создание возможностей для рентабельной работы будет способствовать привлечению частных инвестиций в агропромышленное производство. В этом случае ограниченные централизованные инвестиции послужат базой для формирования кооперативных и интегрированных структур.

Формирование производственной и социальной инфраструктуры, создание эффективных рабочих мест в сельской местности с участием государственных инвестиций будет способствовать развитию экономики, стабилизации сельского населения и повышению жизнеспособности сельского

социума; позволит привлекать для работы в аграрном секторе жителей малых городов и рабочих поселков. Одновременно появятся мотивы для закрепления сельской молодежи в агропромышленном производстве и возвращения бывших работников сельского хозяйства.

Перспективы развития аграрного сектора ДФО при сохранении диспаритета цен, дефицита инвестиций и оборотных средств из-за изъятия доходов сельского хозяйства и низкой конкурентоспособности его продукции в сравнении с сопредельными странами неблагоприятны. Однако при положительном решении общих проблем, создании приемлемых экономических условий сельское хозяйство Дальнего Востока сможет стать не только точкой роста экономики региона, но и внесет свой вклад в решение общегосударственных проблем увеличения собственного производства и снижения зависимости страны от импорта продовольствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агропромышленный комплекс России в 2000 г. (2005, 2006, 2007, 2008) / Росстат. М., 2001 (2006, 2007, 2008, 2009).
2. Буздалов И. Условия и направления социально-экономической модернизации сельского хозяйства России // АПК: экономика, управление. 2010. № 5.
3. Дальневосточный регион и Амурская область в 2008 году / Амурстат. Благовещенск, 2009.
4. Зинченко А. Доходы сельского хозяйства и воспроизводство в хозяйствах населения // АПК: экономика, управление. 2010. № 8.
5. Наличие сельскохозяйственной техники в сельскохозяйственных организациях на 1 января 2009 года / Приморскстат. Владивосток, 2009.
6. Наличие тракторов, сельскохозяйственных машин и энергетических мощностей на 1 января 2009 года / Амурстат. Благовещенск, 2009.
7. Основные показатели развития АПК Дальневосточного района, Республики Бурятия и Читинской области Российской Федерации. М., 1992.
8. Основные показатели финансово-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных организаций Хабаровского края в 2000 г. (2008). Стат. бюл. / Хабаровскстат. Хабаровск, 2001 (2009).
9. Потребление основных продуктов питания населением Амурской области и регионов Дальневосточного федерального округа в 2008 году / Амурстат. Благовещенск, 2009.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 1995 (2005, 2006, 2007, 2008). Стат. сб. / Росстат, 1996 (2006, 2007, 2008, 2009).
11. Рунов Б. А., Корольков А. Ф., Приемко В. В. Аграрная политика стран мира. М., 2008.
12. Социально-экономическое положение Амурской области в сравнении с другими регионами Дальневосточного федерального округа в 2005 г. (2006, 2007) / Амурстат. Благовещенск, 2006 (2007, 2008).
13. Фигуровская Н. Экономическая стратегия аграрного развития // Экономист. 2010. № 8.
14. Черняков Б. А. Американское фермерство. XXI век. М., 2002.

УДК 338(470.5)

А. И. Татаркин, В. В. Сухих, С. Г. Важенин,
И. С. Важенина

ОБРАЗ ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ПОЛЯРНОГО УРАЛА В XVI — НАЧАЛЕ XX в.

Рассмотрено значение образа пространства. На примере Полярного Урала показана значимость образа пространства в экономическом освоении региона. Проанализирована история экономического освоения Полярного Урала в XVI — начале XX в.

Образ пространства, имидж, регион, экономическое освоение, Полярный Урал.

Сложные отношения между территорией и людьми, которые ее изучали, осваивали и проживали в ее пределах, долгое время не находили должного отражения в экономической литературе. Экономисты, конечно же, не могли не признавать тот факт, что территории отличаются — как по климату, так и по природным богатствам и транспортным путям. Но не допускалась мысль, что одна и та же территория может восприниматься по-разному людьми, причем это различие имеет вполне экономически значимую ценность и требует учета при планах освоения.

В экономике понятия «пространство» и «территория» часто используются как синонимы. Авторы придерживаются мнения, что территория и пространство как понятия описывают один и тот же объект, но увиденный

с разных точек зрения и через разные системы координат. Поэтому термин «образ территории» мы применяем к практическим аспектам создания имиджа (искусственного образа, формируемого целенаправленно) определенных территорий, а «образ пространства» — к историческому региону без четких границ, чей образ складывался на протяжении столетий.

К сожалению, экономисты порой игнорировали пространство как нечто несущественное. Академик РАН А. Г. Гранберг отмечает этот странный парадокс: после рассмотрения проблем экономического пространства у А. Смита и Д. Рикардо фактор пространства вплоть до конца XIX в. выпал из поля зрения общих экономических теорий. В экономической науке укоренилась привычка к абстрагированию от пространства [7, с. 41].

Подобное пренебрежение пространством ныне просто невысказуемо. П. А. Минакир и А. Н. Демьяненко справедливо указывают: «Внепространственной экономики нет и быть не может» [13, с. 11]. В начале XXI в. фактор пространства уже прочно признан экономистами. Как подчеркивает Е. Г. Анимица: «И хозяйство, и экономика не могут не иметь пространственной реализации, пространственного восприятия. Любая хозяйственная или экономическая деятельность, любой хозяйственный или экономический процесс — это деяние пространственное» [18, с. 26].

Однако, по мнению авторов, забывается, что помимо пространства как физической реальности имеется и образ пространства. Для экономического освоения пространства необходим его образ, начиная от простейших географических карт, выявления месторождений полезных ископаемых вплоть до видения будущего осваиваемого края. Человек представляет себе территорию в виде некоего образа и создает в своем воображении образ будущего пространства, который возникнет при определенных условиях. И образ существующего, и образ желаемого будущего пространства возникают в умах и мнениях отдельных индивидов и целых обществ. Эти образы могут быть совершенно фантастическими и оторванными от реальности, но именно они будут определять степень усилий по освоению пространства, а в конечном итоге и саму успешность освоения. К примеру, экономическая и политическая успешность английских протестантских колоний в Северной Америке по сравнению с колониями иных стран во многом была вызвана разным образом заселяемой ими земли: для протестантов это была земля, дарованная Богом, Новым Иерусалимом, а для всех прочих — опасными и негостеприимными окраинами цивилизации. Соответственно, уровень прилагаемых усилий по освоению территорий был несопоставим.

Для понимания сути образа необходим междисциплинарный подход с привлечением экономики, философии и географии. Изучение сложных отношений между образом и людьми, которые его создают и потребляют, пер-

выми начали философы, которые обосновали отдельную область науки о знаковых системах — прагматику, как раздел семиотики, изучающий отношения между знаковыми системами и теми, кто их использует.

Достаточно успешно идею прагматики подхватили географы, для которых карта не была просто научным инструментом, а являлась культурным явлением — образом пространства, который познавался / конструировался людьми, но в то же время определял взгляд общества на новую территорию [1; 20]. Впрочем, на важность географических подходов для экономики уже не раз обращалось внимание [11]. Особенно интересны работы американских географов XX в., которые поставили вопрос о зависимости рациональности решений по использованию территорий от взглядов людей на эти пространства. Было доказано, что образ пространства в умах людей во многом определял их поведение при освоении этого пространства [8, с. 178–184].

На волне бихевиористского подхода был запущен удачный термин «ментальная карта» — восприятие территории людьми. Американский географ Дж. Гоулд писал: «Если мы убеждены в том, что пространство — это наша сфера исследований, то представления самих людей об окружающем их пространстве могут дать ключ к пониманию ряда структур и процессов, творимых Человеком на Земле». Дж. Гоулд считал, что растущее влияние на решения оказывает восприятие распорядителем качества окружающей среды; поэтому необходимо знать, как они ее оценивают и разделяют ли их оценку сограждане [8, с. 184–185].

Примечательно, что значительная часть прикладных экономических исследований по региональной экономике в современной западной науке так или иначе связана с образом (имиджем) территории, ибо этот образ считается важным фактором успешности экономического развития региона. Регионы начинают конкурировать по части создания и удержания благоприятного для них образа в умах населения, вкладывая в подобные программы все больше и больше средств и усилий.

После 1991 г. и в России стали появляться работы, посвященные образам пространства в сознании россиян и важности этого образа для экономики. Здесь необходимо указать на труды географа-регионоведа В. Каганского [9], по сути дела открывшего новый пласт знаний для социологов и экономистов. Постоянно выходят переводные и отечественные работы, посвященные прикладным аспектам имиджа территории [10; 16].

В Институте экономики УрО РАН давно и плодотворно осуществляется создание теоретических и практических подходов к изучению имиджа территории [3; 4; 5]. Проект «Урал промышленный — Урал полярный» [15], связанный в том числе и с переосмыслением исторического опыта освоения

Полярного Урала, дал толчок к исследованиям роли образа пространства в судьбе края.

На основе изучения исторического и современного опыта по образам территорий были сделаны следующие выводы:

1. Вовлечение территории в хозяйственную деятельность является сложным и противоречивым действием. Различные политические, экономические, социокультурные и другие факторы обуславливают ускорение либо затухание этого процесса. При этом важное значение приобретают формирующиеся имидж и репутация осваиваемой территории.

2. Образ (имидж) территории — это набор ощущений и образных, эмоционально окрашенных представлений людей, которые возникают по поводу природно-климатических, исторических, этнографических, социально-экономических, политических, морально-психологических и других особенностей данной территории.

3. Образ (имидж) территорий формируется не сразу и вовсе не как единый, всеми признанный. Любой образ избирателен, не существует образа, всеобъемлюще показывающего территорию. И не существует единого для всех образа, можно говорить лишь о наиболее широко признанном образе, в то же время не исключая иное видение того же пространства у каких-то групп людей. Формирование преобладающего образа — непрерывная борьба со своими победами и неудачами, борьба тем более острая, чем больше интересов сконцентрировано на территории. Конкурентная борьба территорий — явление вовсе не современное, и важным оружием в этой борьбе является создание негативного образа конкурирующей земли — и товары там плохи, и люди нечестны, и власти нехороши. Потому любой образ вырастает в диалектической борьбе негативного и позитивного впечатления/мнения о территории. Для исследователя подобная диалектика дает возможность проследить в исторической перспективе целенаправленность формирования позитивного или негативного видения территории и учесть это при рекомендациях коррекции современного имиджа как части проекта экономического развития региона.

Полярный Урал оказался ярким примером того, как может меняться образ региона, какие силы и по каким причинам могут быть заинтересованы в негативном образе края и как такое негативное видение может затормозить на десятилетия или даже столетие экономическое освоение.

Образ пространства во многом определяет не только специфические особенности его освоения, но даже и сам факт начала этого процесса. Создание благоприятного имиджа (пусть даже далекого от реальности) активизирует освоение территории. Неблагоприятное мнение о территории способно надолго подобное освоение затормозить. То же происходит на более гран-

диозном театре действий — не в пределах одной области, но в отношении огромного края. Стоило расписать новооткрытую Америку страной золота и пряностей, как поток поселенцев устремился осваивать неведомые берега. Схожей была судьба и Полярного Урала. Как легенды об Эльдорадо заставляли испанцев терпеть ужасы джунглей Южной Америки, так и легенды о закаменном серебре и пушнине влекли за собой к далеким Северным горам русских людей и заморских европейских авантюристов [2].

В XV—XVI вв. Полярный Урал был предметом обсуждений известнейших ученых, о нем вели переписку европейские правители, дипломаты и купцы. Различные сведения о тамошних землях бережно собирались и переписывались. К примеру, русский «Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби» [6, с. 112–116], памятник похода С. Курбского на Полярный Урал в 1499 г., опубликованный австрийским дипломатом С. Герберштейном в своей книге «Записки о Московии» (1549 г.), вызвал огромный интерес в Европе. С. Герберштейн был настолько заинтригован этим документом, что во время пребывания в Москве (в 1517 и 1526 гг.) не только скопировал его, но даже сумел встретиться с самим С. Курбским и расспрашивал его о подробностях похода к Оби, не вошедших в документ. Самое важное указание, добытое С. Герберштейном, касалось Оби. Она, оказывается, вытекала из китайского озера и, поднимаясь по ней, можно достичь Китая! Естественно, такие сведения живо интересовали европейцев, желавших наладить торговые отношения с Китаем.

Вторая половина XVI в. была первым звездным часом Полярного Урала. Иван Грозный обсуждал судьбы края с заморскими послами, Строгановы собирали отряды для его покорения, англичане готовили экспедиции для исследования. Полярный Урал был заветным призом, и претендентов на него хватало. Верили, что победитель получит не только безмерные запасы пушнины и серебра, но и контроль над важной торговой артерией — северо-восточным путем в Китай. Недооценивая расстояния Евразии, географы видели прямо за Уралом начало путей к богатейшим городам Дальнего Востока. Ямал и льды Карского моря представлялись створками врат Поднебесной. Еще чуть-чуть — и они распахнутся, так полагали в Европе и России.

Огромные средства государств и частных лиц вкладывались в пешие экспедиции и морские походы. Воображаемый Полярный Урал должен был помочь все это окупить. Реальный Полярный Урал этого сделать не смог.

Северо-восточный проход оказался непреодолимым для судов того времени, да и от Зауралья до Китая обнаружили тысячи километров лесов и степей, ставящих крест на возможной торговле. Серебро, накопленное веками местными племенами, разграбили быстро, а что не забрали — то было надежно укрыто. Запасы пушнины оказались не бесконечными, ибо природа

Севера скудна и даже ясак русскому правительству приходилось собирать с трудом. Для увеличения сбора была установлена монополия казны на отличные шкурки. А для поддержки этой монополии и для запрета проникновения иностранцев при Михаиле, первом царе из династии Романовых, были закрыты все старые пути через Полярный Урал и морем, и сушей, что сразу сделало невыгодными для русских и торговлю, и промыслы в тех краях.

Резко сошел на нет интерес к краю в начале XVII в. Мечта о северном Эльдorado развеялась. Никому не были интересны суровые льды и дикие немногочисленные, уже ограбленные племена. Прекратили плаванья туда европейские и русские корабли, и даже не из-за царева запрета — по причине невыгодности экономической. Полярный Урал больше не интересовал никого. И как же легко ушло бывшее величие края! Грозные княжества остяков и самоедов, разгромленные русскими отрядами, постепенно затухли в пренебрежении. После царевых запретов на самовольную торговлю пушнина и морские походы в Сибирь через Полярный Урал русское население, начавшее было закрепляться на негостеприимных, но богатых берегах, в большинстве двинулось в новоосвоенную и более богатую и вольную Сибирь.

Постепенно Полярный Урал из легенды превратился в каторгу. Если в XV—XVI вв. люди добровольно шли туда в надежде добыть меха или обрести Золотую Бабу, легендарного Обского идола, то с середины XVII в. край богатейших кладов стал местом ссылки, ледяной крепостью, к которой практически невозможно было подобраться и которая навечно, казалось, была обречена на участь забытой окраины.

После государевых Северных экспедиций XVIII в., прошедших в крайне суровых природных условиях, северо-восточный проход окончательно был признан бесперспективным. XIX в. Полярный Урал встречал с клеймом безнадёжности и ненужности.

Давно были оставлены морские и сухопутные пути через Полярный Урал. Даже известнейший Мангазейский морской ход, равно как и навыки хождения по нему, был забыт буквально в течение десятилетий. Техническая невозможность освоения Севера Урала, как и экономическая нецелесообразность какого-либо его освоения, считалась доказанной.

Тем не менее такова, наверно, природа человека — не мириться с, казалось бы, уже признанными реалиями. XIX в. был озарен идеей неостановимого прогресса, широких возможностей для человеческих свершений. Теперь освоение Севера мыслилось как подвиг во имя родного государства и всего человечества. Тяготы освоения Полярного Урала перестали пугать, поскольку переносились они во имя Родины. Энтузиазм эпохи царствования Александра I достиг и северных берегов. Вновь пытаются пройти на восток

корабли, а русские купцы подают прошения с просьбой разрешить им освоить Полярный Урал, пока лишь в транспортном отношении, ибо Сибири, освоенной и быстро развивающейся, нужен морской путь, а значит, нужен и освоенный Полярный Урал.

Для сибирских купцов, запертых в ловушке узкого сибирского рынка, Полярный Урал был воротами к личному обогащению и процветанию своего края, для государственных реформаторов — воротами к обогащению всего государства, к окончательному прирастанию России Сибирью. За короткое время произошел буквально всплеск проектов, предложений и экспедиций.

Все было остановлено при Николае I. При этом императоре вообще мечтать о новом не только не тянуло, но даже и было запретно. Благо и повод был — первые неудачи новой волны освоения Полярного Урала (уже второй за историю) позволяли прекратить все попытки. Знаменитый мореплаватель Ф. П. Литке после плавания к Новой Земле в 1821—1823 гг. пришел к выводу, что организация транспортного мореплавания Северным морским путем в Сибирь «принадлежит к числу вещей невозможных» [17, с. 140]. Правительство, не желая забот, охотно с этим согласилось.

Многим освоенные пути через Полярный Урал были не нужны. Мнение о невозможности освоения этого региона было крайне выгодно весьма влиятельным околоправительственным кругам. Сибирь, чьи несметные богатства могли обеспечить процветание России, в то же время могла способствовать банкротству влиятельных предпринимателей из дворян, чьи доходы после свободного продвижения сибирских товаров в Европейскую Россию и далее в Европу могли резко упасть. Неудивительно, что, используя свои связи при дворе, они «топили» все проекты по созданию Северного морского пути и сухопутных дорог через Северный Урал. Даже тогда, когда построили железную дорогу в Сибирь, по настоянию предпринимателей Европейской России были приняты запретительные тарифы, направленные против сибирских товаров.

Если для таких людей освоенный Полярный Урал был кошмаром, какой надо не допустить, то для сибиряков — заветной мечтой. Когда они думали, куда и как выгодно сбыть свои товары, неизбежно их мысли притягивал Полярный Урал. Довези товары до его западного склона и потом отгружай их прямо в Европу — что могло быть слаще для купца, чем эта сибирская мечта? Открытый морской путь, на котором сложно поставить препоны, означал экономическую (и чем Бог не шутит — политическую) свободу.

Так и боролись в течение века две силы. Одна, рисовавшая край мертвой пустыней безнадежности и гибельности, и вторая — воспевающая Полярный Урал как врата к процветанию. И за каждой стояли свои экономические интересы. Казалось бы, легко должны победить сибиряки, которые на свои

деньги готовы были наладить дело, настроить факторий, портов и дорог, которые постоянно доказывали правительству — вот он, край, освоение которого нам по плечу и через который расцветет Сибирь и вся империя.

Два сибирских миллионера — Михаил Константинович Сидоров и Александр Михайлович Сибиряков — во второй половине XIX в. пытались самостоятельно наладить морские и сухопутные пути через Полярный Урал, дабы вывозить на запад продукцию своих приисков и предприятий. Ради привлечения внимания к Полярному Уралу они печатали книги и статьи, приглашали ученых, устраивали выставки. И общество было на их стороне, благо мода на полярные открытия стремительно захватывала Европу, и совершать географические открытия, преодолевать природные трудности было в духе времени и престижно. Но освоению Полярного Урала непреодолимо мешало государство, которое смотрело на этот край своими глазами и видело в нем нечто совсем иное, чем сибиряки.

И дело даже не в корыстной позиции лиц, связанных с дворянским предпринимательством. Создав на севере и в Сибири каторгу и ссылку, правительство начало бояться бунта и отделения этих территорий. Кошмар восстаний неблагонадежных элементов, страх сибирского сепаратизма прочно вошел в государевы головы. Даже не задумывались чиновники, что они сами, боясь приоткрыть даже щелку для Сибири в Европу, притесняя сибирских купцов, только раздували их радикализм, вынуждали их искать себе союзников внутри и вне государства.

Искать людей вне государства Российского, смотревших на Полярный Урал восхищенными глазами, долго не пришлось. После длительного перерыва в 1860-х гг. на севере стали вновь появляться иностранные суда. Стремительное развитие Скандинавских стран толкало местных мореходов к расширению зон морских промыслов и поиску новых рынков. В силу большого соперничества в Атлантике их взор, естественно, устремился на восток, где слабо развитое русское мореходство не составило им серьезной конкуренции.

Практичные рыбаки, наверное, даже и не знали, что, согласно ученым мнениям, на востоке мореплавание невозможно. В 1869 г. норвежец Эдвард Иогансен проник через Карские ворота и дошел до восточного берега Ямала, откуда мимо Белого острова он направился к восточному берегу Новой Земли и, плывя к югу, вернулся через Карские ворота домой. На следующий год Иогансен повторил свое плавание в Карское море и опять дошел до Ямала. Нагрузив полностью корабль после охоты и ловли, он вернулся в Норвегию, обогнув северную конечность Новой Земли. За это плавание, которое авторитетами ранее признавалось невозможным, Иогансен получил золотую медаль Академии наук в Стокгольме.

Столь легкое достижение Полярного Урала морем повлекло за собой воскрешение давней мечты о северо-восточном проходе — плыть морем вплоть до Китая! Впрочем, практичные скандинавы и англичане вполне были согласны удовлетвориться и более близкой целью — торговлей с Сибирью. Благо обрадованные сибирские купцы охотно устраивали сделки с новыми компаньонами, а то и финансировали их плаванья, справедливо считая, что после первых успешных проходов на Обь и Енисей Северный морской путь мимо Полярного Урала будут штурмовать по своей инициативе уже десятки судов.

Знаменитый шведский мореплаватель А. Норденшельд в 1878–1879 гг. впервые в истории смог пройти северо-восточным путем из Атлантики в Тихий океан на корабле «Вега». Честь этого грандиозного успеха с А. Норденшельдом справедливо делил и купец А. М. Сибиряков, который частично финансировал экспедицию и обеспечивал ее поддержку береговыми отрядами. Громкий успех экспедиции А. Норденшельда — А. М. Сибирякова повлек за собой повышение экономического интереса к Северному морскому пути. Плавание судов с товарами из Европы к Енисею стало пусть и трудным, но вовсе не уникальным.

Но тут вмешалось российское правительство, испугавшееся столь быстрого воплощения в жизнь своего кошмара — прямой торговли Сибири и Европы. Первоначально царское правительство, желая поощрить эпизодические плаванья через Карское море в устья Оби и Енисея, разрешало в определенные годы беспошлинный ввоз некоторых товаров в Сибирь. Проход отдельных судов не казался угрозой для сложившегося положения дел. Однако когда англичане, добравшись по Северному морскому пути до Енисея, совершили в 1896–1897 гг. успешные торговые операции в Енисейске и Красноярске, обменяв мануфактуру на хлеб, соль, шерсть, кожи, масло, по требованию московских фабрикантов беспошлинная торговля была отменена. Это вызвало бешенство сибиряков. «И все дело погибло, все операции были ликвидированы, а Сибирь по-прежнему осталась данницей московских толстосумов. И это называется государственной политикой!» — возмущался по этому поводу в 1912 г. томский публицист А. В. Андрианов [19, с. 265].

После революции 1905–1907 гг. сибиряки имели достаточно политического влияния, дабы отстаивать свои интересы, а в русском правительстве оказались люди, понимавшие, что торможение освоения Полярного Урала опасно блокированием развития всей империи.

В этих условиях сложилось новое отношение к Полярному Уралу — ему предстояло стать освоенным. Впрочем, уступки правительства во многом были вызваны иностранным лобби. Основной движущей силой и инструментом освоения должна была стать англо-норвежская «Сибирская паро-

ходная промышленная и торговая компания», основанная в Осло в январе 1912 г. Эта компания объединяла иностранцев и русских, верящих в великое будущее Сибири и видящих освоенный Полярный Урал и Северный морской путь неотъемлемыми частями этого будущего. Компания во главе с Й. Лидом сумела, воспользовавшись поддержкой как сибирских купцов, так и петербургских чиновников, развить бурную деятельность, увы, прерванную вскоре Первой мировой войной.

Думается, что большая честь освоения Полярного Урала выпала на долю компании с весьма малым уставным капиталом вовсе не случайно. Великий князь Александр Михайлович, московский миллионер Н. А. Второв, а также С. В. Востротин, видный сибирский предприниматель и общественный деятель, близкий к руководству оппозиционной кадетской партии, сами обладали средствами, дабы организовать подобную компанию. При этом знающих Север людей было довольно и в самой России. Утверждение Й. Лида, что «царской России по-прежнему приходилось прибегать к помощи иностранцев, когда требовались энергичность, основательность и эффективность» [12, с. 128], дабы наладить дело, всем, знающим историю российского купечества, кажется смехотворным. Вероятнее всего, иностранные акционеры были для русских купцов гарантами того, что российское правительство не запретит начинание в любой момент. И, дабы не повторять судьбу М. К. Сидорова и А. М. Сибирякова, сибиряки обзавелись своеобразными «экономическими заложниками» — представителями западных капиталов, с которыми правительство не стало бы ссориться.

Неясно, понимал ли сам Й. Лид свое положение, но следует признать, что выбор главы компании не мог быть удачнее. Вся деятельность Й. Лида, не столько по организации, сколько по пропаганде намечавшегося предприятия, выше всяких похвал. Он привлек к пропаганде идеи компании самых разных людей, добился ознакомления со своими проектами как можно большего числа влиятельных людей, многие из которых стали верными сторонниками освоения Северного морского пути. Полярный Урал вновь оказался в центре внимания. Вновь вели о нем разговоры ученые, дипломаты и предприниматели. Как вспоминал после сам Й. Лид, говорить о Карском морском пути стало модно в петербургских салонах. Даже царь был заинтересован намечавшимся предприятием. Весьма успешный пиар-ход Й. Лида заключался в предложении русскому правительству пригласить известного норвежского путешественника Ф. Нансена проехать Северным морским путем и потом совершить путешествие по Сибири. После этой поездки Ф. Нансен не только стал верным другом России, но и написал книгу «В страну будущего» [14], где крайне высоко оценил потенциал Сибири и предсказал грандиозное будущее всем увиденным им краям. Недаром отмечают, что Ф. Нансен впервые в

научной литературе того времени дал обстоятельную оценку экономических ресурсов Сибири.

К 1917 г. необходимость транспортного освоения Полярного Урала была признана и в Европе, и в России. Образ богатого края будущего, который утверждался в сознании общества многими энтузиастами, в конечном итоге стал ориентиром для успешного освоения Севера при советской власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Берлянт А. М.* Образ пространства: карта и информация. М.: Мысль, 1986.
2. *Важенин С. Г., Сухих В. В.* Государственно-частное партнерство в изучении и освоении Полярного Урала // Региональная экономика. 2010. № 29.
3. *Важенина И. С.* Территория в системе экономических отношений. Екатеринбург: Институт УрО РАН, 2008.
4. *Важенина И. С., Важенин С. Г.* Имидж, репутация и бренд территорий // ЭКО. 2008. № 8.
5. *Важенина И. С., Важенин С. Г.* Имиджевое и информационное сопровождение хозяйственного освоения территорий России // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 27.
6. *Герберштейн С.* Записки о московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986.
7. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
8. *Джонстон Р. Дж.* География и географы. Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 года. М.: Прогресс, 1987.
9. *Каганский В.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛО, 2001.
10. *Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д.* Маркетинг мест. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005.
11. *Краснопольский Б. Х.* Пространственные науки и их роль в изучении экономики пространственных образований // Пространственная экономика. 2010. № 1.
12. *Лид Й.* Сибирь — странная ностальгия. Автобиография. М.: Весь Мир, 2009.
13. *Минакир П. А., Демьяненко А. Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2.
14. *Нансен Ф.* В страну будущего. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1969.
15. От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока / Под общ. ред. А. И. Татаркина, В. В. Кулешова, П. А. Минакира. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2009.
16. *Панкрухин А. П.* Маркетинг территорий. СПб.: Питер, 2006.
17. *Пасецкий В. М.* Арктические путешествия россиян. М.: Мысль, 1974.
18. Пространственная организация общества / Под общ. ред. акад. РАН А. И. Татаркина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007.
19. Сибирь в составе Российской империи. М.: НЛО, 2007.
20. *Фрадкин Н. Г.* Образ Земли. М.: Мысль, 1974.

УДК 339.9(5-012)

Е. И. Деваева, Т. Е. Котова

ТОВАРНЫЕ РЫНКИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ ЭКСПОРТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Рассмотрены динамические и структурные изменения, происходящие на рынках рыбо- и лесопродукции, продукции ТЭК в странах Северо-Восточной Азии. Показаны позиции России на отдельных товарных рынках Китая, Японии и Республики Корея.

Конъюнктура товарных рынков, производство, потребление, экспорт, импорт, товарные ниши, Северо-Восточная Азия, Китай, Республика Корея, Япония, Россия, российский Дальний Восток.

В условиях прогрессирующей глобализации мировой экономики и формирования центров экономической активности, в том числе и на субрегиональном уровне, долгосрочные перспективы экономического развития Дальнего Востока России во многом будут зависеть от степени его вовлеченности в процесс международного разделения труда. Реальность получения экономикой Дальнего Востока долгосрочных выгод от участия в этом процессе напрямую будет связана с изменениями параметров внешней среды, в частности, динамикой и структурой спроса со стороны сопредельных стран Северо-Восточной Азии (СВА) на продукцию базовых отраслевых комплексов региона, и прежде всего, рыбохозяйственного, лесопромышленного и топливно-энергетического. Это обусловлено, во-первых, тем, что Китай, Япония и Республика Корея традиционно являются основными внешними

© Деваева Е. И., Котова Т. Е., 2010

Статья подготовлена при поддержке проектов ДВО РАН № 09-И-П24-01, № 09-И-00Н-01.

рынками для российского Дальнего Востока, и во-вторых, продукция ресурсных отраслей традиционно составляет основу российского, в том числе дальневосточного, экспорта в эти страны¹ (см.: [1; 2]).

В настоящее время на рынки стран СВА направляется 83,3% производимой на российском Дальнем Востоке деловой древесины, 74,1% добытой нефти, 38,7% выловленной рыбы и морепродуктов, 3,8% угля, 2,4% нефтепродуктов². При этом большая часть экспортных потоков лесопродукции (около 87%) с территории Дальнего Востока замыкается на китайский рынок, экспорт нефти ориентирован в основном на рынки Республики Корея (46,3%) и Японии (41,6%), рыбопродукции — Китая (56,7%) и Республики Корея (36,6%), угля — Японии (57,9%) и Китая (31,6%), нефтепродуктов — Японии (57,3%) и Китая (31,5%).

Высокий спрос со стороны стран СВА на продукцию ресурсного сектора экономики Дальнего Востока России позволил региону занять довольно устойчивые позиции в импорте этих стран отдельных видов продукции. Наиболее весомая роль принадлежит российскому Дальнему Востоку в формировании объемов потребления рыбы свежемороженой (25,4%), деловой древесины (15,4%) и морепродуктов (12,9%).

Что касается присутствия Дальнего Востока России на рынке топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) стран СВА, то до настоящего времени его роль в структуре импорта энергетических ресурсов этих стран не столь заметна: на долю дальневосточной продукции в импорте СПГ, нефти сырой и угля стран СВА приходится соответственно 3; 2,4 и 0,2%. Вместе с тем долгосрочные перспективы развития международного торгово-экономического сотрудничества российского Дальнего Востока со странами СВА будут в дальнейшем тесно связаны именно с топливно-энергетическим комплексом экономики региона.

ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ

В последние годы происходит существенное повышение доли стран СВА в мировом потреблении продукции ТЭК. Рост использования энергоносителей в СВА обусловлен, главным образом, быстрым ростом экономики Китая. Так, за период 1995—2008 гг. потребление нефти в Китае выросло в 2,3 раза, угля — в 2 раза, в то время как общемировой рост соответственно составил 120,6 и 145,7% .

¹ За счет регионального вывоза формируется 45% российского экспорта деловой древесины в страны СВА, 57% нефти, 98% рыбы и морепродуктов. В российском экспорте сжиженного природного газа (СПГ) в восточноазиатском направлении Дальний Восток является монополистом (100%).

² Объемы экспорта оценивались по данным таможенной статистики.

Растущие потребности КНР в энергоресурсах являются основной причиной подъема конъюнктуры на мировом рынке угля. Несмотря на попытки КНР снизить темпы роста потребления угля, он по-прежнему занимает лидирующую позицию в структуре валового энергопотребления. Если в 2000 г. на этот вид топлива приходилось около 64% всего потребления первичных энергоресурсов в Китае, то к настоящему времени — 70,2%.

Начиная с 2003 г., в условиях бурного экономического роста, а также в результате принятия правительственной программы перевода части тепловых электростанций с нефти на уголь, потребление твердого топлива в электроэнергетике Китая стало заметно возрастать. На этот же период пришлось стремительное развитие китайской сталелитейной промышленности, повлекшее за собой увеличение потребления угля для нужд металлургии, вследствие чего Китай стал наращивать объемы его импорта.

В 2008 г. страна импортировала 40,7 млн т угля, при этом 79,1% всего объема поставок обеспечивали страны Восточной Азии (Вьетнам — 41,4%, Индонезия — 28,4, КНДР — 6,2%) и Россия (1,9%).

В течение последнего десятилетия, вне зависимости от конъюнктуры нефтяных цен на международных рынках, в Китае происходило существенное увеличение спроса на нефть и нефтепродукты, который почти на 2/3 удовлетворялся за счет импорта (табл. 1). За период 2000—2008 гг. объемы импорта сырой нефти возросли в 2,5 раза (до 178,9 млн т). К настоящему времени по импорту нефти Китай уступает только США и Японии. Одновременно рост потребления нефти именно в этой стране выступает фактором давления на рынок и повышение цен. Возрастающие потребности в жидком топливе обусловлены быстрым, преимущественно экстенсивным, экономическим ростом и увеличением численности населения КНР.

На современном этапе Китай планомерно проводит политику диверсификации источников поставки нефти и поиска новых торговых партнеров. В перспективе ожидается, что Китай станет самым крупным в мире потребителем нефти¹. К 2030 г. спрос на нее возрастет до 740—750 млн т, в том числе до 75% потребностей китайской экономики будет удовлетворяться за счет импорта (540—550 млн т) [11].

В отличие от нефти природный газ в Китае до настоящего времени не нашел широкого применения. Так, если в мире в среднем доля газа в структуре энергопотребления составляет 24,1%, то в Китае — всего 3,6%. К числу проблем, сдерживающих широкое использование газа в Китае, относятся: точечный характер газификации, отсутствие единой национальной системы транспортировки и снабжения, слабая законодательная база и фрагментация рынка газа.

¹ В последние годы Китай интенсивно наращивает потенциал нефтепереработки с целью увеличения нефтеперерабатывающих мощностей до 8,8 млн баррелей в сутки к 2011 г. (в 2008 г. — 6,4 млн баррелей в сутки) и снижения отрицательного сальдо в торговле нефтепродуктами.

Таблица 1

Производство и потребление первичных
топливно-энергетических ресурсов в Китае

Показатель	1995	2000	2005	2008	2008 / 2000, %
Уголь, млн т					
производство	1361	998	2205	2793	279,9
сальдо торговли	27	53	46	5	9,4
видимое потребление*	1334	945	2159	2788	295,0
Нефть сырая, млн т					
производство	149,0	162,6	180,8	189,7	116,7
сальдо торговли	—12,0	—60,0	—118,7	—175,2	292,0
видимое потребление*	161,0	222,6	299,5	364,9	163,9
Природный газ, млрд м³					
производство	17,9	27,2	49,3	76,1	279,8
сальдо торговли	0,2	2,7	2,5	—4,6	—170,4
видимое потребление*	17,7	24,5	46,8	80,7	329,4

Примечание. * Видимое потребление = внутреннее производство + импорт — экспорт.

Источники: составлено на основе данных [3; 7; 13].

Собственные запасы природного газа в КНР относительно невелики и оцениваются в 2,5 трлн м³. В 2008 г. объемы добычи природного газа составили 76,1 млрд м³, импорта (как в газообразном, так и в сжиженном виде) — 4,6 млрд м³.

Поскольку Китай в последние годы сталкивается с проблемой изменения энергобаланса в сторону высококачественных энергоносителей — возобновляемой энергии, природного газа и нефти, правительство Китая планирует к 2030 г. довести объем потребления газа до 270—280 млрд м³.

Вторым после Китая крупнейшим потребителем энергоресурсов в США является Япония. В отличие от Китая Япония обладает незначительным запасом энергетических ресурсов: 0,044 млрд баррелей доказанных запасов нефти, 0,74 трлн кубических футов природного газа и 355 млн т извлекаемых запасов угля. За исключением ядерной энергетики, новых и возобновляемых источников энергии, а также небольшого объема внутреннего производства ископаемого топлива, большая часть потребностей Японии в энергии удовлетворяется за счет импорта (табл. 2). За период 1995—2008 гг. импорт каменного угля увеличился с 126,2 до 191,7 млн т, нефти — с 267 до 202,4 млн т, сжиженного природного газа — с 42,9 до 69,3 млрд т (свыше 40% мировой торговли СПГ).

Таблица 2

Потребление первичных топливно-энергетических ресурсов в Японии

Показатель	1995	2000	2005	2008	2008/ 2000, %
Уголь, тыс. т					
производство	6,3	2,5	0,9	1,2	48,0
сальдо торговли	-126,2	-145,3	-180,8	-191,7	131,9
видимое потребление*	132,4	147,7	181,7	192,9	130,6
Нефть сырая, млн т					
производство	0,9	0,8	0,9	1,0	125,0
сальдо торговли	-266,9	-212,0	-210,3	-202,4	95,5
видимое потребление*	267,8	212,8	211,3	203,4	95,6
Природный газ, млрд м³					
производство	0,0	0,0	0,0	0,0	—
сальдо торговли	-57,9	-72,3	-78,6	-93,7	129,6
видимое потребление*	57,9	72,3	78,6	93,7	129,6

Примечание. * Видимое потребление = внутреннее производство + импорт — экспорт.
Источники: составлено на основе данных [3; 7; 13].

Одним из наиболее потребляемых энергетических ресурсов в Японии является нефть, хотя доля последней в структуре энергопотребления страны снизилась к настоящему времени до 44% (в 1970 г. — 80%), что стало возможным благодаря успешной реализации политики повышения энергоэффективности и расширению использования ядерной энергии и природного газа.

Основными поставщиками сырой нефти на японский рынок являются страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран, Катар, Кувейт), на долю которых приходится 87,5% общего объема нефтяных поставок, Индонезия — 3,0 и Россия — 2,4%.

В связи с замедлением темпов роста экономики и увеличением объемов использования альтернативных источников энергии в Японии прогнозируется снижение потребления нефти. К 2030 г. правительством Японии в рамках реализации политики, направленной на снижение доли нефти в структуре энергопотребления, планируется увеличить использование атомной энергии и природного газа, доля которого в энергобалансе страны должна возрасти до 20—23%.

Япония занимает второе место по объему нефтеперерабатывающих мощностей в Восточной Азии после Китая (4,7 млн баррелей нефти в день). В последние годы на фоне сокращения объемов внутреннего потребления в Японии наблюдается ситуация товарного перепроизводства нефтепродуктов. Данное обстоятельство, в свою очередь, стимулирует нефтеперерабатывающие компании к активному поиску внешних рынков сбыта своей про-

дукции (особенно в Китае), что в долгосрочной перспективе может усилить позиции Японии как одного из крупнейших экспортеров нефтепродуктов в Восточной Азии.

Значительную долю в структуре энергетического баланса Японии по-прежнему занимает уголь. Основными потребителями угля в Японии являются сталелитейная промышленность и производители кокса (44%), электроэнергетика (42%), прочие отрасли промышленности (12%), коммунально-бытовое хозяйство (2%). В географической структуре импорта твердого топлива лидируют Австралия (63,3%), Индонезия (13%), Канада (7,6%), Китай (7,3%), Россия (5,4%).

Поставки газа в Японию осуществляются преимущественно из стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) (47,3%) и Ближнего Востока (24,4%). На сегодняшний день на долю природного газа в энергобалансе Японии приходится 16,6%. В настоящее время японские потребители в основном используют природный газ, импортируемый в сжиженном виде (СПГ), незначительные объемы добываются внутри страны (префектуры Ниигата, Хоккайдо и др.). Несмотря на существенное увеличение объемов потребления природного газа (за последнее десятилетие оно возросло на 30%), его дальнейший рост сдерживается слабым развитием газопроводной сети (всего 2100 км). Действующие терминалы по приему СПГ (свыше 20 единиц) не связаны между собой, газ с них преимущественно поступает на расположенные рядом теплоэлектростанции.

Наряду с Японией крупнейшим потребителем СПГ в СВА является Республика Корея (2-е место в мировом импорте СПГ). На протяжении последних десятилетий эта страна занимала одно из ведущих мест в мире по росту потребления первичных энергоносителей, что было обусловлено стабильно высоким темпом ее экономического развития. Высокая энергоемкость ВВП Республики Корея определяется наличием в структуре промышленного производства сталелитейной, судостроительной и других энергоемких отраслей промышленности, являющихся основой экономики страны. Основная доля в суммарном энергопотреблении приходится на промышленность (42%) и электроэнергетику (20%).

Собственная обеспеченность природными топливно-энергетическими ресурсами Республики Корея самая низкая среди стран региона СВА. Коэффициент зависимости Республики Корея от импорта энергоносителей, определяемый как отношение чистого импорта к общему объему потребления энергоресурсов, составляет 97%.

Основным видом энергоресурсов, используемых в Республике Корея, является нефть сырая, на долю которой в структуре энергопотребления приходится 43%. За период 1995—2008 гг. объем поставок нефти на рынок страны возрос с 84,3 млн т до 104,7 млн т. Около 80% объемов импорта сырой нефти

приходилось на страны Ближнего Востока. Удельный вес стран Восточной Азии в суммарном объеме импорта сырой нефти находился на уровне 6%, России — 4%.

В текущем десятилетии объемы импорта нефти Республики Корея превышали потребление, так как страна реэкспортировала около четверти ввозимой нефти и нефтепродуктов в основном в страны Восточной Азии. В настоящее время рынок характеризуется избытком нефтеперерабатывающих мощностей (около 2,6 млн баррелей в день)¹ и является крупнейшим среди стран СВА экспортером нефтепродуктов.

В современной структуре энергопотребления Республики Корея вторую позицию после нефти занимает уголь (свыше 27%). Собственные запасы угля в стране невелики (80 млн т), что предопределяет незначительный объем его добычи в 2,8 млн т/год (табл. 3). Объем импорта угля в 2008 г. составил 97,4 млн т, что вдвое превышает уровень 1995 г. В географической структуре импорта твердого топлива лидирующие позиции принадлежали Австралии (33%), Индонезии (28,7%) и Китаю (22,6%). На долю России приходилось 7,2% общего объема поставок.

Таблица 3

**Потребление первичных топливно-энергетических ресурсов
в Республике Корея**

Показатель	1995	2000	2005	2008	2008/ 2000, %
Уголь, тыс. т					
производство	5,7	4,2	2,8	2,8	66,7
сальдо торговли	—43,8	—63,8	—76,8	—97,4	152,7
видимое потребление*	49,6	68,0	79,6	100,1	147,2
Нефть сырая, млн т					
производство	10,6	0,0	0,0	0,0	—
сальдо торговли	—84,3	—101,4	—103,1	—104,5	103,1
видимое потребление*	94,9	101,4	103,1	104,5	103,1
Природный газ, млрд м³					
производство	0,0	0,0	0,0	0,0	—
сальдо торговли	—10,2	—21,0	—33,7	—39,7	189,0
видимое потребление*	10,2	21,0	33,7	39,7	189,0

Примечание. * Видимое потребление = внутреннее производство + импорт — экспорт.
Источники: составлено на основе данных [3; 7; 13].

¹ Крупнейшим нефтеперерабатывающим предприятием Республики Корея является завод корпорации SK в г. Ульсан, перерабатывающий 817 тыс. баррелей в день, который является вторым по величине НПЗ в мире. В Республике Корея также находится третий по величине НПЗ в мире, перерабатывающий 650 тыс. баррелей в день — завод г. Йосу, принадлежащий компании GS Caltex.

В перспективе Республика Корея планирует импортировать уголь из ЮАР, несмотря на географическую удаленность и высокие ставки фрахта. Переориентация на южноафриканский рынок обусловлена ограниченными возможностями наращивания объемов поставок со стороны традиционных для Республики Корея экспортеров (Китая, Австралии, Индонезии и России) вследствие роста потребления угля на внутреннем рынке этих стран.

Газовый рынок Республики Корея практически полностью зависит от импорта СПГ. В 2008 г. Республика Корея импортировала 39,7 млрд м³ газа. Основными поставщиками являлись Катар (31,4%), Малайзия (24,1%), Оман (18,7%) и Индонезия (14,7%). В меньшем количестве газ в страну поставляли производители из Египта (4,4%), Брунея (2,3%) и Австралии (1,6%).

В настоящее время среди стран СВА корейская экономика в наибольшей степени ориентирована на использование природного газа. Наличие развитой внутренней газотранспортной сети, соединяющей береговые терминалы СПГ с основными центрами потребления газа в стране, позволяет широко использовать природный газ не только для производства электроэнергии, но и в промышленном и жилищно-коммунальном секторах экономики. Доля газа в балансе потребления энергоресурсов страны увеличилась за период 1995—2008 гг. с 6,2 до 14,9% и, по прогнозным оценкам, достигнет к 2030 г. 21% [11].

В долгосрочной перспективе импорт первичных топливно-энергетических ресурсов для Республики Корея, равно как для Китая и Японии, будет экономически неизбежен. Общей тенденцией в обозначенный период для стран СВА станет значительное увеличение потребления природного газа и снижение доли нефти в энергопотреблении. Основными потребителями сжиженного газа будут оставаться Япония и Республика Корея.

К 2020 г. в Японии прогнозируется увеличение потребления природного газа до 110—115 млрд м³, к 2030 г. — 125—130 млрд м³. Спрос Японии на природный газ будет полностью удовлетворяться за счет импорта. К настоящему времени Японией уже заключен ряд соглашений о долгосрочных поставках СПГ, совокупный объем которых должен составить порядка 15 млн т (месторождения Австралии (Иксис), Индонезии (Абади) и Восточного Тимора). Дополнительно сжиженный природный газ будет импортироваться из России (с месторождений Сибири и Дальнего Востока).

Согласно прогнозам Центра исследования проблем энергетики стран АТР (APERC), рост потребления природного газа в Республике Корея к 2020 г. может приблизиться к 60—70 млрд м³. До 2030 г. объем потребления природного газа может достичь 80—85 млрд м³. Учитывая, что заключенные к настоящему времени контракты способны покрыть лишь часть этого объема, а также наличие в мире свободных незаконтрактованных мощностей по

производству СПГ, Республика Корея может заключить долгосрочные контракты на его импорт с Россией.

Что касается Китая, то, по мнению экспертов АPERC, объем потребления природного газа к 2020 г. будет находиться в пределах 165—170 млрд м³, к 2030 г. — 265—270 млрд м³. В целом спрос на газ в СВА возрастет к 2020 г. до 345—350 млрд м³, к 2030 г. — до 475—480 млрд м³, за счет импорта будет удовлетворяться до 70% потребностей в голубом топливе.

Потребление нефти в ведущих странах СВА с учетом прогнозируемых темпов роста валового внутреннего продукта к 2030 г. может достичь 1120—1130 млн т в год, причем зависимость стран СВА от импорта сырой нефти возрастет по сравнению с 2008 г. с 71,6 до 82%.

Более медленными темпами в сравнении с нефтью и газом в странах СВА будет расти потребление угля. Использование угля будет все больше концентрироваться в сфере производства энергии, где он останется доминирующим видом топлива. Спрос на уголь в энергетическом секторе будет расти параллельно с ожидаемым повышением цен на газ. По оценкам АPERC, объем потребления угля к 2020 г. в странах СВА составит 4,4 млрд т, к 2030 г. — 5,3 млрд т, при этом основной объем (свыше 90%) будет приходиться на Китай.

Таким образом, Северо-Восточная Азия в перспективе будет оставаться одним из крупнейших потребителей энергетического сырья в мире, что имеет особенно важное значение для России и ее восточных регионов. К 2030 г. объемы дальневосточного экспорта продукции ТЭК в восточноазиатском направлении могут возрасти в 3,7 раза относительно 2008 г. (до 34,0 млрд долл. в ценах 2008 г.), в результате чего продукция ТЭК составит основу дальневосточного экспорта (62% от общего объема регионального экспорта).

ЛЕСНАЯ ПРОДУКЦИЯ

Неопределенными остаются долгосрочные перспективы относительно наращивания объемов дальневосточного экспорта лесопродукции в страны СВА. В настоящее время крупнейшим импортным рынком лесной продукции является Китай (52,5%), в товарной структуре импорта которого доминируют круглые лесоматериалы (из США и России), целлюлоза и целлюлозно-бумажные изделия.

В последнее десятилетие благодаря расширению внутреннего спроса и росту масштабов инвестиций высокими темпами в Китае развивается деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность. Особое внимание обращает на себя стремительное наращивание объемов производства древесных плит, бумаги и картона (*табл. 4*).

Увеличение объемов производства древесных плит (в 5,5 раза за период

1995—2008 гг.) связано, главным образом, с развитием внутреннего рынка недвижимости, увеличением объемов строительства и производства мебели, ростом уровня жизни населения. В 2008 г. в структуре выпуска древесных плит на долю фанеры приходилось 45,3%, ДВП — 36,4%, ДСП — 14,4%. Порядка 90% листовых материалов потреблялось внутри страны, главным образом в строительстве, во внутренней отделке помещений и в производстве мебели (в том числе предназначенной для экспорта).

Таблица 4

Производство и потребление лесных товаров в КНР

Товарная позиция	1990	1995	2000	2005	2008	2000/ 1990, %	2008/ 2000, %
Производство							
Деловая древесина, млн м ³	91,2	101,2	96,0	94,7	95,8	105,3	99,8
Пиломатериалы, млн м ³	23,6	25,6	7,3	18,8	29,3	30,9	401,4
Древесные плиты, млн м ³	3,0	14,5	19,2	55,6	79,9	640,0	416,1
шпон, млн м ³	0,0	0,1	0,4	3,1	3,1	—	775,0
фанера, млн м ³	1,3	8,1	10,7	26,0	36,2	823,1	338,3
ДСП, млн м ³	0,5	4,4	3,0	5,8	11,5	600,0	383,3
ДВП, млн м ³	1,2	1,8	5,2	20,6	29,1	433,3	559,6
Целлюлоза*, млн т	20,4	36,2	30,3	67,0	99,8	148,5	329,4
Бумага и картон, млн т	17,4	28,5	34,7	60,4	83,7	199,4	241,2
Видимое потребление**							
Деловая древесина, млн м ³	98,1	106,6	111,0	124,9	133,2	113,1	120,0
Пиломатериалы, млн м ³	24,6	27,9	12,0	25,6	37,1	48,8	309,2
Древесные плиты, млн м ³	5,3	19,2	24,2	52,5	72,3	456,6	298,8
шпон, млн м ³	0,1	0,6	1,1	3,3	3,2	в 11 р.	290,9
фанера, млн м ³	3,1	11,3	11,7	21,7	30,0	377,4	256,4
ДСП, млн м ³	0,6	4,6	3,6	6,7	12,0	600,0	333,3
ДВП, млн м ³	1,5	2,7	7,7	20,8	27,1	513,3	351,9
Целлюлоза*, млн т	22,4	39,9	37,5	85,6	132,0	167,4	352,0
Бумага и картон, млн т	19,2	31,5	40,8	64,4	84,2	212,5	206,4

Примечания: * масса из древесины или из других волокнистых целлюлозных материалов; регенерируемые бумага или картон (макулатура и отходы); ** видимое потребление = внутреннее производство + импорт — экспорт.

Источник: составлено на основе данных [6].

Наряду с листовыми материалами высокие темпы роста характерны для производства и потребления целлюлозно-бумажных изделий. За период 1995—2008 гг. производство данной продукции увеличилось с 28,5 млн т до 83,7 млн т. За тот же период потребление увеличилось с 31,4 млн т до 84,2 млн т, выводя Китай на второе место в мире после США. Однако из-за технических

и технологических ограничений китайский рынок вынужден импортировать высококачественные целлюлозно-бумажные изделия для восполнения внутреннего спроса.

В структуре потребления целлюлозно-бумажных изделий около 60% приходится на долю картона и оберточной и упаковочной бумаги. Это значение намного превышает среднемировой уровень и является результатом бурного развития промышленного сектора. В то же время в силу низкого уровня доходов населения Китай значительно меньше, чем остальная часть мира, потребляет газетной, печатной и писчей бумаги. Доля данной продукции составляет 32% общего потребления целлюлозно-бумажных изделий.

Высокие темпы роста производства и потребления продукции деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной отраслей, на долю которых в последние годы приходится порядка 60% ВДС лесопромышленного комплекса КНР [14], отражают изменение структуры производства лесотоваров, смещая акцент на производство продукции, обеспечивающей более существенный прирост добавленной стоимости, и высокую зависимость Китая от импорта необработанной древесины.

В последние годы Китай занимает лидирующие позиции в мировом импорте лесопродукции. Основу китайского импорта составляют целлюлоза (49,1%), деловая древесина (21,5%), целлюлозно-бумажные изделия (17,5%) и пиломатериалы (8,2%). Обращает на себя внимание тот факт, что в течение 1995—2008 гг. на фоне увеличения в структуре лесного импорта КНР удельного веса целлюлозы (с 17,7 до 49,1%) и деловой древесины (с 7,9 до 21,5%) стабильно сокращалась доля листовых материалов (с 19,4 до 2%) и целлюлозно-бумажных изделий (с 48,7 до 17,5%). Произошедшая в указанный период трансформация товарной структуры импорта явилась следствием растущего спроса китайского рынка на древесное сырье, особенно высококачественные сорта древесины, и гибкой таможенно-тарифной политики государства. Так, с 2000 г. ставки таможенного тарифа на импорт круглого леса и древесной целлюлозы были понижены до нулевого уровня.

За период 2001—2008 гг. существенные изменения произошли в географической структуре импорта целлюлозы Китая: на фоне снижения доли стран АСЕАН (с 16,9 до 7,8% в объеме импорта целлюлозы) заметно усилили свои позиции страны ЕС (с 6,4 до 17,6%). Удельный вес России, обеспечивающей в 2001 г. около 13% объема импортных поставок целлюлозы на рынок Китая, к настоящему времени сократился до 6,4%. Ведущим экспортером неизменно остаются США (26,7% в 2008 г.).

Крупнейшим поставщиком деловой древесины на китайский рынок является Россия. За период 1995—2008 гг. объемы импортируемого российского круглого леса возросли практически в 78 раз. В результате доля России в

структуре китайского импорта необработанных лесоматериалов увеличилась с 14,2 до 49,4%. Другими крупными экспортерами круглого леса являются страны Юго-Восточной Азии (10,4%), Габон (8%), Папуа — Новая Гвинея (8%), Новая Зеландия (4,8%) и Соломоновы острова (4,1%).

В структуре импорта пиломатериалов, так же как и в импорте круглого леса, России принадлежат лидирующие позиции. В 2008 г. российские пиломатериалы составляли 19,5% от общего объема импорта пиломатериалов в Китае (в 1995 г. — 4,3%).

В отличие от импорта в структуре экспорта лесопродукции Китая в 2008 г. доминировали товары с высокой добавленной стоимостью: мебель (39,2%), целлюлозно-бумажные изделия (27,4%), листовые материалы (17%), а также строительные и конструкционные изделия из древесины (6,2%). На долю прочих готовых изделий из древесины, к которым относятся упаковочная тара, бондарные изделия, столовые и кухонные принадлежности, инструменты и различные декоративные изделия, приходилось немногим более 8%. В целом доля готовой продукции в лесном экспорте Китая возросла в 2008 г. по сравнению с 1995 г. с 84 до 98%.

За период с 1995 по 2008 г. среднегодовые темпы роста экспорта бумаги и картона составили 52,4%. Объемы экспорта мебели за этот период увеличились в 18,4 раза, листовых материалов — 5,8 раза, в том числе фанеры — в 8,7 раза, ДВП — 8,5 раза, ДСП — в 1,6 раза. Значительный рост экспорта листовых материалов позволил Китаю занять лидирующие позиции в мировом экспорте фанеры (34%) и МДФ (23,6%).

В настоящее время Китай поставляет на внешний рынок 31,6% произведенной в стране фанеры, 16,7% древесностружечных плит, 9,3% бумаги и картона, 6,8% шпона. При этом за период 1995—2008 гг. доля экспорта в производстве фанеры и ДСП увеличилась практически втрое.

Основными рынками сбыта листовых материалов являются страны ЕС (22,8%), США (21,5%), страны Ближнего Востока (14,4%) и Япония (6,2%); мебели — США (41,4%), страны ЕС (20%) и Ближнего Востока (7%); целлюлозно-бумажных изделий — США (19%), Гонконг (14,5%), страны ЕС (12,1%) и Юго-Восточной Азии (9,5%), а также Япония (8,5%).

Наряду с Китаем к числу основных потребителей лесопродукции в СВА относится Япония, экономика которой испытывает дефицит деловой древесины, поскольку лесной сектор страны покрывает лишь пятую часть внутренних потребностей. Пик лесозаготовок в стране приходился на 1967 г. (53,0 млн м³), и с тех пор производство древесины и других первичных лесных продуктов в Японии непрерывно снижается (табл. 5). К настоящему времени объем производства деловой древесины составляет 17,7 млн м³, пиломатериалов — 10,9 млн м³.

Таблица 5

Производство и потребление лесопродукции в Японии

Товарная позиция	1990	1995	2000	2005	2008	2000/ 1990, %	2008/ 2000, %
Производство							
Деловая древесина, млн м ³	29,3	22,9	18,0	16,2	17,7	61,4	98,3
Пиломатериалы, млн м ³	29,8	24,5	17,1	12,8	10,9	57,4	63,7
Древесные плиты, млн м ³	8,6	7,0	5,6	5,4	4,6	65,1	82,1
шпон, млн м ³	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1	33,3	100,0
фанера, млн м ³	6,4	4,4	3,2	3,2	2,6	50,0	81,3
ДСП, млн м ³	1,0	1,3	1,3	1,2	1,1	130,0	84,6
ДВП, млн м ³	0,9	1,1	1,0	0,9	0,8	111,1	80,0
Целлюлоза*, млн т	25,4	26,4	29,4	33,1	33,2	115,7	112,9
Бумага и картон, млн т	28,1	29,7	31,8	29,3	28,4	113,2	89,3
Видимое потребление**							
Деловая древесина, млн м ³	56,9	44,8	33,9	26,8	24,4	59,6	72,0
Пиломатериалы, млн м ³	38,8	36,2	27,0	21,2	17,4	69,6	64,4
Древесные плиты, млн м ³	12,4	13,0	11,8	11,3	9,2	95,2	78,0
шпон, млн м ³	0,9	0,9	0,2	0,2	0,1	22,2	50,0
фанера, млн м ³	9,3	8,8	8,2	7,9	6,2	88,2	75,6
ДСП, млн м ³	1,2	1,7	1,6	1,6	1,5	133,3	93,8
ДВП, млн м ³	1,0	1,7	1,6	1,6	1,4	160,0	87,5
Целлюлоза*, млн т	28,8	30,3	32,3	31,6	31,6	112,2	97,8
Бумага и картон, млн т	28,3	30,2	31,9	29,9	28,3	112,7	88,7

Примечания: * масса из древесины или из других волокнистых целлюлозных материалов; регенерируемые бумага или картон (макулатура и отходы); ** видимое потребление = внутреннее производство + импорт — экспорт.

Источник: составлено на основе данных [6].

Одной из причин сокращения объемов производства является быстрый рост производственных затрат (стоимость трудовых ресурсов, объемы налоговых отчислений), в то время как цена на древесину, произведенную внутри страны, снижается под давлением цен на импортное сырье.

Сокращение объемов лесозаготовок привело к тому, что к настоящему времени Япония является одним из основных импортеров древесины в мире, на ее долю приходится порядка 10,5% мировой торговли деловой древесиной. Географическая структура импорта круглого леса представлена США (39%), Россией (23%), Канадой (16,1%), Малайзией (10,6%) и Новой Зеландией (7,6%).

Длительное время крупнейшим поставщиком круглого леса хвойных пород на японский рынок являлась Россия. Однако ужесточение таможенно-

тарифного регулирования в РФ экспорта необработанных лесоматериалов во второй половине 2007 г. негативно отразилось на динамике российского экспорта круглого леса, вызвав практически двукратное падение его объемов в 2008 г. В результате доля российского леса в структуре импортных поставок необработанных лесоматериалов хвойных пород снизилась с 41,5% в 2007 г. до 25,8% в 2008 г. Освободившуюся нишу заняли производители хвойного пиловочника из США, увеличив свою долю на японском рынке до 44,1%. Основной объем круглого леса лиственных пород, занимающего около 20% в структуре импортных поставок необработанных лесоматериалов, Япония ввозит из Малайзии (59,1%) и США (11,8%). Главными потребителями деловой древесины на японском рынке являются производители бумаги, мебели и стройматериалов.

В последние годы в Японии неуклонно снижаются объемы потребления и импорта пиломатериалов. За период 2000—2008 гг. доля пиломатериалов в структуре импорта лесопродукции сократилась с 19,2 до 13,6%. В настоящее время в географической структуре импорта пиломатериалов лидирующие позиции занимают страны Северной Америки (свыше 34% пиломатериалов поступает из Канады и США), страны Западной Европы (30,6%)¹ и Россия (12,3%).

Наиболее высокий спрос в Японии на древесные листовые материалы предъявляется со стороны строительства. В структуре потребления листовых материалов доминирует фанера (около 70%), ввозимая в основном из Малайзии, Индонезии и Китая, позиции которого в последние годы заметно усилились (в японском импорте фанеры его доля возросла с 4,7% в 2001 г. до 15,7% в 2008 г.). Позиции Китая укрепились также и на японском рынке мебели. За период 2001—2008 гг. доля Китая в импорте мебели возросла с 26 до 50%.

В отличие от импорта, структура японского лесного экспорта менее диверсифицирована и представлена целлюлозой и целлюлозно-бумажными изделиями (97% общего объема экспорта лесопродукции). Следует отметить, что за период 1995—2008 гг. объемы экспорта целлюлозы возросли практически в 12 раз, а ее удельный вес в структуре лесного экспорта увеличился с 2,6 до 20,6%. Основными потребителями японской целлюлозы являются Китай (79,2%) и страны ЮВА (10,5%); целлюлозно-бумажных изделий — страны ЮВА (22,3%), Китай (18,2%) и США (15,2%).

Республика Корея, в отличие от Китая и Японии, характеризуется самой

¹ Импорт пиломатериалов из Финляндии, Швеции, Австрии, Чехословакии и Германии возник в начале 1990-х гг. и из-за большой удаленности экспортеров является своеобразным феноменом. Это объясняется перенасыщенностью европейского рынка лесоматериалов, стремлением европейских производителей приспособиться к высоким требованиям японского рынка древесины, а также высоким качеством европейской древесины.

низкой обеспеченностью лесными ресурсами: собственные лесные ресурсы обеспечивают лишь 10% объемов потребления древесины в стране, остальной спрос возмещается за счет импорта (табл. 6). Порядка 60% импортируемых лесных продуктов используется в строительстве, 20% — в производстве мебели, 5% — для упаковки.

Таблица 6

Производство и потребление лесопродукции в Республике Корея

Товарная позиция	1990	1995	2000	2005	2008	2000/ 1990, %	2008/ 2000, %
Производство							
Деловая древесина, млн м ³	1,14	1,37	1,59	2,35	2,70	139,5	169,8
Пиломатериалы, млн м ³	3,90	3,44	4,54	4,37	4,37	116,4	96,3
Древесные плиты, млн м ³	1,46	2,14	3,20	3,76	3,69	219,2	115,3
шпон, млн м ³	0,00	0,00	0,72	0,57	0,38	—	52,8
фанера, млн м ³	1,12	0,97	0,82	0,68	0,67	73,2	81,7
ДСП, млн м ³	0,17	0,55	0,72	0,85	0,95	423,5	131,9
ДВП, млн м ³	0,17	0,61	0,94	1,66	1,70	552,9	180,9
Целлюлоза*, млн т	2,19	4,22	5,60	7,60	8,44	255,7	150,7
Бумага и картон, млн т	4,52	6,88	9,31	10,25	10,64	206,0	114,3
Видимое потребление**							
Деловая древесина, млн м ³	11,19	9,69	8,33	8,57	7,60	74,4	91,2
Пиломатериалы, млн м ³	4,39	4,42	5,26	5,13	4,92	119,8	93,5
Древесные плиты, млн м ³	2,63	3,94	5,09	6,42	5,48	193,5	107,7
шпон, млн м ³	0,03	0,06	0,96	0,88	0,57	в 32 р.	59,4
фанера, млн м ³	1,78	2,18	1,70	1,91	1,46	95,5	85,9
ДСП, млн м ³	0,57	1,03	1,20	1,60	1,45	210,5	120,8
ДВП, млн м ³	0,25	0,67	1,22	2,03	2,00	488,0	163,9
Целлюлоза*, млн т	4,76	7,43	9,72	11,41	11,96	204,2	123,0
Бумага и картон, млн т	4,33	6,58	7,41	7,78	8,77	171,1	118,4

Примечания: * масса из древесины или из других волокнистых целлюлозных материалов; регенерируемые бумага или картон (макулатура и отходы); ** видимое потребление = внутреннее производство + импорт — экспорт.

Источник: составлено на основе данных [6].

В текущем десятилетии среднегодовые темпы прироста объемов импорта деловой древесины составили 6,9%, пиломатериалов — 3,1%, фанеры — 11,7%, ДСП — 8,6%, ДВП — 7,2%. В настоящее время на долю указанных товарных позиций приходится 30,5% объема импорта лесопродукции. Свыше 31% в южнокорейском импорте лесопродукции занимает целлюлоза, 21,2% — бумага и картон. Порядка 60% импортируемых лесных продуктов используется в строительстве, 20% — в производстве мебели, 5% — для упаковки.

Основными поставщиками лесопродукции на рынок Республики Корея являются Китай (17,6%), США (14,9%), Индонезия (8,6%), Канада (8%), Новая Зеландия (6,3%), Малайзия (6,9%). Доля России составляет 3%.

Экспорт лесопродукции Республики Корея, структура которого в значительной степени схожа со структурой экспорта Японии, представлен, главным образом, целлюлозно-бумажными изделиями (92%). За период 1995—2007 гг. объемы экспорта данной продукции увеличились практически вдвое. В настоящее время на экспорт направляется приблизительно треть произведенной в стране продукции целлюлозно-бумажной промышленности.

Среди стран-потребителей целлюлозно-бумажных изделий из Республики Корея следует выделить США, Китай, Австралию и Японию. Экспорт в эти страны составляет в настоящее время порядка 50% объема экспорта поставок бумаги и картона Республики Корея. Наряду с целлюлозно-бумажными изделиями на внешний рынок поставляются мебель (2,1%), целлюлоза (2,1%), листовые материалы (0,9%) и готовые изделия из древесины (0,7%).

В долгосрочной перспективе, согласно оценкам FAO [24], рост спроса на лесоматериалы в странах СВА во многом будет представлять собой продолжение существующих в настоящее время тенденций и соответствовать глобальной перспективе, предполагающей существенное увеличение потребления древесных плит и более умеренный рост потребления пиломатериалов. Пиломатериалы и фанера по-прежнему останутся основной статьей потребления продукции из плотной древесины, хотя ожидается некоторое увеличение использования восстановленных плит вместо пиломатериалов и фанеры. Также ожидается заметный рост потребления бумаги и картона; при этом наибольшая часть волокна для их производства будет получена из восстановленной бумаги и древесины, произведенной за счет посадок быстрорастущих видов деревьев.

Основная доля роста объемов потребления лесопродукции в СВА придется на Китай. Согласно перспективным оценкам Государственного лесного управления КНР (SFA), к 2020 г. потребление фанеры сократится до 20 млн м³, что связано с уменьшением запасов тропической древесины, особенно бревен большого диаметра. Сокращение потребления фанеры повлечет за собой рост потребления ДСП и ДВП (до 70 млн м³ в 2020 г.) [21]. Суммарный объем потребления листовых материалов к 2020 г. увеличится до 120 млн м³. К 2030 г. спрос на фанеру в Китае может составить более половины мирового спроса, а доля КНР в мировом спросе на панели и упаковочную бумагу достигнет 35 и 28% соответственно [22].

По предварительным оценкам SFA, потребление пиломатериалов в строительстве в 2010 г. составит 41—43 млн м³. Однако к 2020 г. их потребление сократится до 32—34 млн м³, что связано с усилением миграционных потоков в

направлении городов из сельских районов страны, где древесина традиционно используется в жилищном строительстве. Потребление пиломатериалов в качестве отделочных материалов, как ожидается, увеличится до 40—42 млн м³ к 2020 г., главным образом, вследствие роста уровня доходов населения. Также возрастет к 2020 г. спрос на пиломатериалы для производства мебели (до 35—37 млн м³). Спрос на бумагу и картон, как ожидается, в период до 2020 г. практически удвоится, составив 137,8 млн т.

В целом предполагается, что спрос на древесину в Китае к 2020 г. увеличится до 457—477 млн м³, при этом за счет импорта будет удовлетворяться до 33—36% совокупного объема спроса на древесное сырье (153—173 млн м³). В 2030 г. спрос Китая на импорт промышленного круглого леса может достигнуть 245 млн м³.

В долгосрочной перспективе Китай также закрепит за собой позиции крупнейшего в регионе СВА производителя лесопродукции (общий объем производства лесной продукции в Китае может достичь 952,8 млн м³ к 2030 г.). При этом КНР будет оставаться основным в регионе импортером древесного сырья и экспортером лесопродукции высокого технологического передела, что существенно ограничит возможности проникновения на рынок стран СВА дальневосточных производителей продукции деревообработки.

РЫБОПРОДУКЦИЯ

Преимущественно сырьевая направленность сохранится в долгосрочной перспективе и в дальневосточном экспорте рыбопродукции в страны СВА. В настоящее время Китай, Япония и Республика Корея являются основными рынками производства и потребления рыбы и морепродуктов в СВА. Лидирующие позиции в производстве рыбы и морепродуктов среди стран СВА принадлежат Китаю. В результате проводимой экономической политики и благодаря сохранившимся традициям поликультурного натурального хозяйства Китай стал обладателем уникального рыбопромышленного комплекса, в котором более половины производимого объема рыбопродукции представлено аква- и марикультурой¹.

В 2008 г. продукция рыбной отрасли Китая составила 47,5 млн т, в том числе традиционный улов рыбы и морепродуктов — 14,8 млн т, продукция аквакультуры — 32,7 млн т (табл. 7). На протяжении многих лет Китай занимает доминирующие позиции в отрасли аквакультуры, с уже устоявшимся мировым экспортным рынком и беспрерывно растущим внутренним потреблением.

¹ Следует отметить, что начиная с 1970 г. развитие пресноводной аквакультуры в Китае происходило со среднегодовым темпом прироста в 10,8% (в мире этот показатель составлял 7%), развитие марикультуры, за исключением водорослей, — с темпом прироста в 10,7% (5,9% в мире).

Таблица 7

Динамика производства, экспорта, импорта и потребления
рыбопродукции в КНР, млн т

Показатель	1995	2000	2005	2008	2008/ 2000, %
Производство	28,5	36,2	42,7	47,5	131,2
рыболовство	12,6	14,6	14,6	14,8	101,4
аквакультура	15,9	21,5	28,1	32,7	152,1
Экспорт	0,7	1,5	2,5	2,9	193,3
Импорт	1,3	2,5	3,7	3,9	156,0
Видимое потребление*	29,0	37,2	43,9	48,5	130,7

Примечание. * Видимое потребление = внутреннее производство + импорт — экспорт.

Источники: составлено на основе данных [6; 7].

К настоящему времени на долю Китая приходится 62,3% объема всей произведенной продукции аквакультуры в мире (в целом доля стран АТР в мировом объеме производства данной продукции составляет порядка 92%). В среднесрочной и долгосрочной перспективе, согласно планам по развитию рыбной отрасли страны, рыбопромышленный комплекс Китая будет напрямую зависеть от состояния и дальнейшего развития аквакультуры.

В последние годы Китай стал важнейшим игроком на мировом рынке рыбопродукции. За период 2000—2008 гг. объемы экспорта рыбопродукции страны увеличились с 3,8 до 10,4 млрд долл., импорта — с 2,4 до 5,3 млрд долл.

Рост объемов экспорта рыбопродукции достигался исключительно за счет наращивания объемов поставок готовой продукции и полуфабрикатов (рис. 1). Наличие данной тенденции обусловлено развитием так называемой «процессинговой»¹ торговли («*processing trade*»), механизм которой заключается в следующем: рыба и морепродукты импортируются в страну и после определенной стадии обработки реэкспортируются для последующей продажи. К настоящему времени доля продукции переработки (готовая продукция и полуфабрикаты) в товарной структуре экспорта возросла до 80%. По оценкам Министерства сельского хозяйства КНР, к 2020 г. доля только готовой продукции в совокупном объеме экспорта продукции рыбопромышленного комплекса страны увеличится на 25% и достигнет 75—80%.

В отличие от экспорта рост объемов импорта рыбопродукции происходил главным образом за счет стабильного увеличения объемов импорта сырья (рис. 1), при этом свыше 40% импортируемых Китаем рыбы и морепродуктов использовалось не для удовлетворения внутренних потребностей, а для дальнейшей переработки с последующим экспортом.

¹ «Процессинг» — производство продукции на основе использования давальческого сырья.

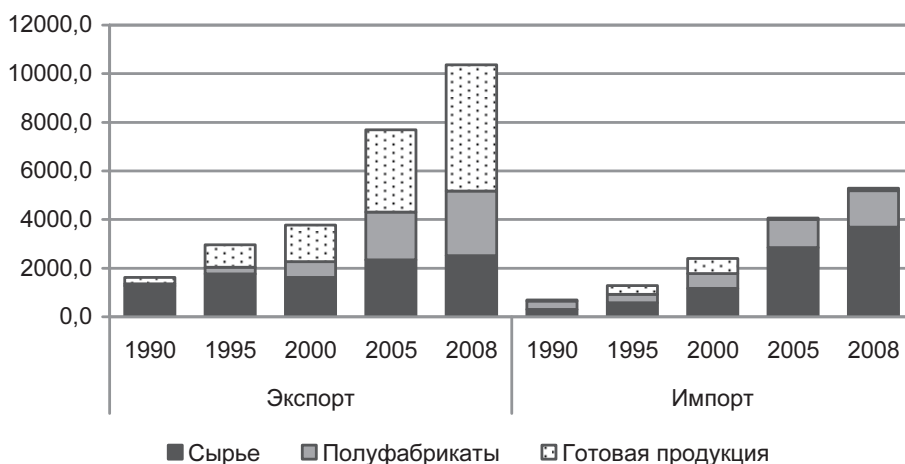

Рис. 1. Динамика и структура внешней торговли рыбопродукцией КНР, млн долл.

Источник: на основе данных [7].

Основным поставщиком рыбы и морепродуктов на китайский рынок является Россия, доля которой в общем объеме импорта рыбы и морепродуктов за период 2000—2008 гг. возросла с 17,5 до 24,5%. Усиление позиций РФ на китайском рынке рыбопродукции в последнее десятилетие происходило главным образом за счет наращивания объемов поставок рыбы мороженой. К наиболее востребованным видам российской рыбной продукции на китайском рынке относятся лосось, палтус, треска и сельдь.

Наиболее высокая степень зависимости от импорта рыбы и морепродуктов среди стран Северо-Восточной Азии характерна для Японии. Данный факт обусловлен тем, что исторически рыбное хозяйство является важнейшим сектором японской экономики. Однако, несмотря на развитый национальный рыбопромышленный комплекс, практически половина потребности населения Японии в продуктах рыболовства в значительной степени удовлетворяется за счет импорта. В последние годы индекс самообеспеченности рыбной продукцией в Японии находится на уровне 70% (абсолютный максимум в динамике данного показателя наблюдался в 1964 г. — 113%).

Следует отметить, что среди стран СВА Япония характеризуется самым либеральным таможенным регулированием в части импорта рыбопродукции. Однако, несмотря на относительно низкие значения импортного тарифа, Япония продолжает сохранять импортные квоты на рыбные товары, размеры которых определяются спросом японского рынка на данный товар и предложением со стороны японских поставщиков. При этом квоты имеют тарифный характер (то есть существует первичная тарифная ставка и вторичная «запретительная» ставка). Кроме того, на отдельные виды товаров из

ряда стран требуется предварительное одобрение японского Министерства внешней торговли и промышленности. В частности, это правило распространяется на красную рыбу и продукцию из нее, поставляемую из Китая, Тайваня и КНДР, а также рыбу, выловленную за пределами японских территориальных вод иностранными судами и переданную в море на японские суда для ее ввоза в Японию [28].

В текущем десятилетии в динамике производства рыбопродукции и особенно ее импорта наблюдался понижающийся тренд (*табл. 8*). За период 2000—2008 гг. объем импорта рыбопродукции в Японии сократился с 15,7 млн долл. до 14,7 млн долл. При этом в последние несколько лет в стране наблюдается абсолютное сокращение объемов потребления некоторых видов рыбы (в частности, норвежской семги, американской нерки и трески). Наличие данной тенденции обусловлено сокращением потребления рыбной продукции на внутреннем рынке вследствие появления в структуре пищевого рациона населения страны большого ассортимента «легких в приготовлении» мясных продуктов¹, а также повышения мировых цен на морепродукты, инициированного увеличением объемов потребления рыбы и морепродуктов в Китае, Европе и США.

Таблица 8

**Динамика производства, экспорта, импорта и потребления
рыбопродукции в Японии, тыс. т**

Показатель	1995	2000	2005	2008	2008/ 2000, %
Производство	6786,7	5817,6	5135,4	4981,1	85,6
рыболовство	5966,6	5054,8	4389,2	4248,7	84,1
аквакультура	820,1	762,8	746,2	732,4	96,0
Экспорт	235,5	221,5	470,1	517,9	233,8
Импорт	3494,2	3488,9	3336,1	2759,9	79,1
Видимое потребление*	10 045,4	9085,1	8001,4	7223,1	79,5

Примечание. * Видимое потребление = внутреннее производство + импорт — экспорт.
Источник: составлено на основе данных [6; 7].

В настоящее время основными экспортерами водных биологических ресурсов на японский рынок являются КНР (17,1%), США (10,4%), Россия (8,7%), Таиланд (7,6%), Чили (7,1%), Вьетнам (5,2%), Индонезия (5,2%), Республика Корея (4,9%). К наиболее значимым товарным позициям японского импорта относятся креветки, тунец, лосось и форель, краб, угорь, треска. Они составляет около половины всего объема импорта.

¹ В текущем десятилетии объем среднегодового потребления свежей рыбы (в расчете на одного человека) сократился на 10,5%, в то время как свежего мяса — увеличился на 2,5%.

Российский экспорт продукции рыбного комплекса в 2008 г. оценивался в 1,28 млрд долл., что на 1,5% выше, чем в 2000 г. В структуре российских поставок рыбопродукции в Японию преобладают морепродукты. В 2008 г. за счет российских поставок формировалось свыше 17% общего объема японского импорта ракообразных и моллюсков. В настоящее время России принадлежат лидирующие позиции по поставкам мороженных и свежих крабов (453,8 млн долл.), нерки (113,8 млн долл.) и палтуса (37,0 млн долл.).

В Республике Корея рыбное хозяйство также является важной отраслью экономики и социально значимым промыслом. Удельный вес рыбы в общем балансе белка животного происхождения в Республике Корея — один из самых высоких в мире: около 40%. Несмотря на то, что структура питания претерпела за последнюю четверть века существенные изменения (в ней стало больше мясных и молочных продуктов¹), потребление рыбы и морепродуктов в Республике Корея стабильно увеличивается. Так, если в 2000 г. среднедушевое потребление рыбы и морепродуктов составляло около 70 кг, то в 2008 г. этот показатель превысил 87 кг. Вместе с тем уровень самообеспеченности рыбой и морепродуктами Республики Корея в настоящее время не превышает 70%. К примеру, в 1980 г. уровень самообеспеченности достигал 138%, в 2000 г. — 94%.

В текущем десятилетии в Республике Корея наблюдается рост объемов импорта рыбы и морепродуктов. При этом темпы роста импорта в значительной степени опережали темпы роста экспорта, что привело к формированию отрицательного сальдо в торговле рыбопродукцией (табл. 9).

Таблица 9

**Динамика производства, экспорта, импорта и потребления
рыбопродукции в Республике Корея, тыс. т**

Показатель	1995	2000	2005	2008	2008/ 2000, %
Производство	2688,1	2118,4	2077,6	2417,7	114,1
рыболовство	2319,9	1825,0	1641,0	1943,9	106,5
аквакультура	368,2	293,4	436,6	473,8	161,5
Экспорт	435,1	527,8	405,4	576,7	109,3
Импорт	405,3	746,7	1265,1	1149,7	154,0
Видимое потребление*	2658,3	2337,3	2937,3	2990,7	128,0

Примечание. * Видимое потребление = внутреннее производство + импорт — экспорт.
Источник: составлено на основе данных [6; 7].

¹ По оценкам Корейского института экономики сельского хозяйства, по сравнению с 1976 г. в ежедневном рационе жителей Республики Корея мясных продуктов стало в 4 раза больше, молочных продуктов — в 10 раз.

В 2008 г. объем импорта составил 1,4 млрд долл., большая часть которого приходилась на Китай (35,8%), Россию (14,3%), США (9,1%) и Японию (4,5%). С целью защиты национальных производителей морепродуктов от импортируемой продукции (главным образом из Китая) правительство Республики Корея ужесточило таможенный режим, введя в 2008 г. «регулирующие тарифы» (в диапазоне от 22 до 53%) для отдельных видов рыбопродукции, не подпадающих под действие тарифных обязательств в рамках соглашений ВТО¹.

Несмотря на самый высокий среди стран СВА уровень тарифной защиты, в Республике Корея применяется менее строгий, в сравнении с Японией, порядок выгрузки российской рыбы в морских портах, значительная часть которой в дальнейшем экспортируется в Японию и КНР.

За период 2000—2008 гг. экспорт российской рыбы и морепродуктов в Республику Корея увеличился в 2,8 раза (для сравнения: экспорт рыбопродукции в Китай возрос в 2,4 раза, в Японию — в 1,2 раза), притом что цены на рыбопродукцию в среднем в 2—2,5 раза ниже, чем на японском, и в 1,2—1,5 раза, чем на китайском рынке. Таким образом, предпринятые Японией меры по ужесточению требований к импорту морских биоресурсов привели к возрастанию роли Республики Корея как посредника в торговле рыбопродукцией.

Наиболее весомы позиции России в южнокорейском импорте крабов, палтуса, камбалы, сельди, трески, печени, икры и молок. Доля российской продукции в импорте указанных видов рыбных товаров превышает 55%, а по свежим крабам и палтусу Россия практически полностью удовлетворяет импортные потребности Республики Корея.

В перспективе, согласно прогнозам Министерства морского хозяйства и рыболовства Республики Корея, в стране ожидается дальнейшее увеличение потребления рыбы и морепродуктов, что обусловлено наблюдающимся в настоящее время в стране ростом интереса к здоровому питанию.

В целом, согласно прогнозам FAO, при сохранении современных тенденций, сложившихся на рынках рыбы и морепродуктов в странах СВА, в средне- и долгосрочной перспективе следует ожидать существенного роста потребления рыбы и морепродуктов, и главным образом в Китае [28]. Уже к 2020 г. потребление на душу населения в КНР достигнет 35,9 кг в год² [15].

При этом важнейшим источником для удовлетворения возрастающего спроса на рыбу и морепродукты станет аквакультура. Это связано, с одной

¹ До введения в действие регулирующих тарифов импорт этих видов продукции подлежал тарификации от 10 до 20%.

² Для сравнения: в странах Юго-Восточной Азии к 2020 г. потребление рыбопродукции на душу населения в среднем составит 25,8 кг в год.

стороны, с сохранением повышательной динамики цен на продукцию традиционного лова вследствие увеличения затрат на добычу рыбы и морепродуктов и истощения ресурсов Мирового океана, с другой — ростом дефицита продовольствия, особенно белкового происхождения. В результате к 2020 г. производство продукции аквакультуры возрастет почти на 80% относительно 2008 г., увеличившись до 70—75% в общем объеме производства продукции рыбного сектора.

Пролонгация указанных выше тенденций до 2030 г. может создать для Дальнего Востока России определенные ограничения как в плане наращивания физических объемов поставок рыбы свежемороженой и морепродуктов в восточноазиатском направлении, так и увеличения в структуре экспорта доли рыбопродукции с более высокой добавленной стоимостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деваева Е. И., Котова Т. Е. Внешняя торговля Дальнего Востока России: современное состояние и тенденции развития // *Пространственная экономика*. 2009. № 4.
2. Деваева Е. И., Котова Т. Е. Российское Дальневосточье и АТР: внешнеэкономический аспект // *Проблемы Дальнего Востока*. 2007. № 6.
3. Материалы официального сайта Азиатского банка развития. <http://www.adb.org>.
4. Материалы официального сайта ВТО. <http://www.wto.org>.
5. Материалы официального сайта Мирового банка. <http://worldbank.org>.
6. Материалы официального сайта Продовольственной сельскохозяйственной организации ООН. <http://www.fao.org>
7. Материалы официального сайта Центра международной торговли. <http://www.intracen.org>.
8. Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития / под ред. А. С. Шейнгауза. Хабаровск: ДВО РАН, 2005.
9. Шейнгауз А. С. Новый феномен восточноазиатской экономики — китайский лесной комплекс (обзор состояния и перспектив) // *Пространственная экономика*. 2006. № 4; 2007. № 1.
10. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / под ред. П. А. Минакира. Хабаровск: РИОТИП, 2007.
11. APEC Energy Demand and Supply Outlook 2006. Projections to 2030 Economy Review. 2006.
12. APEC Energy Overview: 2008. APEC Secretariat, 2009.
13. BP Statistical Review of World Energy, June 2009. <http://www.bp.com/statisticalreview>.
14. Contribution of the forestry sector to national economies, 1990—2006. Rome: FAO, 2008.
15. Delgado C., Wada N., Rosegrant M., Meijer S., Ahmed M. Fish to 2020: supply and demand in changing global markets. International Food Policy Research Institute. Washington, DC, 2003.
16. Fishery and Aquaculture Statistics: 2006. Rome: FAO, 2008.
17. Global forest resources assessment 2010, country reports. China. Rome: FAO, 2005.

18. In-Depth Country Study in the Republic of Korea — Status, Trends and Prospects to 2010. Rome: FAO, 1997.
19. Japan — In-Depth Country Study. Rome: FAO, 1998.
20. Key Indicators for Asia and the Pacific 2009. Asian Development Bank (ADB), 2009.
21. *Kun Zh., Wenming Lu, Hashiramoto O.* Demand and Supply of Wood Products in China. Rome: FAO, 2007.
22. *Northway S., Bull G. Q., Shvidenko A., Bailey L.* Forest Products Trade between Russia & China Synthesis Report: Potential Production, Processing, Consumption and Trade Scenarios. Forest Trends, 2009.
23. State of the World's Forests 2007. Rome: FAO, 2007.
24. State of the World's Forests 2009. Rome: FAO, 2009.
25. *Subasinghe. R. P.* Use of fishery resources as feed inputs for aquaculture development: trends and policy implications. FAO Fisheries Circular No. 1018. Rome, 2006.
26. *Sun X., Cheng N., Canby K.* China's Forest Product Exports: An Overview of Trends by Segment and Destinations. Forest Trends, 2005.
27. *Sun X., Wang L., Gu Z.* A Brief Overview of China's Timber Market System. Forest Trends, 2005.
28. The State of World Fisheries and Aquaculture: 2006. Rome: FAO, 2006.
29. The State of World Fisheries and Aquaculture: 2008. Rome: FAO, 2008.
30. *White A., Sun X., Canby K., Xu J., Barr Ch., Katsigris E., Bull G., Cossalter Ch., Nilsson S.* China and the Global Market for Forest Products: Transforming Trade to Benefit Forests and Livelihoods. Forest Trends, 2006.

УДК 338

Питер Дикен, Ангерс Мальмберг

ФИРМЫ И ТЕРРИТОРИИ: РЕЛЯТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

Рассмотрена система отношений между такими объектами, как «фирмы», «отраслевые системы» и «территории». Продемонстрированы возможности междисциплинарного синтеза при изучении данной проблемной области.

Фирмы, территория, отрасли, регионы, кластеры, экономическое развитие.

Большое число исследований в области экономической географии связано с изучением вопросов о роли пространства и места в оконтуривании трансформации систем экономической деятельности и о воздействии таких трансформаций на более широкие процессы территориального развития в локальном, региональном, национальном и глобальном масштабах. Однако такие исследования, как правило, являются фрагментарными, сосредоточенными или на определенной системе деятельности, или на определенной территории, а не на отношениях между ними. Чрезвычайно трудно одновременно осмыслить системы экономической деятельности и территориально ограниченные экономические системы (*territorially defined economies*).

Отправной точкой для анализа системы экономической деятельности может быть *отдельная деловая организация (фирма)*, которая может быть как

© Dicken Peter, Malmberg Anders, 2010

Dicken Peter, Malmberg Anders. Firms in Territories: A Relational Perspective // Economic Geography. 2001. Vol. 77. Issue 4. Pp. 345—363.

Идея написания данной статьи зародилась благодаря ряду дискуссий, состоявшихся весной 1999 г., когда оба автора были членами Шведской коллегии современных исследований в сфере общественных наук (SCASSS) в Упсале. Мы хотели бы поблагодарить руководителей SCASSS, а также наших коллег за создание такой интеллектуально стимулирующей обстановки. Помимо ценных комментариев рецензентов мы получили конструктивные предложения от Доминика Пауэра, Бьёрна Асхейма и Майкла Тэйлора.

небольшим семейным бизнесом, так и гигантской транснациональной корпорацией (ТНК), имеющей множество бизнесов в различных частях света. В качестве альтернативы отправной точкой может быть некая система подобных и связанных фирм, такая как отрасль, производственная цепь (*the production chain*)¹ или кластер. В этом случае территория может быть описана через географическое расстояние, пространственное распределение локационных факторов или посредством территориального окружения (*territorial milieu*). Фирмы могут быть глубоко укоренены в одном специфическом месте или же быть более или менее мобильны, а системы фирм могут быть сконцентрированы (то есть совместно располагаться в пределах одной строго очерченной географической области) или быть рассеяны по всему миру.

С другой стороны, в анализе *территориальной экономики* (*territorial economy*) отправным пунктом является некоторый ограниченный сегмент географического пространства, так что территориальная экономика включает всю происходящую в пределах ее географических границ экономическую деятельность. Такие территориальные экономики могут базироваться на нескольких очень больших экономических видах деятельности или на большом количестве маленьких. Экономическая деятельность на территории может предполагать наличие сильно взаимосвязанных фирм, известных как локализованный кластер (*localized cluster*), или осуществляться фирмами, действующими в ряде несвязанных сегментов экономики. Кроме того, фирмы на территории могут быть «автономными» (*inward-looking*) в том смысле, что они получают значительную долю своих ресурсов из данного региона и/или имеют рынок сбыта для своих товаров или услуг в пределах этой же самой территории. Тем не менее фирмы, как правило, связаны в большей или меньшей степени с внешним миром, с большинством своих поставщиков и клиентов, расположенных в других местах². Наконец, фирмы на определенной территории могут быть локальными (в значительной степени принадлежать местным собственникам), либо же они могут быть нелокальными (*nonlocal*) в том смысле, что они принадлежат большим деловым организациям, чей «родной дом» располагается не здесь. Последние могут действовать на большом количестве различных территорий, как крайний вариант — по всему свету. Поэтому для любой конкретной территории характерна своя экология фирм (*firm ecology*)³.

¹ В данном случае — взаимосвязь фирм в рамках последовательности этапов производства конкретного продукта. — *Примеч. пер.*

² Конечно, степень замкнутости (*the degree of inwardness*), как правило, положительно коррелирует с размером (экономическим) территории: чем больше территориальная экономика, тем более «самостоятельной» она стремится быть.

³ Авторами достаточно широко заимствуется терминология теории организаций (в частности, так называемой популяционной экологии, или экологии популяций (*population ecology*), а также экономической социологии. — *Примеч. пер.*

В этой статье мы обращаемся к проблеме взаимосвязи между экономической деятельностью и территорией через исследование одного аспекта: обоюдного значимых отношений между фирмами и территориями, или связь «фирма — территория» (*the firm-territory nexus*).

ОСМЫСЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ «ФИРМА — ТЕРРИТОРИЯ»

Хотя отношения «фирма — территория» — давний объект исследований в экономической географии, они, используя терминологию Маркузен [47], представляют собой «нечеткое понятие». Такие отношения нуждаются в более ясной артикуляции и понимании. В свое время в разных академических и политических кругах произошел всплеск интереса к региону как центру экономической деятельности и как ключевому компоненту национальной экономической конкурентоспособности. В настоящее время существует обширная литература по региональной экономике (и новая, и старая), но в ней мало внимания уделяется природе таких отношений. Есть, конечно, исследования, которые сосредотачиваются, например, на малых фирмах как ключевых игроках в региональных экономиках (обычно отмечается их положительное влияние) или на роли дочерних предприятий мультилокальных фирм¹, как отечественных, так и иностранных особенно (как правило, отмечается их отрицательное влияние). Но большая часть этой литературы скорее просто переформулирует довольно избитые общепринятые положения, так что отношения между фирмами и территориями плохо осмыслены.

Поэтому остается потребность в более глубоком понимании того, как организуются и реорганизуются фирмы; как формируются и реформируются внутренние и внешние структуры власти; как разрабатываются и осуществляются бизнес-стратегии, обуславливающие динамику систем более высокого уровня — отраслевых систем, частью которых являются фирмы; насколько все перечисленное «территориально». Это предполагает рассмотрение фирм не только как юридических лиц и владельцев собственных активов (и материальных, и нематериальных), но также и как институтов с проницаемыми и чрезвычайно стертными границами — другими словами, осмысление их как «сетей внутри сетей» или «систем внутри систем». Нам также необходимо более ясно понимать, что собой представляет «территория», термин, которому мы (наряду со Стоппером и Уокером [66, с. 182]) отдаем предпочтение перед «регионом» просто потому, что это позволяет нам придерживаться подхода, не ограниченного субнациональным масштабом. В этом смысле наш подход

¹ Подобные фирмы можно рассматривать как частный случай многозаводских (мультидивизиональных) фирм, подразделения которых распределены в географическом пространстве. — *Примеч. пер.*

согласуется с подходом Амина [2], который рассматривал территории с точки зрения многоуровневых взаимосвязей.

В то же самое время нам нужно понимать *особенности определенных территорий*. Часть связи отношений между фирмами, действующих в рамках определенной территории, и этой самой территорией — это специфические способы, которыми особенности фирмы (со всеми ее характеристиками и «историями») переплетены с особенностями этой территории (со всеми ее характеристиками и историей). Однако фокусирование на связи «фирма — территория» в чистом виде допускает реальную опасность деконтекстуализации (*decontextualizing*) как фирмы, так и территории, т. е. рассмотрение их как объектов, отделенных от структур более высокого уровня, частью которых они являются. Такое разделение в действительности является одной из главных причин неправильных представлений. На рисунке 1 мы попытались отразить (в самых общих чертах) главные характеристики этого очень сложного набора отношений.

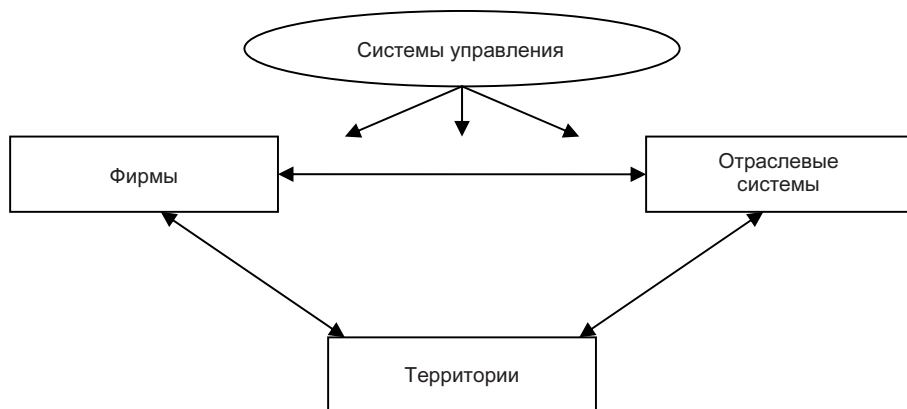

Рис. 1. Связь «фирма — территория»: схематическая модель

В этой схеме в центре нашего анализа находится связь трех главных объектов (фирм, отраслевых систем и территорий), встроенная, в свою очередь, в покрывающий все макрообъект — системы управления. Институты и процессы *управления* (наборы институтов, правил и соглашений, которые формируют регуляторный контекст отраслевых систем, фирм и территорий) проникают во все аспекты связи «фирма — территория»¹. Такие элементы управления действуют в различных географических масштабах. Националь-

¹ Эта «система», конечно, больше чем просто экономическая. Несомненно, одна из главных особенностей настоящего исследования — это акцент на неотъемлемой социокультурной природе экономического [72].

ный уровень считается (так было, по крайней мере, в прошлом) самым высшим, хотя системы управления обнаруживаются на различных уровнях, и выше, и ниже национального. Они также присутствуют на различных организационных уровнях, существующих в конкретной фирме. Виды систем управления, которые воздействуют и на фирмы, и на территории, различаются по их институциональной форме, специфической функции и географическому охвату (*geographic span*). Системы управления фирмами и территориями могут быть общими для всей экономики или специфическими для отдельных сегментов этой системы (например, отдельных отраслей).

Статья структурирована следующим образом. Во-первых, мы обсудим понятие отраслевых систем: особой комбинации процессов и институтов в определенном сегменте схожих и взаимосвязанных видов экономической деятельности. Отраслевые системы, в которые встроены все фирмы, существенно влияют на поведение фирм (*firm behavior*) и, в более широком плане, на связь «фирма — территория». Взаимосвязанная природа структур и динамики отраслевых систем — по существу, их сетевая форма — гарантирует, что фирма не может быть просто изображена как «островок скоординированности в море рыночных отношений»¹. Во-вторых, мы исследуем способы, которыми фирмы обособляются в рамках отраслевых систем, являясь при этом первичными агентами последних. При этом мы подчеркиваем, что фирмы должны рассматриваться как «сети внутри сетей», а не как иерархии, имеющие четкие границы, отделяющие их от остального мира. Наконец, мы рассмотрим способ, которым фирмы и отраслевые системы взаимосвязаны с территориальными процессами.

ПРИРОДА И ДИНАМИКА ОТРАСЛЕВЫХ СИСТЕМ

Фирмы, взаимодействующие друг с другом, можно сказать, формируют отраслевые системы, как и фирмы, действующие в пределах одной и той же более широкой деловой среды. В принципе, существуют две возможные отправные точки для идентификации отраслевых систем. Можно начать либо с *контактной сети* (*the contact network*), посредством которой взаимодействуют фирмы (т. е. фирмы, взаимодействующие различными способами, формируют систему), либо с *арены* (т. е. фирмы работают в пределах одного и того же рынка, который формирует регуляторную или институциональную среду системы). Системный подход к динамике отраслей, таким образом, подразумевает акцентирование внимания как на взаимодействиях и отношениях между фирмами, так и на отношениях между фирмами и их более

¹ Коуз [13] использовал метафору «острова» в своей знаменитой работе о природе фирмы.

широким социальным окружением. Тип систем, основанный на отношениях (*the relational type*), иногда называется функциональным, в то время как основанный на арене (*the arena-based type*) — территориальным. Далее мы разъясним (что важно для нашего понимания связи «фирма — территория»), как эти два аспекта «системности» связаны — и почему должны быть связаны — друг с другом.

Существует большое количество «системных понятий», которые, с одной стороны, дополняют, а с другой — конкурируют друг с другом. Межфирменные связи функциональных систем могут быть разных типов: сделки (связывающие клиентов и поставщиков); конкуренция (связывающая фирмы, работающие на одном и том же продуктовом или факторном рынке); технологическое сотрудничество (связывающее фирмы, принимающие участие в совместных научно-исследовательских проектах или стратегических альянсах); перетоки знаний (связывающие фирмы потоками знаний, с учетом желаний вовлеченных сторон или без него). «Основанные на арене» (территориальные) системы, с другой стороны, существуют благодаря: географической близости (связывающей соседние фирмы, которые будут почти автоматически следить друг за другом и, вероятно, взаимодействовать, помимо прочего, на местном рынке труда и в отношениях с местными властями); общей регуляторной и институциональной структуре (связывающей фирмы, работающие в одной и той же местной среде, так как они, скорее всего, будут в одинаковой мере подвержены влиянию системы формальных и неформальных правил, включая установки и «деловой климат»).

Столкнувшись с богатством и разнообразием системных понятий, сделаем два замечания. Во-первых, существующие понятия или модели различаются способом, которым они встраивают пространственное или территориальное измерение в определение системы и в анализ ее работы. Некоторые понятия (такие как отраслевые сети [30], товарные цепи¹ [25] или отраслевые кластеры [55]) относятся скорее к функциональному типу. Это означает, что подобные системы описываются различными типами явных отношений — деловыми транзакциями, сотрудничеством и конкуренцией — между акторами/фирмами, которые составляют системы. В пределах широкой категории функциональных систем отдельные подходы варьируются по степени, в которой они делают акцент на пространственном измерении этих отношений. В целом, однако, они относительно слабо учитывают роль пространства и территории. С другой стороны, подходы, имеющие в качестве от-

---

¹ *Commodity chain* — продуктовая или товаропроводящая цепь, т. е. сеть функционально интегрированных видов деятельности по производству и продаже определенного вида товаров, объединяющая все звенья цепочки: от обработки сырья, через промежуточные стадии производственного цикла, до появления товара на рынке. — *Примеч. пер.*

правной точки территориально ограниченные системы (такие как промышленные агломерации [42], промышленные округа [6], инновационные среды [41], национальные инновационные системы [40] или обучающиеся регионы [3]), более тщательно прорабатывают пространственные аспекты системы, даже если иногда они недостаточно точно определяют ее территориальный масштаб.

Наше второе замечание состоит в том, что различные «системные» подходы отличаются по степени, в которой они отражают комплексность организации производства и логику обучения и инноваций. Некоторые подходы явно стремятся показать то, что Шумпетер назвал «циклическим потоком экономической жизни», поскольку она бежит «по тем же самым каналам из года в год» [60]. Эти подходы фокусируются на разных способах разделения труда между фирмами в различных отраслях промышленности, организации производственных цепей и управления отношениями между торговыми партнерами. Другие подходы меньше фокусируются материальными и ориентированными на производство аспектами экономической жизни, а больше — на том, как происходят инновации и разворачиваются процессы обучения. Конечно, эти два типа систем — производственный и инновационный — в реальности переплетаются, поскольку обучение и инновации происходят в результате взаимодействий, сгенерированных потребностями «циклического потока» производственных систем.

Производственные системы

Понятие «отрасль», является, вероятно, более общим; однако по сравнению с обширными рассуждениями о сущности фирмы данному понятию было уделено значительно меньше внимания (известными исключениями являются работы [66] и [75]). Отрасль обычно определяется на основе сходства в технологии производства, характеристиках продукта, характере услуги или благодаря комбинации признаков (более подробно см. [75] или [50]). Отношения между фирмами в отрасли горизонтальны: они производят схожую продукцию и связаны между собой главным образом посредством конкуренции. Такие горизонтальные отношения могут принимать разнообразные формы: прямая враждебная конкуренция в области цены и/или качества, более или менее формализованные соглашения о проведении совместных разработок, временный сговор. Общепринятое определение отрасли основывается на существовании конкуренции на товарных рынках.

Большинство подходов к определению систем, однако, акцентирует наличие вертикальных взаимосвязей. Поэтому другой вариант рассмотрения системной природы производства — посредством понятия «цепь» (также

используемое в различных сочетаниях — цепочка ценности, цепь производства, товарная цепь или *filière* (канал); см.: [16], [57]). Игнорируя достаточно тонкие различия между терминами, вертикальное измерение отраслевой системы может быть представлено как последовательность действий или функций, которые объединены для производства конкретной продукции (т. е. продукта, услуги или их некой комбинации). В экономическом анализе существует давняя традиция описания структуры производства с точки зрения функционального разделения труда, проведенного с учетом сети связей по схеме «вход — выход» [61]. Отдельные функции, выполняемые в такой системе — логистика, производственные операции, научные исследования, маркетинг и продажи, послепродажное обслуживание — таким образом дополняют друг друга и координируются либо посредством механизма рыночных трансакций, внутрифирменного планирования и процедур контроля, либо посредством своего рода сетевого соглашения (*network arrangement*).

Наиболее полно проработанная версия такой системы — глобальная товарная цепь Джереффи [25—28]¹. Джереффи всецело сконцентрировался на структуре управления такими цепями, утверждая, что особенности координации международных производственных систем позволяют выделить два основных типа цепей: *контролируемые производителем (producer-driven)* и *контролируемые покупателем (buyer-driven)*². Как и Джереффи, Сторпер и Харрисон [65] также сосредотачиваются на управленческом аспекте производственных систем. По их мнению, «реальная производственная система — это производная от системы «вход — выход» в контексте структуры управления», где структуры управления соответствуют уровню иерархии и характеру лидерства (или их противоположности, сотрудничеству и кооперации) в координировании системы «вход — выход» [65, с. 412].

Иновационные системы

Системные понятия, которые сфокусированы на инновациях и обучении, в самой минимальной степени (если таковая вообще есть) связаны с существующей организацией производства. Вместо этого они преимущественно или исключительно отражают способ, которым разные навыки и компетенции комбинируются посредством различных взаимодействий для

¹ Критическую оценку см. в публикациях [20; 57].

² Джереффи отмечает, что контролируемые производителем цепи характерны для отраслей производства, в которых доминируют большие ТНК (например, в области производства автомобилей, компьютеров, самолетов, электрооборудования), тогда как контролируемые покупателем цепи обычны для отраслей, находящихся во власти крупных розничных торговцев, продавцов брендовой продукции (*brand-name merchandisers*) и торговых компаний (например, в сфере одежды, обуви, игрушек, предметов домашнего обихода).

производства нового знания и инноваций. Последние часто описываются в терминологии Шумпетера как введение новых товаров, новых методов производства, открытие новых рынков, открытие новых источников ресурсов и создание новых организационных систем.

По определению Элиассона [23], при *объединении компетенций* (*competence bloc*) инновации происходят, когда различные компетенции примиряются в рамках системы, состоящей из различных типов акторов, включая компетентных *клиентов*, требующих новых и сложных решений, *инноваторов*, создающих такие решения, *предпринимателей*, распознающих инновации и создающих на их основе соответствующие бизнесы, венчурных *капиталистов*, поставляющих финансовые ресурсы инноваторам и предпринимателям, и *промышленников*, производящих и продающих новый продукт/услугу/метод в больших масштабах. Согласно Перру [54], подобная шумпетерианская деятельность происходит в *pôles de croissance* (полосах роста), которые он рассматривал как группы взаимосвязанных видов деятельности в негеографическом (то есть экономическом) топологическом пространстве [39]¹. По Портеру [55], инновации происходят в рамках модели *отраслевых кластеров* (*the framework of industry clusters*). Последние состоят из производителей сырьевых товаров (*primary goods*), поставщиков (специализированных ресурсов, оборудования и соответствующих услуг), клиентов и поддерживающих отраслей. Механизмы, обеспечивающие динамику и инновации в таких кластерах, отображаются в часто упоминаемой модели бриллианта (*diamond model*) Портера и частично пересекаются с теми, которые были идентифицированы Элиассоном и Перру. Например, в модели Портера наличие искушенных клиентов также играет ключевую роль. Другими важными факторами являются компетентные поставщики, соответствующие факторы производства и конкуренция между кластерообразующими фирмами.

В результате мы пришли к выводу, что для осмысления связи «фирма — территория» важным первым шагом является рассмотрение фирм как частей отраслевых систем. Для удобства анализа такие системы определены как функциональные, а не территориальные, хотя, конечно, все системы являются одновременно и функциональными, и территориальными. Фокусирование внимания на системах, в известном смысле, приводит к недооценке значения и роли фирм (аналогичным образом в социологических исследо-

¹ Авторам, по всей видимости, была незнакома более поздняя работа Х. Р. Ласуэна, в которой он рассмотрел проблемы группировки взаимосвязанных видов деятельности как в экономическом (образование отраслевых кластеров), так и в географическом пространстве (географические кластеры) (подробнее см.: Ласуэн Х. Р. Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами // *Пространственная экономика*. 2009. № 4. 2010. № 1). — *Примеч. пер.*

ваниях динамики социальных групп и сетей недооцениваются физические и умственные характеристики отдельных людей). Системный подход вынуждает нас сконцентрироваться на *структурах* макро- или мезоуровня. Однако первичным *агентом* отраслевых систем является фирма, «тигель, в котором сплавляются макро- и микросилы» [70, с. 8]. Мы не можем понять поведения фирм без четкого понимания их места в структуре отрасли, точно так же как мы не можем полностью понять работу отраслевых систем без понимания фирм.

ФИРМЫ ВНУТРИ ОТРАСЛЕВЫХ СИСТЕМ: ФИРМЫ КАК СЕТИ ВНУТРИ СЕТЕЙ

Деловые фирмы являются первичными агентами и в то же самое время, как говорилось выше, они обособлены в рамках той или иной отраслевой системы. Рассмотрев системную среду, в которой действуют фирмы, мы теперь сфокусируемся на фирме как таковой. В литературе существует такое множество определений «фирмы», что, согласно Тэйлору [71], нет никакого общепринятого определения. В контексте настоящей статьи нет необходимости обсуждать альтернативные теоретические представления о фирме (свежий обзор см. в [49]). Однако то, что нам действительно необходимо, — это модель, которая определяет границы фирм, основную причину деятельности фирм и их организацию. Поэтому для наших целей достаточным будет определение, данное Уитли [76, с. 65—66]: «Значимость фирм в капиталистических экономических системах определяются тем, что в них комбинируется *финансовый контроль за ресурсами и занятость* (курсив наш). Будучи основанными на правах собственности единицами принятия решений и контроля (*ownership-based units of decision-making and control*), они явно являются центральными коллективными акторами в мобилизации, распределении и использовании активов, особенно человеческого труда».

Границы фирм

Фактически все представления о фирме предполагают, что фирмы — это четко ограниченные институты (*clearly bounded institutions*): где заканчивается «территория» одной фирмы и начинается «территория» других, что находится «в» фирме, а что «снаружи» — это вопросы, ответ на которые, по существу, уже известен. Но здесь есть две серьезные проблемы. Первая связана с пределами (*the extent*), в которых изменяются границы фирм. Существуют многочисленные эмпирические свидетельства того, что благодаря большому разнообразию процессов граница между функциями, осуществляемыми в фирме («дома» — *in-house*), и функциями, которые переданы другим фир-

мам («на стороне» — «*out-sourced*»), находится в состоянии непрерывного изменения, особенно в крупных фирмах. Это подтверждается как сложной реконfigurацией организационных границ (включая быстрое увеличение различных форм межфирменного сотрудничества), так и продолжающимся расширением географических границ, особенно в транснациональных фирмах. Хотя ведутся дискуссии о пределах расширений фирменных границ, ответ на данный вопрос может быть получен исключительно эмпирическим путем.

Вторая и более фундаментальная проблема: есть ли вообще у фирм границы? С точки зрения юридического определения фирмы, которое задает локус корпоративной ответственности (*the locus of corporate responsibility*), ответом, очевидно, является «да». Как справедливо отмечает Маркузен [47, с. 878], границы фирмы, в конечном счете, «ничуть не размыты — они отражаются в отчетах об активах, издержках и доходах, которые владельцы и менеджеры, как частных, так и общественных организаций, тщательно исследуют каждый квартал... Как организации и институты фирмы четко ограничены»¹. Однако в более широком смысле ответ на вопрос о границах не так однозначен. Бадаракко [4], один из немногих авторов, которые рассматривали этот вопрос более широко, отвечает на него так: «Одного-единственного ответа не существует. Нации, государства и задние дворики имеют границы, кожа в большей или меньшей мере является границей тела, но никто никогда не увидит, не прикоснется или не перешагнет через границы фирмы. Фраза «границы фирмы»... просто выражает здравую мысль, что правительственные органы, конкуренция и рынки так или иначе находятся «вне» фирмы, в то время как менеджеры, служащие, оборудование и инвентарь — более или менее «внутри» нее» [4, с. 293].

Вместо того, чтобы представлять фирму как имеющую четко определенные границы или, наоборот, не имеющую границ вообще, Бадаракко [4, с. 314] рисует ее как «плотную сеть в центре паутины взаимоотношений». Эти отношения определяются «правами собственности, иерархическим контролем, централизацией власти, осмотрительностью менеджеров, социальными связями членов фирмы, лояльностью, разделяемой целью и формальными, юридическими договоренностями». Ядро фирмы (*the central domain of the firm*) незаметно переходит в окружающую ее среду по мере того, как права собственности, иерархия, контроль, власть, социальные связи, система контрактов и другие определяющие границу факторы теряют свою значимость или «делятся» с другими организациями. В конечном счете «постепенное

¹ Ссылка Маркузен на ежеквартальное исследование финансовых показателей деятельности фирм отражает преимущественно англо-американскую точку зрения. Подобная практика не обязательно присутствует в других социокультурных контекстах.

ослабление этих отношений достигает точки, в которой фирма не имеет ни власти, ни влияния. Здесь действительно начинается внешняя среда фирмы» [4, с. 314].

Рациональность и порядок

Другая характерная черта многих представлений о фирме состоит в том, что фирма рассматривается как «упорядоченный, автономный и, в конечном счете, рациональный экономический субъект, который работает согласно общепринятой логике и проявляет предсказуемую динамику» [53, с. 12]. Преобладающая точка зрения все еще отражает социализированное (*undersocialized*) представление о фирме. В частности, в рамках такого представления приуменьшается конфликтная природа процессов принятия решений в фирмах, а их (само-)репрезентация принимается как стратегии, планируемые и осуществляемые посредством логически структурированных организационных форм. Однако в реальном мире фирмы очень далеки от такого образа. Например, Шонбергер [58, с. 113] демонстрирует, что корпорации не обязательно «действуют в своих собственных интересах, даже когда у них есть правильная информация о том, что можно сделать». Она связывает такое «девиантное» поведение со спецификой корпоративной культуры. В подобном же русле Трифт и Олдз [72, с. 319—320] указывают на необходимость пересмотреть указанную точку зрения на деловые организации и признать то, что они называют «дезорганизацией организации» (*the disorganization of organization*). Они подчеркивают в высшей степени практический и «случайный» (*ad hoc*) характер большинства организаций, рассматривая их как импровизированные, экспериментальные и временные образования, всегда находящиеся в действии, «в движении». Таким образом, «организации существуют в каждый конкретный момент времени благодаря акторам, которые часто применяют неформальные решения для достижения формальных целей» [72, с. 319—320].

Управление и власть: борьба за стратегию и организацию

Даже в типичной иерархической деловой организации, в которой система управления является главным образом нисходящей, ни одна составная часть не работает просто как пассивный реципиент решений, спущенных сверху. Напротив, внутрифирменные отношения в пределах всех фирм — это весьма конфликтные процессы, являющиеся проявлением внутренних систем управления, структур формальной и неформальной власти и переговорных отношений, и они оказывают определяющее воздействие на национальные, региональные и локальные экономики [31]. Как отмечают Коусон и его коллеги, «фирмы — это самостоятельные системы власти, состоящие из групп

(например, инженеров, менеджеров, рабочих, конструкторов), оспаривающих власть друг друга... в которых различные группы интересов пытаются реализовать свои собственные... стратегии» [12, с. 8, 27]¹.

Такое представление о фирмах (далекое от «стандартных» моделей деловых организаций) имеет значение для нашего понимания отношений «фирма — территория» [22]. С этой точки зрения мы исследуем изменчивую природу *организационной архитектуры* фирм, пока не рассматривая их отношений с территорией. Наше основное положение: фирмы — это, по существу, *сети внутри сетей*. В дополнение к тому, что, как утверждают многие авторы, сети — это внешние структуры, в которые встроена фирма, мы утверждаем, что фирмы — это *самостоятельные сети (themselves networks)*, формируемые и организуемые в специфических формах властной структуры и управления [20]. Таким образом, мы отказываемся от понятия сети как новой, особой организационной формы, находящейся между иерархиями и рынками, что является характерным для современной литературы (см., напр.: [56]). Более значимой является проблема выявления специфических для сетей процессов и структур. С этой точки зрения мы можем представить производственные системы (и территории) как спектр организационных форм и систем управления, от «временной коалиции» [71] до централизованной, иерархической корпорации.

Изменение организационной архитектуры?

Литература о деловых организациях переполнена дискуссиями о развитии организационных структур. Она является богатым источником материала для понимания изменяющейся организационной архитектуры фирм и поэтому может быть использована нами в рассмотрении отношений «фирма — территория». Общей нитью, проходящей через большую часть этой литературы, является утверждение о том, что традиционная иерархическая форма с нисходящим контролем замещается более плоской архитектурой, в которой отношения между составными элементами организации основаны на взаимозависимости (реципрокности), а не властном воздействии. По такому сценарию иерархии заменяются *гетерархиями (heterarchies)* [33] или даже, как доказывают некоторые, *виртуальными организациями (virtual*

¹ В исследовании Дикена и Миямати [21] о японских *sogo shosha* в Европе содержатся некоторые доказательства такой внутренней конкуренции и разногласий между формальными организационными структурами, представленными в организационных схемах фирм, что отражает реальность фактических процессов принятия решений. Позже О'Нэйл и Гибсон-Грэм [53] продемонстрировали, что кажущиеся на первый взгляд логичными и рациональными решения относительно реструктуризации главной австралийской транснациональной корпорации (ВНР) на самом деле не были такими. Скорее они были результатом чрезвычайно фрагментированных, часто противоречивых и, конечно же, конфликтных обсуждений и логик, олицетворяемых ключевыми акторами в фирме.

organizations). Но, безотносительно своей точной формы, будь-то иерархически организованная или более гибкая сетевая фирма (определяемая в самом широком смысле посредством включения всего набора ее транзакций) должна иметь *механизмы координации деятельности*.

Майлз и его соавторы [52] предлагают интересную точку зрения на возможную эволюцию доминирующих организационных форм, прослеживая путь от иерархии через сеть к сетевой, «клеточной» форме (*the cellular form*). Основными характеристиками такого движения являются изменения в ключевом активе фирм (от традиционных средств производства (*capital goods*) через информацию к знаниям) и в ключевой способности фирм (от специализации и сегментации через гибкость и чувствительность (*responsiveness*) к дизайнерской креативности (*design creativity*). На их взгляд, «новой организационной формой для новой экономической эры» [52, p.162] будет сетевая организация. Хотя это может быть именно тот путь, которым фирмы должны — или действительно будут — развиваться, было бы ошибкой экстраполировать его на весь мир. Бартлетт и Гошал [5] сделали подобные прогнозы относительно организационной трансформации к более интегрированным сетевым формам в рамках транснациональных корпораций. Они утверждают, что неадекватность существующих организационных архитектур потребностям фирм, действующих в больших географических масштабах, неизбежно приведет к принятию того, что они называют (достаточно неопределенно) «транснациональным решением». Для нас, однако, ценность работы Бартлетта и Гошала заключается скорее не в ее предписывающем/прогнозирующем элементе, а в основанной на эмпирике идентификации многообразия организационных архитектур [19]¹.

Действительно, более важным является не возможное появление в некоторый момент будущего специфической организационной формы, а разнообразие организационных форм, существующих в настоящем. Фирмы, организованные на иерархических принципах, не только продолжают существовать — они даже могут преобладать. Существуют эмпирические доказательства того, что новейшие организационные формы ограничиваются небольшим числом инновационных фирм в некоторых секторах. В «организационном» смысле существующий мир невероятно беспорядочен. Существуют фирмы всех моделей, размеров и форм управления. Их внутренняя архитектура отражает не только внешние ограничения и возможности, которыми они должны руководствоваться в своем бизнесе, но и в значительной мере зависимость от предшествующего развития (*path dependency*). Такая зависимость состоит из двух главных компонентов. Первый Хинэн и

¹ Харзинг [32] провел эмпирическую проверку организационной типологии Бартлетта и Гошала, используя данные по 166 филиалам 37 компаний, базирующихся в 9 странах.

Перлмуттер [34] назвали стратегической диспозицией (*strategic disposition*) фирмы, являющейся культурным и административным наследием принятых практик, созданных на протяжении истории существования фирмы. «Это административное наследие представляет собой как главный актив, так и сильное препятствие для процесса изменений» [5, с. 35], как это ярко проиллюстрировала Шонбергер [58]. Второй компонент — это *географическая укорененность* (*geographic embeddedness*) фирмы, к которой мы обратимся в следующем разделе статьи.

«Беспорядок» фирменных архитектур обусловлен изменчивостью (волатильностью) внешних сетей фирм, в первую очередь благодаря распространению совместных предприятий и продолжающимся слияниям и поглощениям компаний¹. Обе эти тенденции воздействуют на организационные структуры фирм, хотя и очень сложными путями. Совместные предприятия, сами по себе очень разнообразные, создают организационное давление на фирмы, потому что они являются гибридами и не полностью интернализированы. Учредители таких предприятий сохраняют свою самостоятельность и во многих случаях продолжают отчаянно конкурировать друг с другом. Слияния и поглощения компаний, с другой стороны, предполагают интернализацию прежде независимых организаций (с их собственными зависимостями от предшествующего развития) в единую организацию. Неудивительно поэтому, как показывают эмпирические данные, что создание новой структуры, включающей прежде отдельные структуры, чревато трудностями и часто неудачно. Процесс инкорпорирования (посредством как внешних совместных предприятий, так и слияний и поглощений) в организационную архитектуру фирмы делается еще более трудным, когда его участники имеют различную культуру. Однако одной из наиболее примечательных особенностей современного экономического пейзажа является то, что слияния и сотрудничество продолжают распространяться во внутринациональном и международном масштабах.

ФИРМЫ, СИСТЕМЫ И ТЕРРИТОРИИ

Традиционный взгляд на территорию рассматривает ее как ограниченную часть пространства, «занятого человеком, группой, локальной экономикой или государством... Иногда территория используется в качестве эквивалента таких пространственных понятий, как место или регион, предполагая группировку или концентрацию людей или видов деятельности»

¹ Увеличивающееся число слияний и поглощений компаний нарушает национальные границы благодаря процессу транснационализации. По оценке ООН, стоимость законченных международных сделок (в которых были задействованы более чем 10-процентные доли акций) увеличилась с менее чем 100 млрд долл. в 1987 г. до 720 млрд долл. в 1999 г. [74].

[1, с. 824]. Поэтому территории одного уровня могут быть расценены как «контейнеры» наборов физических, социальных, культурных, политических и экономических признаков. Согласно общепринятому здравому смыслу территории рассматриваются как ряд вложенных друг в друга географических масштабов, похожих на набор русских матрешек (см., напр.: [62]). Однако фактически они выстраиваются в *континууме масштабов* (*continuum of scales*), при этом каждый отдельный масштаб может быть случайным и социально обусловленным (*socially constructed*)¹. Конечно, определенные масштабы территорий имеют особое значение в специфических исторических ситуациях, самый очевидный пример — становление национальных государств. В последние годы, как отмечено во введении в эту статью, в центре внимания находится субнациональный или «региональный» масштаб. Развитое нами в предыдущем разделе статьи утверждение предполагает, что мы должны рассматривать динамику фирм скорее как проявление бесконечно-го разнообразия форм, а не в такой шаблонной манере, которая изображает ясную и однозначную траекторию развития в направлении доминирующей организационной формы. Это нужно учитывать при любой попытке понять, как фирмы воздействуют на территории. В то же самое время, территориальная дифференциация помогает объяснить разнообразие самих фирм.

Далее мы сконцентрируемся на трех специфических аспектах связи «фирма — территория»: фирма как сложная пространственная структура; локализованные кластеры фирм как территориальные системы; отношения управления между фирмами и территориями.

Фирмы как сложные пространственно-территориальные структуры

Фирмы, как и все другие формы социальной организации, по сути, *пространственны* и *территориальны*. Они являются пространственными в том смысле, что они чувствительны к географическому расстоянию и пространственным вариациям в необходимых ресурсах и деловых возможностях. Такая пространственность (*spatiality*) может иметь — и в действительности чаще всего имеет — территориальное проявление. Следовательно, фирмы являются настолько же территориальными, насколько и пространственными в том смысле, что «поверхность», на которой фирмы появились и на которую они воздействуют, обычно является мозаичной структурой территориальных образований, упорядоченных в континууме различных накладывающихся друг на друга масштабов. У самих фирм есть *территориальная протяженность* (*territorial extent*): некий ограниченный ареал, в котором они осуществляют свою деятельность (например, их рыночный ареал (*market area*), охватывае-

¹ Существует обширная литература по проблемам географического масштаба. См., в частности: [10; 11; 14; 37; 38; 48; 67].

мый ими ареал рынка рабочей силы (*labor catchment area*), их ареал поставок). Для осуществления одних функций фирмы территория может быть в высшей степени локализована (*intensely local*), для осуществления других она может быть глобальной. Такие «фирменные» территории, однако, обычно изменчивы во времени, пространственно прерывисты и нечетко ограничены. И действительно, конкурирующие фирмы глубоко проникают на территории друг друга очень сложными способами.

Что более значимо с точки зрения тематики настоящей статьи, фирмы являются территориальными потому, что в их характеристиках отражается специфика территорий и мест, а сами фирмы могут непосредственно влиять на характеристики территорий и мест. Мы исследовали первый из двух аспектов взаимоотношений «фирма — место/территория» в других работах [18; 19; 22], где привели аргументы, позволившие отбраковать сценарий о фирме, «лишенной места» (*«placeless» firm scenario*), столь популярный в академической литературе. Происхождение фирм (их родная страна, даже местность их происхождения), как представляется, существенно влияет на то, как фирмы ведут себя, используют и реагируют на территориальные изменения (включая разнообразные места, в которых работают транснациональные корпорации).

В литературе о деловых организациях присутствует наивная точка зрения на пространственный характер фирм и способы, которыми фирмы связаны с территорией. Преимущественно пространственность либо считают надуманной (и поэтому ее игнорируют), либо рассматривают упрощенно, дихотомически, с позиции разделения операций на «отечественные» и «иностраные» или взаимоотношений штаб-квартиры и дочерних компаний. «Локальное» измерение деятельности фирм редко (если вообще когда-нибудь) рассматривается [16], исследователи неизменно обращаются к национальному масштабу или даже к таким наднациональным «региональным» группировкам, как Европейский союз или Североамериканское соглашение о свободной торговле. Связи между организационной архитектурой фирм, обсуждавшихся ранее, и их географическими формами недостаточно концептуализированы. В этом смысле мы, как кажется, не очень далеко продвинулись в сравнении с упрощенной проекцией иерархической организационной структуры большой ТНК на географическое пространство, выполненной Хаймером [35] при создании теории международного разделения труда.

Мы постепенно начинаем понимать, что фактические взаимоотношения между различными частями фирм, расположенными в разных местах и занимающими различное положение в рамках организационной архитектуры фирмы, являются более сложными, и такая сложность обусловлена пространственностью и территориальностью фирм. Шонбергер [59] утверждает,

что в различных подразделениях («места») фирмы, выделенных организационно и географически, с течением времени развиваются специфические характеристики, способы работы и мышления, причиной чего является то, что они «живут в различных местах и должны противостоять и реагировать на специфику этих мест посредством целого набора методов и решений» [59, с. 211]. Она предполагает, что «в действительности большая фирма внутренне районирована, и важно то, что происходит в отдельных ее районах». Таким образом, доминирующая культура фирмы обязательно содержит в себе множество субкультур. Некоторые из них могут быть «связаны с определенными функциями и выходить за пределы определенных мест... но некоторые будут иметь реальные географические местоположения... В процессах исследования и трансформации интересно не только место соприкосновения «фирмы» (рассматриваемой как унитарный агент) с внешним миром (конкуренты, рынки, поставщики), но и происходящее внутри, поскольку конкурирующие субкультуры борются за признание» [59, с. 211].

Шонбергер сама представила некоторые эмпирические доказательства своего утверждения. Объем литературы по международному менеджменту, в которой внимание сосредотачивается на изменяющихся отношениях между различными частями фирм, особенно между штаб-квартирами и дочерними компаниями, в настоящее время растет (см., напр.: [7—9; 36; 68; 69]). Два взаимосвязанных вопроса в этой литературе особенно релевантны настоящему обсуждению отношений «фирма — территория»: природа внутренних властно-переговорных отношений между штаб-квартирой и дочерними подразделениями, а также между самими дочерними подразделениями, и процессы, посредством которых дочерние подразделения могут получить особую и значимую роль внутри фирмы. Большое внимание было сосредоточено на влиянии на эти два аспекта таких переменных, как размер дочерних подразделений, роль отдельных динамичных и сильных менеджеров и управленческих групп этих подразделений. Но растет объем доказательств, позволяющих предположить, что особенности *территориальной укорененности* (*territorial embeddedness*) подразделений исключительно важны для образования дочерних подразделений и их значимости в фирменных структурах.

Уровень компетенции дочерней компании определяет ее силу внутри корпоративной сети и влияет на ее силу в принятии стратегических и оперативных решений. Происхождение такой компетенции связано со специфическими для данного места или территории преимуществами, получаемыми благодаря неравномерному распределению между территориями материальных ресурсов, знаний и технологических или организационных возможностей. С этой точки зрения, компетенцию дочернего подразделения фирмы определяют (по крайней мере, частично) факторы среды, обуслов-

ленные спецификой того места, в котором располагается это подразделение. Компетенции корпоративного подразделения формируются в течение того времени, что фирма взаимодействует с окружающей ее средой. Результаты, полученные Биркиншоу [7], относительно того, как зарубежные дочерние подразделения получают права на производство продукции мировых брендов, косвенно подтверждают это.

Локализованные отраслевые кластеры как территориальные системы

Несмотря на предполагаемые гомогенизирующие эффекты глобализации, отдельные территории — государства, а также отдельные города или регионы внутри государств — продолжают демонстрировать существенные различия в уровне специализации, конкурентоспособности и отраслевой динамики (*industrial dynamics*). Успешные отрасли на территории часто сохраняют свою ведущую роль в течение длительных периодов времени, несмотря на попытки других отраслей скопировать их успех. Конкурентоспособности и, что более важно, инновационной способности явно присущ территориальный компонент [50].

Существуют различные причины этого. Хотя представители отдельных профессий действительно работают в рамках глобальных сетей (глобальных рынков), рынки труда преимущественно все еще остаются локальными; лишь немногие технологии распространились по всему земному шару, в то время как большинство других остается пространственно «липкими» (т. е. они держатся «в секрете» или сохраняются некими людьми) и поэтому относительно иммобильными [44; 46]. Сетевые взаимоотношения между покупателями и поставщиками, в рамках которых разрабатываются новые продукты и технологии, совершенствуются производственные потоки, традиционно более сильны, если они являются локальными, а не международными [29]. В пределах отдельно взятой территории люди говорят на одном языке и склонны доверять друг другу (хотя, конечно, «доверие» — весьма сложное и спорное понятие; см. [43]). Кроме того, локальные сети часто включают связи фирм с университетами, исследовательскими институтами и органами власти. Даже самые современные формы коммуникационных технологий уступают непосредственным контактам между людьми, когда дело доходит до построения доверительных отношений и передачи некодифицируемой информации. Путешествие же является как дорогостоящим, так и отнимающим много времени удовольствием [42].

Таким образом, чем более кодифицируемо используемое знание, тем легче оно может пересечь территориальные границы. Чем более знание «скрыто» (*tacit*), тем более оно привязано к локальной среде. Знания и компетенции, носителями которых являются люди или которые «витают в воздухе» — напри-

мер, в общепринятой практике организаций (или локальной среде), — часто не могут быть ни артикулированы, ни перемещены из одного места в другое.

Портер [55] утверждает, что определенные *территориальные* условия (*territorial circumstances*) детерминируют инновационную, а отсюда и конкурентную силу отдельно взятой отрасли. Все четыре детерминанты в «модели бриллианта» Портера связаны с существованием системы взаимозависимых фирм или отраслей, укорененных на определенной территории. Специализированные факторы производства рассматриваются как исторически сформировавшиеся благодаря взаимодействию между фирмами и институтами. Фирмы, нуждающиеся в продуктах с определенными характеристиками, создают специфический спрос, удовлетворение которого на местном рынке подразумевает сосуществование покупателей и продавцов на одной территории. Понятия «связанные и поддерживающие отрасли» и «межфирменное соперничество» предполагают присутствие на территории более чем одной фирмы, принадлежащей отдельно взятой отрасли. В подобном ключе Маскелл и Мальмберг [51] говорят о локализованных способностях (*localized capabilities*), относя к ним те ресурсы, инфраструктуру, институты и компетенции, которые делают определенные территории более подходящими для развития определенных типов экономической деятельности. Схожим образом Стоппер [64] утверждает, что *связанные с отношениями активы* (*relational assets*) территории или региона помогают определить и то, *где* мультилокальные фирмы осуществляют свои отдельные функции и операции, и то, *насколько* они эффективны (каков уровень их компетенции).

Таким образом, конкурентоспособные «территориальные» фирмы и отрасли распределены в экономике неравномерно и входят в *отраслевые кластеры* (*clusters of industries*), имеющие связи различного типа. Успешные фирмы и отрасли на территории часто связаны вертикальными (покупатель/поставщик) или горизонтальными (общие клиенты или технологии) отношениями. В этом смысле локализованный кластер — это связующее звено, объединяющее отраслевые и территориальные системы. В локализованном кластере фирма укоренена и функционально, и территориально. Кластеры могут отличаться с точки зрения своего динамизма, степени зрелости, пространственного охвата и локальной укорененности. Не все пространственные агломерации схожих или связанных отраслей — это «Голливуды» или «Силиконовые Долины». Наиболее значимый фактор — сила кластера с точки зрения его долгосрочной инновационной способности. Таким образом, в отношениях фирмы с территорией главной детерминирующей силой является динамизм локального кластера. Кластерные характеристики, как предполагается, влияют на средний уровень компетенции во всех бизнес-единицах, расположенных в кластере (включая дочерние подразделения иностранных

компаний), а также на полномочия, предоставляемые локальным подразделениям штаб-квартиры фирмы.

Предполагается, что чем более динамичен локальный кластер, тем больше ресурсов и способностей получит дочернее подразделение и тем более сильными будут его фактические полномочия. А чем более сильны полномочия, которыми обладает корпоративная единица, тем больше автономии она получает в принятии своих стратегических решений [45]. Также становятся маловероятными потенциальные отрицательные эффекты владения иностранными собственниками, отмечаемые в литературе (сокращения, закрытие, «выкачивание» (*drainage*) ресурсов и компетенций [17; 24]), т. е. снижаются риски, связанные с удаленностью корпоративной штаб-квартиры.

Управленческие трения между фирмами и территориями

В наших рассуждениях о фирмах как сложных пространственных структурах и локализованных кластерах как территориальных системах мы рассматривали территорию как «естественный» результат организационных процессов, осуществляемых фирмами в географическом пространстве. Таким образом, мы преднамеренно не рассматривали территории как *ограниченные системы управления* (*bounded systems of governance*), упущение, которое мы теперь должны устранить. Одно из главных дифференцирующих измерений географического пространства — это, конечно, его демаркация в многомерных пространствах управления, охватывающего «местный уровень», национальный, а также такие наднациональные образования, как Европейский союз. Выделение таких управляемых пространств (*governed spaces*) — один из основных способов «упаковки» ресурсов, от которых зависят фирмы. Несмотря на увеличивающуюся проницаемость своих границ, государства продолжают сохранять свою значимость как «контейнеров» особых социокультурных практик, регуляторных институтов и процессов, комбинаций факторов производства и других существенных для фирм активов (*firm-relevant assets*).

Даже притом, что пространственные/территориальные структуры фирм и отраслевых систем редко совпадают с политико-территориальными единицами, само существование таких управляемых пространств стимулирует мультилокальные фирмы к поиску наиболее подходящего «пакета», в рамках так называемого «регуляторного арбитража» (*regulatory arbitrage*) [15]. Их существование также стимулирует государства/локалитеты к привлечению мобильных инвестиций в процессе конкурентных торгов [17; 73]. Результат этого процесса зависит от относительной рыночной власти фирм и «государств». Хотя наличие возможностей для мобильности мультилокальных — особенно международных — фирм очевидно, степень их свободы переме-

щаться по желанию «в» или «за» пределы территорий часто преувеличивается. Это создает серьезную проблему для государств/ локалитетов, цели которых, по крайней мере частично, состоят в том, чтобы привлечь и сохранить как можно больше инвестиций в рамках своих границ. Однако гибкие «территории» мультилокальных/транснациональных фирм, по определению, накладываются друг на друга и взаимопроникают, по сравнению с фиксированными территориями органов власти, как национальных, так и местных. Это приводит к асимметричному распределению рыночной власти между фирмами и государствами, хотя, как отмечают Стопфорд и Стрэйндж [63, с. 216], важно различать общее смещение рыночной власти от государств к фирмам и определенную сделку, которая может быть совершена в специфических условиях. В целом, однако, трения между фирмами и государствами увеличились, поскольку усилились процессы организационной реструктуризации фирм и стала шире география их деятельности.

Вообще, относительная рыночная власть «государств» является в основном производной от их размера, контроля над локальными специфическими ресурсами и способностями, политического статуса. При прочих равных условиях большие государства будут иметь больше рыночной власти в отношении мультилокальных фирм, чем маленькие государства, но это может уравновешиваться тем, что меньшее государство владеет пользующимся большим спросом ресурсом (включая, конечно, человеческие, основанные на знаниях ресурсы). Политический статус особенно важен для территорий субнационального масштаба. У территорий в рамках сильно централизованных национальных политических систем, как правило, гораздо меньше автономии (например, в финансовых и фискальных вопросах), чем у тех, которые входят в системы федерального типа. Это означает, что рыночная власть субнациональных единиц управления может сильно зависеть от уникальности их локальных ресурсов (*the locational uniqueness*). В целом на экономические перспективы таких субнациональных территорий национальная политика может влиять так же сильно (если не более), как и локальные инициативы. Возможности торга таких территорий с мультилокальными фирмами будут ограничиваться национальной политикой. В глобальном контексте основные торги происходят между национальными государствами и транснациональными корпорациями [16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье мы утверждаем, что отношения между фирмами и территориями чрезвычайно сложны. Поскольку фирмы — это сети, укорененные в сетевую структуру отраслевых систем, рассмотрение связи «фир-

ма — территория» предполагает не только изучение вопроса, как отдельные фирмы связаны с территорией, в рамках которой они оказались расположены, но и рассмотрение более сложной проблемы: как фирмы укоренены в системах, связывающих их с другими фирмами и институтами, и каким образом такие системы, в свою очередь, становятся территориальными.

Сети внутри- и межорганизационных отношений сплетаются в географическом пространстве способами, которые соединяют вместе не только организации и части организаций, но и отдельные *территории* посредством сетевых потоков, координируемых прежде всего фирмами. Поэтому, в определенном смысле, экономические системы территорий отражают способы, которыми они «введены» в организационные пространства фирм — или непосредственно, как географическое местоположение отдельных предприятий, или косвенно, через отношения «клиент — поставщик» с другими (местными) фирмами. У мультилокальных фирм, особенно тех, которые работают за пределами национальных границ (т. е. ТНК), существует возможность манипулировать географическим пространством и использовать территорию как важную часть своих конкурентных стратегий. Таким образом, способность «управлять» пространством и использовать ресурсы (в самом широком смысле) определенных территорий является отличительной особенностью мультилокальных (в первую очередь транснациональных) фирм, хотя природа и эффективность такого контроля варьируются от фирмы к фирме. В настоящей статье мы предложили свою точку зрения на эти проблемы. Наиболее значимый вывод работы: экономико-географический подход к изучению связи «фирма — территория» позволяет избежать ловушек, которые являются результатом раздельного анализа фирм и территорий.

Во-первых, мы утверждаем, что использование системного подхода является основой для понимания динамики современных экономических систем. Отношения между фирмами и территориями никогда не смогут быть должным образом поняты, если мы не будем учитывать, что каждый отдельный вид экономической деятельности находится в паутине взаимоотношений с другими видами деятельности. Вместо рассмотрения отраслевой динамики как процесса реструктуризации операций отдельных фирм отправным пунктом для исследований по экономической географии должно быть использование концепции «отраслевая система». Одно из преимуществ использования системного подхода заключается в том, что он позволяет нам отказаться от применения общепринятых искусственных дихотомий в сфере экономики, к которым так часто прибегают в исследованиях. Такие ложные дихотомии обычно предполагают разделение, например, на мелкие и большие фирмы, производство и услуги, высокотехнологичные и нетехнологичные виды деятельности, отечественные и иностранные фирмы. Когда на первый план

выходит понятие отраслевых систем, такое деление становится менее значимым. В рамках любой отдельно взятой отраслевой системы можно обнаружить виды деятельности, принадлежащие к обеим сторонам таких ложных дихотомий. Анализ развития и трансформации отраслевых систем, скорее всего, покажет существование системы связей и зависимостей между очень несхожими видами деятельности.

Мы также утверждаем, что, возможно, наиболее значимое свойство отраслевых систем — их роль в создании инноваций и в обучении. Конечно, анализ производственных систем более продуктивен при решении определенных задач, но когда дело доходит до изучения долгосрочной экономической жизнеспособности определенной территории, более важным представляется акцентирование внимания на отраслевой системе как на среде, в которой производятся знания. Из этого следует, что мы должны разработать методы для анализа взаимодействий и отношений, особенно таких, которые предполагают обмен информацией и знаниями (через отраслевые системы, например), чтобы оценить степень ограничения таких взаимодействий и обменов рамками определенных территорий. Именно это должно быть в текущей повестке дня экономгеографических исследований.

Во-вторых, мы подчеркиваем присущий самим фирмам сетевой характер, их нечеткие границы, множественные — и часто конкурирующие — цели и причины существования, их изменчивую организационную архитектуру. Такой способ определения фирм также предполагает акцент на взаимосвязях и контактных моделях (*contact patterns*) при анализе поведения фирм. Мы полагаем, что экономическая география может многое приобрести, отказавшись от стереотипных положений, согласно которым поведение и развитие отдельной бизнес-единицы могут быть просто «выведены» из ее формального организационного положения (особенно в случае мультилокальных фирм). Вслед за Шонбергер [59] мы утверждаем, что стратегия и развитие бизнеса являются результатом сложных операций и взаимодействий, которые происходят в различных частях фирмы (организационных и территориальных), что способствует формированию их специфических характеристик, способов мышления и образа действий. Проблема для будущих исследований состоит в том, чтобы попытаться как можно более точно понять, как протекает процесс создания специфических характеристик и общепринятых практик (рутин) на уровне бизнес-единиц. Какие взаимодействия и взаимосвязи являются решающими в таком контексте?

В-третьих, рассмотренные вопросы особенно важны, когда мы фокусируемся собственно на территории. Отношения между различными частями фирм, расположенных на различных территориях и занимающих различное положение в рамках организационной архитектуры фирм, сильно увязаны с

пространственностью и территориальностью фирм. На отношения «фирма — территория» влияет природа внутренней власти и переговорных отношений между штаб-квартирой и дочерними подразделениями, а также между самими дочерними подразделениями, поскольку посредством таких процессов дочерние подразделения могут выполнять специфическую роль и завоевать влиятельную позицию в фирме.

Мы утверждаем, что некоторые *территориальные* условия детерминируют инновационную и, соответственно, конкурентную силу отдельно взятой отрасли. Независимо от того, рассматриваем ли мы эти условия в рамках «модели бриллианта» Портера как локализованные возможности [50] или как связанные с отношениями активы [64], смысл заключается в том, что территориальные конкурентоспособные фирмы и отрасли не распределяются равномерно в экономике, а концентрируются в *локализованных кластерах*. Локализованный кластер — это «слияние» отраслевых, фирменных и территориальных систем. В локализованном кластере фирма укоренена и функционально, и территориально.

Главной детерминирующей силой, влияющей на связи фирмы с территорией, является динамизм локального кластера. Характеристики кластеров влияют на общую конкурентоспособность бизнес-единиц, расположенных в их рамках, включая местные подразделения иностранных фирм. Мы предполагаем, что чем более динамичен локальный кластер, тем больше ресурсов и способностей будет иметь фирма. Из этого следует, что исследования территориально-отраслевого развития должны сосредоточиться на факторах, определяющих динамизм локализованных кластеров, и на фактических компетенциях и полномочиях, дающих право на осуществление тех или иных бизнес-операций на определенной территории. По этой причине формальное положение локальных подразделений в рамках мультилокальных корпораций (особенно транснациональных) становится вторичной проблемой.

При проведении таких исследований мы, однако, не должны забывать, что пространственные/территориальные структуры фирм и систем фирм редко, если вообще когда-либо, совпадают с политико-территориальными единицами. Такое «разделение» является источником значительной напряженности как между «государствами» (широкого диапазона географических масштабов) и фирмами, так и между самими «государствами». Развивается интенсивная институциональная конкуренция между управляемыми пространствами, которая, между прочим, стимулирует мультилокальные фирмы к поиску предпочтительных ресурсных «пакетов» и участию в «регуляторном арбитраже» [15]. В этом контексте важна относительная рыночная власть фирм и «государств». Хотя большинство фирм никогда (или очень редко) не перемещаются «в» или «за» пределы территорий, возможности для такой

мобильности существуют, что, в свою очередь, создает проблемы для государств и локалитетов, цели которых, по крайней мере частично, состоят в том, чтобы привлечь и сохранить как можно больше инвестиций в рамках своих границ.

Таким образом, система связей между фирмой и территорией — это интригующий, сложный феномен, изучение которого должно быть центром исследований в области экономической географии. Предлагая использовать релятивистский подход при изучении этой системы, мы надеемся поспособствовать определению отправной точки для дальнейшего анализа этого феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Agnew J. A.* Territory // The dictionary of human geography. 4th ed. Oxford: Blackwell, 2000.
2. *Amin A.* Globalisation and regional development: A relational perspective // Competition and Change. 1998. № 3.
3. *Asheim B. T.* Industrial districts as «learning regions»: A condition for prosperity? // European Planning Studies. 1996. № 4.
4. *Badaracco J.* The boundaries of the firm // Socio-economics: Towards a new synthesis, ed. A. Etzioni and P. R. Lawrence. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1991. Chap. 17.
5. *Bartlett C. A., Ghoshal S.* Managing across borders: The transnational solution. Boston: Harvard Business School Press, 1989.
6. *Becattini G.* The Marshallian industrial district as a socio-economic notion // Industrial districts and inter-firm cooperation in Italy / ed. F. Pyke, G. Becattini and W. Sengenberger. Geneva: International Institute for Labour Studies, 1990.
7. *Birkinshaw J.* How multinational subsidiary mandates are gained and lost // Journal of International Business Studies. 1996. № 27.
8. *Birkinshaw J.* Entrepreneurship in the global firm. London: Sage, 2000.
9. *Birkinshaw J., Hood N.* Multinational corporate evolution and subsidiary development. London: Macmillan, 1998.
10. *Brenner N.* Between fixity and motion: Accumulation, territorial organization and the historical geography of spatial scales // Environment and Planning D: Society and Space. 1998. № 16.
11. *Brenner N.* The limits to scale? Methodological reflections on scalar structuration // Progress in Human Geography. 2001. № 25.
12. *Cawson A., Morgan R., Webber D., Holmes P., Stevens A.* Hostile brothers: Competition and closure in the European electronics industry. Oxford: Clarendon Press, 1990.
13. *Coase R. H.* The nature of the firm // Economica. 1937. № 4.
14. *Cox K.* Spaces of engagement, spaces of dependence and the politics of scale // Political Geography. 1998. № 17.
15. *Dicken P.* International production in a volatile regulatory environment: The influence of national regulatory policies on the spatial strategies of transnational corporations // Geoforum. 1992. № 23.
16. *Dicken P.* Global-local tensions: Firms and states in the global space-economy // Economic Geography. 1994. № 70.
17. *Dicken P.* Global shift: Transforming the world economy. 3d ed. London: Paul Chapman, 1998.

18. *Dicken P.* Places and flows: Situating international investment // The Oxford handbook of economic geography / ed. G. L. Clark, M. P. Feldman and M. S. Gertler. Oxford: Oxford University Press, 2000.
19. *Dicken P., Forsgren M., Malmberg A.* The local embeddedness of transnational corporations // Globalisation, institutions and regional development in Europe / ed. A. Amin and N. Thrift. Oxford: Oxford University Press, 1994.
20. *Dicken P., Kelly P. F., Olds K., Yeung H. W.-C.* Chains and networks, territories and scales: Towards a relational framework for analysing the global economy // Global Networks. 2001. № 1.
21. *Dicken P., Miyamachi Y.* «From noodles to satellites»: The changing geography of the Japanese *sogo shosha* // Transactions of the Institute of British Geographers. 1998. № 23.
22. *Dicken P., Thrift N.* The organization of production and the production of organization: Why business enterprises matter in the study of geographical industrialization // Transactions of the Institute of British Geographers. 1992. № 17.
23. *Eliasson G.* Industrial policy, competence blocks and the role of science in economic development // Journal of Evolutionary Economics. 2000. № 10.
24. *Firm J. R.* External control and regional development: The case of Scotland // Environment and Planning A. 1975. № 7.
25. *Gereffi G.* The organization of buyer-driven global commodity chains: How US retailers shape overseas production networks // Commodity chains and global capitalism / ed. G. Gereffi and M. Korzeniewicz. Westport, Conn.: Praeger, 1994.
26. *Gereffi G.* Global production systems and Third World development // Global change, regional response: The new international context of development / ed. B. Stallings. New York: Cambridge University Press, 1995.
27. *Gereffi G.* Commodity chains and regional divisions of labor in East Asia // Journal of Asian Business. 1996. № 12.
28. *Gereffi G., Korzeniewicz M., eds.* Commodity chains and global capitalism. Westport, Conn.: Praeger, 1994.
29. *Gertler M. S.* «Being there»: Proximity, organization, and culture in the development and adoption of advanced manufacturing technologies // Economic Geography. 1995. № 71.
30. *Hakansson H.* Corporate technological behavior — co-operation and networks. London: Routledge, 1989.
31. *Halford S., Savage M.* Rethinking restructuring: Embodiment, agency and identity in organizational change // Geographies of economies / ed. R. Lee and J. Wills. London: Arnold, 1997.
32. *Harzing A.-W.* An empirical analysis and extension of the Bartlett and Ghoshal typology of multinational companies // Journal of International Business Studies. 2000. № 31.
33. *Hedlund G.* The hypermodern MNC — A heterarchy? // Human Resource Management. 1986. № 25.
34. *Heenan D. A., Perlmutter H.* Multinational organizational development: A social architectural perspective. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1979.
35. *Hymer S.* The multinational corporation and the law of uneven development // Economics and world order, ed. J. N. Bhagwati. London: Macmillan, 1972.
36. *Ivarsson I.* Integrated international production: A survey of foreign transnational corporations in Sweden. Department of Geography, University of Goteborg, 1996. Series B, 90.
37. *Kelly P. F.* Globalization, power and the politics of scale in the Philippines // Geoforum. 1997. № 28.

38. *Kelly P. F.* The geographies and politics of globalization // *Progress in Human Geography*. 1999. № 23.
39. *Lasuen J.* On growth poles // *Growth centers in regional economic development*, ed. N. M. Hansen. New York: Free Press, 1972.
40. *Lundvall B.-A., ed.* National systems of innovation: Towards a theory of innovation and interactive learning. London: Pinter, 1992.
41. *Maillat D.* From the industrial district to the innovative milieu: contribution to an analysis of territorialised productive organizations // *Recherches Economiques de Louvain*. 1998. № 64.
42. *Malmberg A., Maskell P.* Towards an explanation of regional specialization and industry agglomeration // *European Planning Studies*. 1997. № 5.
43. *Malmberg A., Maskell P.* The elusive concept of localization economies — Towards a knowledge-based theory of spatial clustering. Paper prepared for the «Industrial clusters» Revisited: Innovative Places or Uncharted Spaces? Session, AAG Annual Conference, New York, 2001. 27 February — 3 March.
44. *Malmberg A., Solvell O.* Localized innovation processes and sustainable competitive advantage of firms: A conceptual model // *Interdependent and uneven development: Global-local perspectives* / ed. M. Taylor and S. Conti, Aldershot, U.K.: Avebury, 1997.
45. *Malmberg A., Solvell O.* Does foreign ownership matter? Subsidiary impact on local clusters. Paper prepared for the Marcus Wallenberg Symposium on Critical Perspectives on Internationalisation. Uppsala, Sweden, 2000. 10—11 January.
46. *Markusen A.* Sticky places in slippery space: A typology of industrial districts // *Economic Geography*. 1996. № 72.
47. *Markusen A.* Fuzzy concepts, scanty evidence, policy distance: The case for rigour and policy relevance in critical regional studies // *Regional Studies*. 1999. № 9.
48. *Marston S.* The social construction of scale // *Progress in Human Geography*. 2000. № 24.
49. *Maskell P.* Why are not all firms equally well suited for application within the conversation of economic geography. Paper presented at workshop on «The Firm in Economic Geography». University of Portsmouth, U.K., 2000. 9-10 March.
50. *Maskell P., Eskelinen H., Hannibalsson I., Malmberg A., Vatne E.* Competitiveness, localised learning and regional development — Specialisation and prosperity in small open economies. London: Routledge, 1998.
51. *Maskell P., Malmberg A.* Localised learning and industrial competitiveness // *Cambridge Journal of Economics*. 1999. № 23.
52. *Miles R., Snow C. C., Mathews J. A., Miles G.* Cellular-network organizations // *Twenty-first century economics: Perspectives of socioeconomics for a changing world* / ed. W. E. Halal and K. B. Taylor. New York: St. Martin's Press, 1999.
53. *O'Neill P., Gibson-Graham J. K.* Enterprise discourse and executive talk: Stories that destabilise the company // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1999. № 24.
54. *Perroux F.* Note sur la notion de «pole de croissance» // *Economie Applique*. 1955. № 8.
55. *Porter M. E.* The competitive advantage of nations. London: Macmillan, 1990.
56. *Powell W. W.* Neither market nor hierarchy: Network forms of organization // *Research in Organizational Behaviour*. 1990. № 12.
57. *Raikes P., Jensen M. F., Ponte E.* Global commodity chain analysis and the Frenchfilere approach: Comparison and critique // *Economy and Society*. 2000. № 29.
58. *Schoenberger E.* The cultural crisis of the firm. Oxford: Blackwell, 1997.
59. *Schoenberger E.* 1999. The firm in the region and the region in the firm // *The new*

industrial geography: Regions, regulation and institutions, ed. T. Barnes and M. Gertler. London: Routledge, 1999.

60. *Schumpeter J.* The theory of economic development: An inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle. Cambridge: Harvard University Press, 1934 [1959].

61. *Scott A. J.* The geographic foundations of industrial performance // *Competition and Change*. 1995. № 1.

62. *Scott A. J.* Regions and the world economy: The coming shape of global production, competition, and political order. Oxford: Oxford University Press, 1998.

63. *Stopford J. M., Strange S.* Rival states, rival firms: Competition for world market shares. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

64. *Storper M.* The regional world: Territorial development in a global economy. New York: Guilford, 1997.

65. *Storper M., Harrison B.* Flexibility, hierarchy and regional development: The changing structures of production systems and their forms of governance in the 1990s // *Research Policy*. 1991. № 21.

66. *Storper M., Walker R.* The capitalist imperative: Territory, technology and industrial growth. Oxford: Blackwell, 1989.

67. *Swyngedouw E.* Neither global nor local: «Glocalization» and the politics of scale // *Spaces of globalization*, ed. K. Cox. New York: Guilford. 1997.

68. *Taggart J. H.* Multinational manufacturing subsidiaries in Scotland: Strategic role and economic impact // *International Business Review*. 1996. № 5.

69. *Taggart J. H.* Autonomy and procedural justice: A framework for evaluating subsidiary strategy // *Journal of International Business Studies*. 1997. № 28.

70. *Taylor M.* Industrial geography and the business organization // *The geography of Australian corporate power*, ed. M. Taylor. Sydney: Croom Helm, 1984.

71. *Taylor M.* The small firm as a temporary coalition // *Entrepreneurship and Regional Development*. 1999. № 11.

72. *Thrift N., Olds K.* Refiguring the economic in economic geography // *Progress in Human Geography*. 1996. № 20.

73. United Nations Conference on Trade And Development (UNCTAD). World investment report 1995: Transnational corporations and competitiveness. New York: United Nations, 1995.

74. United Nations Conference on Trade And Development (UNCTAD). World investment report 2000: Cross-border mergers and acquisitions and development. New York: United Nations, 2000.

75. *Walker R.* The geographical organization of production systems // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1988. № 6.

76. *Whitley R.* Divergent capitalisms: The social structuring and change of business systems. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Перевод с английского В. Н. Украинского

УДК 330.8

Л. А. Дятлова

Н. П. ОГАНОВСКИЙ: ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Предпринята попытка анализа творческого наследия «хорошо забытого» русского экономиста Н. П. Огановского. В исследованиях Н. П. Огановского выделены три основных направления: во-первых, влияние политических факторов на сельское хозяйство; во-вторых, аграрная эволюция и, в-третьих, влияние пространственно изменчивых факторов на сельское хозяйство, что можно назвать и географией сельского хозяйства.

Н. П. Огановский, аграрная экономика, сельская экономика, политические факторы, аграрная эволюция, пространственно изменчивые факторы, «двусторонний тип развития народного хозяйства».

Тема аграрной эволюции несомненно была определяющей в творчестве Н. П. Огановского в предреволюционные годы и была тесно связана с проблемой аграрного реформирования. В свою очередь, содержание аграрного реформирования, по мнению Н. П. Огановского, — это, прежде всего, решение вопроса распределения земли и выбора устойчивых, наиболее эффективных с точки зрения государственных и частных интересов, а также отвечающих природе сельского хозяйства организационно-правовых форм хозяйствования. Вопрос о выборе организационно-правовых форм в то время, как и сегодня, сводился главным образом к выбору между мелкими и крупными хозяйствами, к выяснению их слабых и сильных сторон.

Для Н. П. Огановского, как и для ведущих экономистов-аграрников¹, было очевидно, что выбор в пользу той или иной формы хозяйствования

© Дятлова Л. А., 2010

¹ В ряде публикаций автор уже рассказывал о том, что необходимость руководства эволюционным принципом была очевидной для ведущих экономистов-аграрников, таких как Б. Д. Бруцкус, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев и др. [2; 3; 4].

должен осуществляться в контексте эволюции сельского хозяйства. Именно поэтому тем, кто берется за разработку аграрных программ (и левым, и правым партиям), он советовал, прежде всего, разобраться в том, «...насколько проектируемые ими формы распределения совместимы с законами эволюции сельскохозяйственного производства. ...Нет никакого сомнения, что эволюция производства является, в конечном итоге, решающим фактором в сфере распределения» [12, с. 2].

Приведенную выше цитату можно рассматривать как важнейший методологический посыл, исходя из которого Н. П. Огановский формулирует задачу, выполнение которой должно предвещать разработку программ аграрного реформирования, если авторы не хотят, чтобы они превратились в очередную утопию. Суть этой задачи, по его мнению, заключается не в построении «априорных программ распределения, не пристегивание к ним взятых на выбор фактов той или другой эпохи, той или другой местности, а отыскание руководящего начала в истории аграрных отношений всех эпох и, по крайней мере, большинства местностей, насколько в силах мы это можем сделать при нынешнем уровне наших знаний. Только установивши принципы аграрной эволюции в ее целом, мы будем в состоянии построить на них жизнеспособную прочную программу. Программа — это здание; теория развития — его фундамент. Пока нет теории развития — здание аграрной программы будет строиться на песке» [12, с. 2].

Важно отметить, и на это указывал сам Н. П. Огановский, что идея родилась у него под влиянием методологического подхода, использованного К. Марксом при написании «Капитала», и который точно охарактеризовал Роберт Л. Хайлбронер: «Маркс положил своей целью открыть свойственные капиталистической системе тенденции, внутренние законы ее движения... Маркс дал этим тенденциям имя «законов движения» капиталистической системы — именно им было суждено определить траекторию развития капитализма... Главной «фигурой» в сценарии Маркса является не человек, а процесс. В основе его взгляда на мир лежит диалектическое движение... Маркс научил нас смотреть не только *на* историю, но и *сквозь* нее» [17, с. 196, 207, 209, 212]. Н. П. Огановский понял и творчески использовал подход основоположника марксизма, он написал: «...К. Маркс в массе накопленных фактов быстрого роста индустрии отыскал руководящее начало... если развитие всех вообще общественных отношений идет закономерным путем, то и развитие сельского хозяйства не может быть исключением из общего правила» [12, с. 1–2].

Н. П. Огановский встает перед нами одновременно и как политический деятель, занимающийся составлением партийных аграрных программ, а следовательно, отвечающий за их жизнеспособность, и как ученый. Причем

как ученый, чуждый политической конъюнктуры, но имеющий убеждения и осознающий свою ответственность за качество исследовательской работы, выводов и рекомендаций, которые могут иметь разные последствия (включая глубинные и долгосрочные), как для научной, так и для народнохозяйственной жизни в разных ее аспектах. И не случайно вторая часть [13] и первый выпуск 3-го тома [14] работы «Закономерность аграрной эволюции», главной в экономическом наследии Н. П. Огановского, где в основном изложена эволюционная концепция, были высоко оценены научным сообществом и удостоены высоких наград за вклад в теорию аграрной экономики¹.

Н. П. Огановскому удалось сформулировать теоретико-методологический подход к исследованию процессов реформирования сельского хозяйства, который может быть полезен и сегодня, в начале XXI в. На основе анализа обширного материала из аграрной истории он убедительно показал, что между прошлым и настоящим существует реальная связь. Ему удалось нарисовать исчерпывающую картину аграрной эволюции, показать ее закономерности, выявляя при этом национальные особенности, подробно останавливаясь на российских. Он красной нитью проводит мысль о том, что выяснение хода аграрной эволюции в той или иной стране или местности дает объяснение тем хозяйственным формам, которые существуют или которые предпочтительнее выбрать, помогает выяснению и пониманию современных национальных сельскохозяйственных проблем на макро- и микроуровне, их причин, что позволяет найти эффективные способы решений. Более того, Н. П. Огановский их предлагает, формулируя задачи аграрной политики и разрабатывая планы. По сути, он предлагал использовать метод ретроспективного анализа задолго до того, как он стал применяться в менеджменте. Это к вопросу не только о целесообразности использования исторического анализа как инструмента для решения экономических и управленческих проблем, но и к вопросу о состоянии исторической науки, качестве историко-экономического образования и понимании его важности в дореволюционной России.

Но прежде чем ответить на вопрос: «Какова система взглядов Н. П. Огановского на аграрную эволюцию?» — попытаемся понять, что заставило Н. П. Огановского взяться за перо. Выяснить эти причины необходимо, потому что иначе будет трудно до конца понять те цели, которые поставил перед собой ученый, выводы, к которым он пришел, и фундаментальное значение выбора организационно-правовых форм для эффективного реформирования. Напомним еще раз, что речь идет не только о теории, но и политическом деятеле. А его выводы есть не только результаты зрелого научного

¹ В последующем Н. П. Огановский освещал вопросы аграрной экономики, в том числе и развития сельского хозяйства в советский период, основываясь на данном исходном теоретико-методологическом фундаменте.

исследования, но и ответы его политическим оппонентам в лице, главным образом, марксистов.

Прежде всего это, конечно же, аграрный вопрос, который со времен Великих реформ¹, оказавших, несомненно, коренное влияние на все сферы жизни русского общества, и особенно на экономику, не переставал терять своего значения в России, но с начала 1890-х гг. по начало XX в. вновь приобрел остроту, как и в других европейских странах. Н. П. Огановский писал во введении к «Закономерности...»: «События последних лет поставили во весь рост перед русским обществом запутанный и сложный аграрный вопрос. Одновременно и в Западной Европе, сначала теоретическая мысль новейших исследователей, а затем аграрные волнения, прокатившиеся с востока на запад, от Румынии, Италии и Франции до Ирландии, начинают все более возбуждать интерес общества к аграрному вопросу вообще и к крестьянскому в особенности» [12, с. 1]. Вот как суть данного вопроса определил в 1908 г. Н. Каблуков: «То, что называется земельным вопросом, в сущности, есть вопрос крестьянский, вопрос о том, должна ли земля находиться в обладании тех, кто сам лично ее обрабатывает, или же лучше такой порядок, при котором хозяином большого участка земли является лицо, само землю не обрабатывающее, но распоряжающееся тем, как обрабатывают ее наемные рабочие» [5, с. 1].

Иначе говоря, аграрный вопрос включал в себя, во-первых, проблемы распределения земли, выявления и поддержки эффективных организационно-правовых форм и, во-вторых, проблемы соответствия трудового крестьянского хозяйства государственным интересам, повышения производительности, товарности и доходности трудового крестьянского хозяйства, а также, что очень важно, природе сельского хозяйства. Надо сказать, эти проблемы в той или иной степени имели общий характер, и от их решения зависело развитие национальных экономик, формирование их конкурентных преимуществ на мировом рынке сельскохозяйственной продукции и даже политическое положение на международной арене. И Россия здесь — не исключение и одновременно особый случай. Потому что, с одной стороны, она — великая по территории и ресурсному потенциалу империя, а с другой — страна, хотя быстро идущая по капиталистическому пути, но все же с неразвитой промышленностью и отсталой сельской экономикой.

В дополнение, чтобы показать то единодушие, которое было характерно для русской аграрно-экономической мысли в понимании и оценке места аграрного вопроса, сельского хозяйства и крестьянства, приведем два мнения.

¹ Имеются в виду реформы Александра II и, прежде всего, крестьянская реформа 1861 г.

Первое — оппонента Н. П. Огановского марксиста и профессора П. П. Маслова: «Вся страна хочет так или иначе решить земельный вопрос, когда для каждого мыслящего человека стала ясной тесная связь его решения с решением других жгучих вопросов современности и с дальнейшими судьбами экономического и технического развития страны. Поэтому все политические партии стремятся по-своему решить аграрный вопрос, стремятся пересмотреть свои программы» [10, с. 15].

Другое мнение профессора А. И. Чупрова: «Вопросы, о которых я предлагаю вести речь, имеют первоклассное значение в народной экономике: от способов их решения зависит судьба многих миллионов человеческих существ. Как ни грандиозен происшедший в XIX в. расцвет промышленности, как ни величественны перемены, совершившиеся в способах перевозки, в формах внутренней и международной торговли, но сельское хозяйство с разнообразными его отраслями составляет до сих пор, за исключением 2—3 стран в мире, господствующее занятие большинства людей. В частности, в нашем отечестве не менее трех четвертей населения извлекают себе средства жизни от земли. Если вдуматься в условия нашей народной экономики, то окажется, что судьба и прочих промыслов зависит от процветания или упадка земледелия. У нас нет внешних рынков, как у Англии или Германии, наши фабрики и мануфактуры вынуждены искать себе покупателей внутри страны, главным образом среди многомиллионной массы, которая населяет деревни, от степени благосостояния этой массы зависит размер спроса на фабричные изделия...» [18, с. 196].

Итак, что следует из вышеприведенных мнений? Прежде всего то, что экономисты-аграрники рассматривали крестьянство и трудовое хозяйство в первую очередь не в качестве средства завоевания и сохранения политической власти, как марксисты, а в качестве ключевого массового хозяйствующего субъекта товарного сельскохозяйственного производства, связанного с остальной народнохозяйственной системой посредством рыночных отношений и являющегося в свою очередь мощным фактором развития экономики Российской империи. Реально возможным это было только при условии научно обоснованного реформирования с учетом эволюционных процессов, на чем и настаивал Н. П. Огановский. Здесь мы укажем еще на то, что А. И. Чупров выразил точку зрения, которой придерживались многие экономисты-аграрники, в том числе и Огановский.

Но Н. П. Огановский, если так можно сказать, пошел дальше: в начале 20-х гг. он применяет, и применяет небезуспешно, эволюционный подход уже не к сельскому хозяйству, но к национальной экономике в целом, доказывая предпочтительность для России организации народного хозяйства по «двустороннему типу». Впрочем, это был не единственный для той эпохи

случай, когда экономист-аграрник поднялся на более высокий и глобальный уровень обобщения и вырос в крупнейшего экономиста-теоретика. Сегодня внешнеэкономические и внутренние условия таковы, что можно было бы говорить о возможности применения модели, предложенной Н. П. Огановским. Но, к сожалению, сельская экономика, а тем более хозяйства населения, которые, по сути, представляют современную модификацию крестьянского трудового хозяйства, в таком контексте даже не рассматриваются.

Какие же еще важные моменты конца XIX — начала XX в. послужили предпосылками появления эволюционной концепции Н. П. Огановского? Нас интересует прежде всего Россия, потому что книга Огановским писалась главным образом для России. Отметим, что как раз в это время, поскольку роли мирового жандарма для России было уже недостаточно, чтобы удержаться в положении великой державы, разворачивался правительственный курс, направленный на ускорение экономического развития на основе коренных изменений народнохозяйственной системы. Действия правительства должны были обеспечить капиталистическую модернизацию экономики, в результате чего Россия бы превратилась в современную державу, интегрированную в мировой рынок, с которой бы считались развитые страны, не только оглядываясь на ее тяжеловесную военную машину.

Это была сверхзадача. В 1893 г. С. Ю. Витте стал министром финансов, а в 1905 г. — первым в истории России председателем Совета министров, который провел широкомасштабные системные преобразования в экономике, в результате чего русская промышленность стала приобретать современную структуру. Однако без преобразований в сельском хозяйстве капиталистическая модернизация и промышленности, и в целом народнохозяйственной системы завершиться не могла. По этим причинам рассмотрим ситуацию в деревне более подробно.

По переписи 28 января 1897 г., в сельской местности проживало 112 139 077 чел. (всего число жителей империи составляло 126 411 736 душ обоего пола), и из них более 110 млн чел. занимались сельскохозяйственным трудом [7, с. 76—83]. Доля сельскохозяйственной продукции в русском экспорте составляла в 1896 г. 77% [7, с. 231]. «Великие реформы», конечно, дали свои результаты: русское сельское хозяйство начало втягиваться в «интенсивный фазис», что выражалось в использовании искусственных удобрений, изменении отраслевой структуры сельского хозяйства в сторону технических и высокотоварных культур, развитии перерабатывающей промышленности. Увеличилось применение сельскохозяйственных машин. В 1876 г. их было куплено на 4 млн руб., в 1890 г. — более чем на 5 млн руб., в 1907 г. — на 17 млн руб. [16, с. 228].

Правительство смещало акценты в сторону удовлетворения интересов

крестьянства и поддержки передовых хозяев, развития исследовательской работы для изучения положения различных отраслей сельского хозяйства в различных районах страны, организации современной трехступенчатой системы сельскохозяйственного образования и т. д.

Более масштабной и многообразной становится деятельность земств по развитию сельского хозяйства: появляются экономические советы при земствах, сельскохозяйственные школы, опытные станции, поля и фермы, музеи, племенные рассадники, пункты постоянных метеорологических наблюдений, сельскохозяйственные общества, выходят книги и периодические издания по сельскому хозяйству. Если расходы на сельскохозяйственное дело в 1895 г. составляли 1617 тыс. руб., то в 1897 г. они достигли уже 3944 тыс. руб. [7, с. 249]. Словом, делалось много полезного. Все эти изменения сопровождаются постепенным перераспределением земли в пользу крестьян и превращением крестьянского хозяйства в главного товаропроизводителя сельскохозяйственной продукции. Так, в 1896 г. в европейской части России на долю крестьянских хозяйств приходилось 72,5% общей площади под сельскохозяйственными культурными растениями, а на долю помещичьих — 27,5% [7, с. 236].

Однако при несомненно положительном эффекте реформ 1860-х гг. и преобразований последующего периода все же сельское хозяйство в России отставало от Западной Европы. Н. А. Крюков отмечал в 1898 г. неравномерность интенсификации сельского хозяйства на территории России и объяснял ее причины следующим образом: «Благоустроенные хозяйства являются оазисами. Крестьянское трехполье, господствующее во всей Европейской России, несовершенно и малопродуктивно. Земли, в течение долгого времени подвергавшиеся однообразной культуре и без достаточного удобрения, постепенно теряют производительность; урожаи, высота которых возможна лишь при благоприятных условиях погоды, делаются все меньше и меньше; все чаще случаются недороды, влекущие голодание населения... Причины отсталости заключаются не в одном только слабом развитии техники. Среди хозяев-крестьян почти нет образованных людей. Другие причины низкого состояния крестьянского хозяйства — неопределенность земельных отношений, круговая порука, недостаточность путей сообщения, воинская повинность, отнимающая от деревни множество самых здоровых людей, и слабое развитие общественной самодеятельности» [7, с. 249—250].

Отмечали экономисты-аграрники и обострение проблемы крестьянского малоземелья (абсолютного и относительного), которое было настоящим бедствием для России и на макро-, и на микроуровне. Абсолютное малоземелье связывали с нарастанием избытка населения, прежде всего сельского, и физической нехваткой земли. Относительное же малоземелье было следствием

распространения отсталых систем ведения хозяйства (трехполья, подсечной, залежной) и других причин, которые назвал Н. А. Крюков, что и обуславливало низкую производительность земли.

Н. П. Огановский описал последствия малоземелья для крестьянства, а значит и в целом сельского хозяйства: «Каждый знает, что малоземелье в сельском хозяйстве — синоним бедности; бедность же ведет к большей задолженности, закабаленности, повышенной смертности, болезненности, калечности, некультурности, плохому качеству орудий труда, погоне за сторонними заработками, вредящей собственному хозяйству...» Поэтому понятен его призыв покончить с малоземельем «ради свободного развития производительных сил, одинаково необходимых для народа и государства, одинаково признаваемого всеми партиями, всеми направлениями...» [15, с. 170]. Исследуя процесс аграрной эволюции, в том числе и исторические корни малоземелья, сравнивая Россию с другими странами, он выделяет ее особенности и предлагает пути решения этой судьбоносной проблемы.

Итак, необходимость дальнейшего реформирования сельского хозяйства осознавалась и правительством, и научным сообществом. Подготовка реформ началась еще при С. Ю. Витте, а их реализация состоялась, хотя и не в полной мере, в ходе Столыпинской реформы, которая была призвана привести деревню в соответствие с потребностями капиталистической промышленности и рынка и способствовать созданию современной сбалансированной народнохозяйственной системы на основе рыночных отношений.

Работа Н. П. Огановского над «Закономерностью...» проходила на фоне осуществления столыпинских преобразований, которые ставили великие задачи и имели блестящие результаты. В. В. Казарезов приводит свидетельство немецкого ученого Прейера: «Аграрная реформа всколыхнула всю деревню, изменила ее быт, больше забот самостоятельный крестьянин уделяет улучшению обработки земли, плуг вытесняет соху, машина все больше распространяется в деревне. Крестьянин старается приобрести необходимые агрономические знания. Экстенсивные системы заменяются интенсивными. Хуторянин влияет на общинника. Меняется и домашнее хозяйство крестьянина. Даже предметы роскоши находят себе потребителей» [6, с. 53].

Однако в процессе реформирования неизбежно возникали так называемые «проблемы реализации», так как все предусмотреть было невозможно. Конструктивная реакция со стороны специалистов, в том числе и Н. П. Огановского, была необходимой обратной связью.

Изменения в экономике сопровождались нарастанием социальных изменений и политических осложнений в стране. О последних следует сказать особо. В начале 1890-х гг. и далее активизируется деятельность различных

политических течений и особенно социал-демократии. На политическую арену выходят большевики, которые развернули пропаганду и агитацию в различных слоях населения. Рабочее движение становится массовым и организованным, принимая политический характер, с требованиями свержения существующего политического строя. Особую роль большевики отводят в революционном движении беднейшим крестьянам, которых они рассматривают как остро необходимого союзника пролетариата в социалистической революции и в среде которых активно распространяют идеи классовой борьбы. Иначе говоря, согласно их представлениям деревня должна занимать важное, но специфическое место в подготовке и осуществлении пролетарской революции.

На этом фоне особенно знаковым событием стало появление работ представителей марксистского направления по решению аграрного вопроса. Дело в том, что марксисты поняли особую важность ответа на вопрос: что происходит в сельском хозяйстве и с крестьянством? Это работы В. И. Ленина (г. Ильина) «Развитие капитализма в России» [8], П. Маслова «Аграрный вопрос в России» [10; 11] и П. И. Лященко «Очерки аграрной эволюции в России» [9].

Н. П. Огановский воспринял это как факт, имеющий значение не только в качестве попытки внести вклад в развитие теории, но и как факт понимания марксистами сущности и значения происходящего момента. По сути дела, они показали, что именно в деревне решался вопрос, судьбоносный для России: по какому пути будет развиваться сельское хозяйство и за кем пойдет крестьянство? Он посчитал «своей обязанностью подвергнуть эти ответы основательному разбору, который должен обнаружить степень их правоспособности для решения нашей задачи...» [12, с. 3]. Для ученого и политического деятеля Н. П. Огановского было невозможно оставить без внимания столь серьезные претензии названных авторов и не разобраться в их представлениях о процессах, происходящих в сельском хозяйстве и в целом в деревне. Кратко изложим, к каким выводам пришел он в ходе анализа вышеназванных работ.

Анализируя работу В. И. Ленина, Н. П. Огановский, имеющий богатый опыт земской работы, характеризует его как «ортодоксального марксиста», взгляд которого «из города в деревню был взглядом с птичьего полета». По его мнению, г. Ильин (В. И. Ленин) плохо представлял природу сельского хозяйства, не рассмотрел вопроса о соотношении аграрной эволюции и индустриальной эволюции крестьянского хозяйства, не разобрался в особенностях аграрной эволюции в России.

Более того, по мнению Н. П. Огановского, г. Ильин при оценке процессов, протекавших в деревне, допустил целый ряд серьезных методоло-

гических ошибок. Среди них: смешение статики и динамики, хаотичное смешение всех элементов хозяйства, некорректное использование земской статистики, неправильный выбор критериев классификации крестьян и как результат — искусственное определение их групп и вывод, что процесс дифференциации крестьян завершился [12, с. 7—17]. Мы, зная, какую политику поведут в деревне большевики после октябрьского переворота, на кого будут опираться и кого станут уничтожать как враждебный класс, от себя добавим, что, разделяя крестьян на сельскую буржуазию, сельский пролетариат и среднее крестьянство и обосновывая выделение этих типов, В. И. Ленин теоретически обосновал те трагические и долгосрочные последствия, которые современная Россия не может преодолеть до сих пор.

Если в этой связи и есть чему удивляться, так это современному состоянию в области исследования отечественной экономической мысли. Ибо ничего, кроме удивления, не может вызвать факт, что работу «Развитие капитализма в России» до сих пор считают выдающимся вкладом в экономическую теорию, а Институт экономики РАН отметил 100-летие выхода книги В. И. Ленина, не вспомнив при этом про Н. П. Огановского и других отечественных ученых-экономистов [1, с. 108].

Разбирая работу П. П. Маслова, который полагал, что «С.-Д. Р. П. нужно выяснить, значение развития производительных сил страны, определить, как повлияет на это развитие расширение крестьянского землепользования в России» [10, с. 15], Н. П. Огановский приходит к заключению, что автор ограничивается рассмотрением развития производительных сил. Тогда как «...положительная часть теории г. Маслова очень слаба, эволюционная точка зрения им почти не усвоена, и главная заслуга автора состоит в том, что он произвел пересмотр-ревизию старой ортодоксальной доктрины. И если г. Ильин строгий ортодокс, то г. Маслова надо считать представителем критического марксизма» [12, с. 3].

Что касается книги П. И. Лященко, то Огановский отмечает, что автор видит пользу от изучения аграрной истории, так как это дает возможность рассмотреть эволюцию капитализма в аграрной сфере, но сводит ее к истории меновых отношений.

Обобщая свое впечатление от работ представителей марксистского направления, Н. П. Огановский их характеризует как «три эпохи в развитии теоретических представлений русского марксизма» по поводу аграрного вопроса: «эпоха ортодоксальной догмы, — нечто вроде теологического периода наук в классификации О. Конта; эпоха критического отношения к догме; и наконец, эпоха «позитивной» эволюционной точки зрения на капитализм в сельском хозяйстве... Все три теории стремятся доказать неизбежность конечного торжества капитализма в сельском хозяйстве. Поэтому мы их на-

зывается «теориями капиталистического развития» [12, с. 4]. Таким образом, Н. П. Огановский справедливо пришел к выводу, что ни одна из трех работ не раскрыла содержание аграрной эволюции.

И последнее, что можно отнести к предпосылкам написания «Закономерности аграрной эволюции», — это господствующее среди экономистов представление о ходе аграрной эволюции по аналогии с эволюционными процессами в индустрии. Естественно, это не могло не сказаться на формировании мнения о решении аграрного вопроса на основе развития крупного производства, то есть фабрик по производству сельскохозяйственной продукции.

Во многом этот факт объяснялся молодостью аграрной экономики, хотя в этот период вышли многие значительные работы, которые по праву стали считаться классическими в данной области, что свидетельствовало о том, что уровень аграрно-экономической мысли в России был изначально высоким. Тем не менее «молодость» аграрной экономики как самостоятельной научной дисциплины не могла не проявиться в неразработанности ее понятийно-категориального аппарата, а как следствие в многочисленных заимствованиях понятий и теоретических положений из других отраслей научного знания.

Пожалуй, одной из наиболее острых и в теоретическом, и в практическом отношении проблем нарождавшейся аграрной (или, как все чаще говорят в настоящее время — сельской) экономики была проблема определения общего и специфического в эволюции промышленности и сельского хозяйства.

Поэтому Н. П. Огановский посчитал целесообразным рассмотреть и сравнить эволюционные процессы в индустрии и сельском хозяйстве: «В области же чистой сельскохозяйственной экономики новые понятия только начинают формироваться, и в очень многих случаях существует полное смешение их с понятиями, выработанными исключительно на основании законов производства и распределения промышленности обрабатывающей. Это смешение отражается на представлениях о ходе эволюции вообще и эволюции форм хозяйства в особенности. Мы считаем необходимым, раньше, чем перейти к изложению принципов аграрной эволюции, выяснить в общих чертах эволюцию хозяйственных форм в индустрии» [12, с. 135]. Поставив задачу рассмотреть концепцию аграрной эволюции Н. П. Огановского, автор неизбежно должен был вначале осветить предпосылки ее появления, без этого картина была бы неполной. О том, к каким выводам пришел ученый, — в следующей части очерка.

Продолжение следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гловели Г. Д.* Геополитическая экономия в России. СПб.: Алетейя, 2009.
2. *Дятлова Л. А.* Концепция «генетических» районов А. Н. Челинцева // *Пространственная экономика*. 2005. № 2.
3. *Дятлова Л. А.* Пространственные аспекты теории крестьянского хозяйства А. В. Чайнова // *Пространственная экономика*. 2006. № 1.
4. *Дятлова Л. А.* Неизвестный лидер организационно-производственной школы: Б. Д. Бруцкус // *Пространственная экономика*. 2006. № 4; 2007. № 1—2.
5. *Каблуков Н.* Об условиях развития крестьянского хозяйства. М., 1908.
6. *Казарезов В. В.* О Петре Аркадьевиче Столыпине. М.: Агропромиздат, 1991.
7. *Крюков Н. А.* Россия в сельскохозяйственном отношении. Энциклопедический словарь. Россия. Ленинград: Лениздат, 1991.
8. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России. М.: Госполитиздат, 1952.
9. *Лященко П. И.* Очерки аграрной эволюции в России. СПб., 1908.
10. *Маслов П.* Аграрный вопрос в России. Т. 1. Условия развития крестьянского хозяйства в России. СПб., 1908.
11. *Маслов П.* Аграрный вопрос в России. Т. 2. Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение. СПб., 1908.
12. *Огановский Н.* Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Теории капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции. Саратов, 1909.
13. *Огановский Н.* Закономерность аграрной эволюции. Ч. 2. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911.
14. *Огановский Н.* Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914.
15. *Огановский Н. П.* Закономерность аграрной эволюции. Выдержки. Заключение. М.: Радуга, 1917.
16. *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 11. М.—Л.: Книга, 1928.
17. *Хайлбронер Р. Л.* Философы от мира сего. М.: КоЛибри, 2008.
18. *Чупров А. И.* Мелкое земледелие и его основные нужды. СПб., 1907.

УДК 338(571.66)

Э. И. Ширков, Е. Э. Ширкова

ОТ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ К СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ НА КАМЧАТКЕ (к 40-летию ДВО РАН)

Показано становление экономических исследований на Камчатке: от экспедиционных к систематическим. Приведены основные работы, характерные для каждого этапа исследований. Особое внимание уделено вкладу Камчатской лаборатории экономических исследований в разработке научных основ рационального природопользования и комплексного развития производительных сил Камчатской области.

Экономические исследования, социально-экономическое развитие, экономическая оценка, природно-ресурсный потенциал, эколого-экономические исследования, 40 лет ДВО РАН, Камчатка.

Научные исследования Камчатки и омывающих ее морей длительное время носили исключительно экспедиционный характер. Первые комплексные исследования были осуществлены здесь Второй экспедицией Беринга, а результаты этих исследований отражены в классических трудах Г. В. Стеллера [26] и С. П. Крашенинникова [3]. Вышедшая в 1755 г. работа С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» явилась первой научной монографией Российской академии наук.

Ценные публикации о Камчатке XIX в. принадлежат руководителям и

---

¹ © Ширков Э. И., Ширкова Е. Э., 2010

участникам многочисленных кругосветных экспедиций: И. Ф. Крузенштерну [5] и Г. Лангсдорфу [25]; В. М. Головнину [1]; Ф. И. Литке [6]; Ф. Киттлицу [24]; А. Эрману [23]. Наиболее известные исследования Камчатки конца XIX — начала XX в. отражены в трудах К. Дитмара [2], В. Н. Тюшова [16], Н. В. Слюнина [14, 15]. Работы Н. В. Слюнина носят уже специализированный экономический характер.

Исключительный вклад в комплексное изучение полуострова внесла Камчатская экспедиция 1908—1910 гг. Русского географического общества, поддержанная Ф. П. Рябушинским. Экономическая проблематика этой экспедиции представлена в работах В. Л. Комарова [4] и П. Ю. Шмидта [22].

После некоторого перерыва, вызванного революцией и Гражданской войной, экспедиционное изучение производительных сил Камчатки было возобновлено (преимущественно силами КЕПС и СОПС Академии наук СССР) в 20—30-е гг. прошлого столетия. В области экономики наиболее значимыми работами в эти годы выделялись такие известные ученые, как И. Ф. Правдин [10], М. А. Сергеев [16; 17], С. Ю. Липшиц и Ю. А. Ливеровский [7].

Экспедиционные исследования Камчатки XIX в. и 20—30-х гг. XX в. внесли значительный вклад в изучение природных богатств этого замечательного во многих отношениях края. Они сформулировали общие представления о возможностях и ограничениях эффективного использования этих богатств, а также о дальнейших путях и формах их более глубокого изучения. В 30-е гг. на Камчатке были организованы постоянные научные подразделения для систематического изучения имеющихся здесь биологических и минеральных ресурсов, а также естественных закономерностей и условий их формирования. Была осознана необходимость разворачивания здесь постоянных научных подразделений и для систематических исследований в области рационального природопользования, а также целенаправленного формирования целостного территориального природно-хозяйственного комплекса. Однако соответствующих постоянных научных подразделений на Камчатке до Второй мировой войны страна не успела организовать.

В послевоенные годы потребность в информационном и концептуальном обеспечении стратегического планирования в развитии производственных сил полуострова возросла многократно.

В 1955—1957 гг. СОПС Академии наук (АН) СССР совместно с рядом ведущих научных и проектных институтов страны, а также при участии местных научных организаций и административно-хозяйственных органов Камчатской области осуществили на полуострове широкие экспедиционные исследования преимущественно экономической направленности. По результатам этих исследований в 1957 г. в Петропавловске-Камчатском была

проведена выездная научная сессия СОПС АН СССР по вопросам стратегии долгосрочного развития производительных сил области. Сессия послужила образцом и началом достаточно регулярных впоследствии специальных научных конференций по этим важным вопросам. Как и на упомянутой сессии, в таких конференциях принимали участие известные специалисты из многих крупных научных и проектных организаций страны, а также представители заинтересованных министерств и ведомств.

На конференциях формировались и по мере необходимости корректировались основные направления и конкретные ориентиры социально-экономического развития Камчатки.

По результатам экспедиционных исследований 1955—1957 гг. и их обсуждения на упомянутой сессии СОПС АН СССР в 1960 г. была издана монография «Проблемы развития производительных сил Камчатской области» (под редакцией С. В. Славина) [11]. Многие концептуальные положения этой крупной экономической работы не утратили своей актуальности и до настоящего времени.

Указанные выше сессия и монография подвели итог экспедиционному этапу экономических исследований на Камчатке. Становилось все более ясным, что дальнейшее информационное и концептуальное обеспечение разработки долгосрочных стратегий экономического и социального развития области нуждается как в обобщении накопленных на экспедиционном этапе знаний и идей, так и в дальнейшем их углублении и развитии на базе постоянно действующих научных подразделений.

В 1969—1970 гг. в составе Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР была организована Камчатская лаборатория экономических исследований (первый заведующий — Ф. И. Коломийцев). С организацией Дальневосточного научного центра, а позже — Отделения РАН, лаборатория была передана в Институт экономических исследований ДВО РАН, а в 1986 г. — во вновь организованный Камчатский отдел природопользования Тихоокеанского института географии ДВО РАН. После ряда организационных преобразований (включая статус самостоятельного института) этот отдел в настоящее время именуется Камчатским филиалом ТИГ ДВО РАН.

Основными направлениями исследований лаборатории все истекшие 40 лет ее работы оставались разработка научных основ рационального природопользования и комплексного развития производительных сил Камчатской области.

В рамках фундаментальных исследований по указанным направлениям лаборатория участвовала в разработке методического и инструментального обеспечения прогнозирования развития территориальных природно-

хозяйственных комплексов в специфических условиях Севера, а также в разработке методического обеспечения экономической оценки основных элементов природно-ресурсного потенциала региона.

Важными результатами этих исследований в советский период были:

- разработка на основе системной методологии и имитационного моделирования методических подходов и инструментальных средств для междисциплинарного синтеза частнонаучных (природно-ресурсных, технологических и экономических), а также отраслевых (рыбохозяйственных, геологических, сельскохозяйственных и др.) прогнозов в комплексный социально-экономический прогноз развития производительных сил области в условиях централизованного планирования экономики;
- разработка на основе рентного подхода методов оценки экономической эффективности вариантов комплексного и специализированного природопользования для различных экологически обособленных районов Камчатки и ее шельфа.

Прикладные направления научно-исследовательских работ лаборатории в это время охватывали: разработку долгосрочных программ развития основных отраслей хозяйства области (рыбохозяйственного комплекса, энергетики, лесного и сельского хозяйства) и экономическую оценку важнейших видов природных ресурсов (рыбных, минерально-сырьевых, энергетических, рекреационных, земельных, лесных и водных).

Лаборатория постоянно участвовала в разработке:

- региональных разделов Комплексной программы научно-технического прогресса страны;
- территориальных схем районной планировки области;
- практически всех государственных программ развития производительных сил Дальнего Востока в части, касающейся Камчатской области.

Важной и постоянной задачей лаборатории, имеющей как методическое, так и прикладное значение, было ее участие в подготовке и проведении упоминавшихся выше периодических научных конференций по развитию производительных сил Камчатки на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Как правило, лаборатория готовила основной доклад таких конференций (который обычно озвучивали секретари обкома КПСС), а также проекты решений конференций. Принятые конференциями рекомендации и разрабатываемые на их основе долгосрочные программы развития производительных сил Камчатки имели, таким образом, достаточно высокую научную обоснованность, что обеспечивало высокие темпы развития хозяйства и социальной сферы области.

Специфической особенностью экономических исследований того времени была ограниченная возможность полноценной публикации их результатов.

Подавляющая часть научной продукции лаборатории (включая и материалы упомянутых конференций) получала гриф «для служебного использования», а некоторые [9] печатные издания изначально даже «секретно». Только в 1994 г. в открытой печати вышла первая, достаточно крупная, коллективная монография сотрудников лаборатории и ИЭИ ДВО РАН — «Ресурсный потенциал Камчатки» (под ред. А. С. Ревайкина) [12], которая в известной мере подытожила очередной десятилетний этап изучения производительных сил области уже на основе постоянных, а не экспедиционных исследований.

К сожалению, тяжелая ситуация с финансированием всей отечественной науки в 90-е гг. прошлого века и постоянные реорганизации резко сократили численность сотрудников лаборатории (по отношению к началу известного пилотного проекта штат сокращен на 70%).

В настоящее время в лаборатории эколого-экономических исследований Камчатского филиала ТИГ ДВО РАН ведутся исследования по важным, но относительно узким фундаментальным (методология и методика экономической оценки природных ресурсов и биоразнообразия, совершенствование стратегических подходов в управлении природопользованием) и прикладным (оценка воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду, охрана природы и сохранение традиционного природопользования коренных народов Камчатки) проблемам природопользования.

В последние годы по перечисленным направлениям исследований в лаборатории получены достаточно значимые результаты.

Впервые для отечественной и мировой практики разработаны и апробированы методические подходы, а также конкретные модельные инструменты измерения и прямой стоимостной оценки собственных экономических функций биологического разнообразия эксплуатируемых объектов живой природы. Как показали исследования, эти функции состоят в обеспечении устойчивости и максимальной экономической продуктивности эксплуатируемых живых объектов в изменяющихся естественных условиях их воспроизводства [21].

Обоснована концепция и оценена эколого-экономическая эффективность ресурсной специализации крупных провинций Охотского моря, обеспечивающая гарантированную возможность устойчивого использования двух третей биологического и углеводородного потенциалов региона при максимальном сохранении его общего рентного потенциала. Специализация северо-восточных районов Охотоморья исключительно на эксплуатации возобновляемых природных ресурсов может не только обеспечить сохранение четверти всех рыбных ресурсов страны, но и не допустить практически неизбежной в экстремальных местных условиях экологической катастрофы при разворачивании здесь шельфовой добычи углеводородов. Эта катастро-

фа может оказаться значительно тяжелее произошедшей недавно в Мексиканском заливе [19].

Разработаны методические подходы и практические предложения по совершенствованию стратегий природопользования на Камчатке и в прилегающих морских акваториях. Эти подходы предполагают: приоритет бассейнового принципа управления природопользованием в регионе, приоритет сохранения в природном капитале региона лососевого потенциала Камчатки, необходимость расширения и форсирования научной проработки и институционального обеспечения экономических механизмов природопользования, основанных на рентной методологии и арендных отношениях [8; 17; 18; 20].

Как видно из представленных результатов последних лет, тематика исследований старейшей в ДВО РАН экономической лаборатории из-за постоянных реорганизаций, а также недалековидного катастрофического сокращения ее численности становится все более фрагментированной. Если этот процесс не остановить, то уже близка «точка невозврата», когда комплексные региональные экономические исследования необходимо будет начинать сначала. В связи с разрывом преемственности поколений (в лаборатории не осталось молодежи) практических результатов этих исследований придется ожидать очень долго. А без опережающих хозяйственную практику комплексных эколого-экономических исследований природно-ресурсного потенциала региона, без разработки научно обоснованных стратегий и эффективных экономических механизмов его использования природопользование в регионе будет оставаться бессистемным и, следовательно, неустойчивым, экономически неэффективным и экологически опасным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Головнин В. М.* Сочинения и переводы. Т. V. Замечания о Камчатке и Русской Америке в 1809—1811 годах. СПб., 1864.
2. *Дитмар К.* Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Карла фон Дитмара / Пер. с немецкого С. М. Герценштейна, П. П. Шалфеева. Ч.1. СПб., 1901.
3. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки; Рос. академия наук. Репринт. воспроизведение изд. 1755 г. СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994.
4. *Комаров В. Л.* Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг. М., 1912.
5. *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». 1-е изд. Ч. 2. СПб.: Морская типография, 1810.
6. *Литке Ф. И.* Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Севянин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах. Ч. 1—3. СПб., 1834—1836.
7. *Литвиц С. Ю., Ливеровский Ю. А.* Почвенно-ботанические исследования и проблема сельского хозяйства в центральной части долины реки Камчатки. АН СССР. Тр. СОПС. Серия Камчатская. Вып. 4. М. — Л., 1937.

8. *Моисеев Р. С., Михайлова Т. Р.* О стратегиях управления природопользованием в бассейнах лососевых рек Камчатской области. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2007.

9. Особенности формирования Камчатского территориально-производственного комплекса / под ред. П. М. Килина и Ф. И. Коломийцева. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1980.

10. *Правдин И. Ф.* Очерк западно-камчатского рыболовства в связи с общими вопросами дальневосточной рыбопромышленности. Поездка на Камчатку в 1926 г. (17 июня — 23 сентября). Изв. Тихоокеанск. научн. пром. станции. Т. I. Вып. 1. Владивосток, 1927.

11. Проблемы развития производительных сил Камчатской области / под ред. С. В. Славина. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

12. Ресурсный потенциал Камчатки: состояние, проблемы, использование / отв. ред. А. С. Ревайкин. Петропавловск-Камчатский: Камчаткнига, 1994.

13. *Сергеев М. А.* Народное хозяйство Камчатского края. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

14. *Слюнин Н. В.* Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. СПб., 1895.

15. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский кр. Естественно-историческое описание. Т. 1—2. СПб., 1900.

16. *Тюшов В. Н.* По Западному берегу Камчатки // Записки ИРГО по общей географии. Т. XXXVII. СПб., 1906. № 2.

17. *Ширков Э. И.* Некоторые проблемы управления природопользованием в исключительной экономической зоне России. Тр. КИЭП ДВО РАН. Вып. 1. Петропавловск-Камчатский: Камч. Печатный двор, 2000.

18. *Ширков Э. И., Ширкова Е. Э., Дьяков М. Ю.* Экономическая оценка природного потенциала шельфа Западной Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2006.

19. *Ширков Э. И.* Эколого-экономическая эффективность использования природно-ресурсного потенциала Охотского моря // Пространственная экономика. 2010. № 3.

20. *Ширков Э. И., Ширкова Е. Э., Токранов А. М., Авдеев А. С.* Оценка сравнительной эффективности вариантов ресурсной специализации экономики Камчатки в долгосрочной перспективе // Ресурсы регионов России. ВНИИЦ, 2004.

21. *Ширкова Е. Э.* Экономическая оценка биологического разнообразия эксплуатируемых объектов живой природы // Экономические науки. 2008. № 8 (45).

22. *Шмидт П. Ю.* Работы зоологического отдела на Камчатке в 1908—1909 гг. М.: Типография т-ва Рябушинских, 1916.

23. *Erman A.* Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830. Berlin, 1848.

24. *Kittlit Friedrich H.* Von Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, nach Mikronesien und durch Kamtschatka. 2 Bde. Gotha, 1858. Gotha.

25. *Langsdorff G. W.* Remarques sur le Kamtschatka et sur ses productions naturelles // Memoires de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou. T. III. 1812.

26. *Steller G. W.* Beschreibung von dem Lande Kamtschatka dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten herausgegeben von J. B. S. mit vielen Kupfern. Frankfurt und Leipzig bey Johann Georg Fleischer, 1774.

УДК 338.2

Л. В. Потапов, Н. И. Атанов

МОДЕРНИЗАЦИЯ, ИННОВАЦИИ И СТРАТЕГИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Рассмотрены возможности модернизации и инноваций для выведения России из системного кризиса. Показана необходимость формирования национальной комплексной системы стратегирования, которая может стать действенным механизмом модернизации и инновационных технологий. Обоснованы подходы к согласованию стратегических и индикативных планов с механизмами формирования и осуществления промышленной политики.

Модернизация, инновации, стратегирование, программы, план, Байкальский регион, Дальний Восток.

Неустойчивость роста российской экономики, обусловленная чрезмерной зависимостью от внешнеэкономической конъюнктуры, при недостаточной степени диверсифицированности экономики, подтвердилась в форме острой реакции отечественной социально-экономической системы на мировой финансово-экономический кризис. В то же время именно кризис иллюстрирует неизбежность модернизации экономической структуры и технологического базиса как средства повышения степени устойчивости и качества экономического роста.

Призыв к модернизации [4] пока не получил реального воплощения ни в нормативных и правовых актах, ни в программной проработке. Очевидно, в силу огромной емкости самого понятия «модернизация», отсутствия четкой

идеи и цели у инициаторов. На VII Красноярском экономическом форуме в феврале 2010 г. 70% участников (в их числе были бизнесмены, экономисты, политологи) на вопрос первого вице-премьера И. Шувалова: «Вы понимаете, что хочет от вас власть, говоря о модернизации?» — ответили: «Нет» [1].

По сути, модернизация экономики — это процесс ее преобразования и приближения к среде, в которой действующая экономическая система в принципе не воспроизводима. Страна в 2000-е гг. решила задачу сохранения целостности и единства, но из эндогенного кризиса вышла с крайне отсталым технологически производственным аппаратом, односторонней товарно-сырьевой специализацией, за что вновь попала «на крючок», теперь уже экзогенного кризиса. Следовательно, модернизация выступает жизненно важным и необходимым условием устойчивого экономического подъема. Это вынужденная мера, но именно она должна вывести экономику на траекторию, с которой начнется переход от модернизации к нормальному поступательному функционированию.

Для полемизирующих о первичности и вторичности модернизации и инноваций сторон ясный, на наш взгляд, ответ дал Е. Ясин: «Модернизация и инновационная экономика действительно находятся в пересекающихся плоскостях. Вопрос последовательности никакой роли не играет... Модернизация не касается, например, только смены оборудования, она не может носить лишь технологический характер. Это, прежде всего, создание системы предпосылок для формирования полноценной инновационной экономики... Сегодня Россия стоит перед очень сложным вызовом. По своим масштабам и серьезности он превосходит... все то, с чем мы сталкивались при переходе к рыночной экономике. Наша страна должны выйти на принципиально новые для себя позиции, когда не менее 10—15% ВВП будут составлять инновационные продукты и услуги для мировых рынков... Это совсем новая задача. И она потребует колоссальных усилий, предельной мобилизации национальных сил» [2].

Мы разделяем позицию и других отечественных экономистов, склоняющихся к мобилизационному варианту российской модели модернизации, которая предполагает центральную роль государства в управлении данным процессом. Какими средствами, механизмами и инструментами? Прежде всего, необходимо наличие национальной идеи и целевых установок, далее — четкий план их реализации в форме стратегического документа, основанного на учете потенциала развития, мировых тенденций, исторического опыта, программно-прогнозном обосновании количественных и качественных характеристик модернизации и их упорядоченная реализация.

Пространственная развертка национальной стратегии воплощается в аналогичных стратегиях социально-экономического развития мегарегионов

(Северо-Запад, Юг России, Сибирь, Дальний Восток и Забайкалье и др.), субъектов РФ (республика, край, область, округ) и муниципальных образований. Временной горизонт, как правило, распространяется на 10—15 лет (долгосрочный), 3—5 лет (среднесрочный) и 1—3 года (краткосрочный)¹.

Огромные различия в уровне социально-экономического развития регионов должна была помочь преодолеть, по версии федерального центра, специальная федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002—2010 годы и до 2015 года)». Доктриной программы было догоняющее развитие депрессивных и отсталых регионов до среднероссийского уровня. На основе типового макета, подготовленного Министерством экономического развития РФ, эти регионы разрабатывали собственные программы. Была утверждена процедура регистрации региональных программ на предмет соответствия типовому макету. Те регионы, которые успешно преодолевали этот «фильтр», имели право претендовать на финансовую помощь федерального центра [5]. Определенную положительную роль данный подход сыграл. Но в целом политика выравнивания уровня развития регионов с помощью ФЦП «Сокращение различий...» проблему не решила и не могла решить в принципе по объективным причинам. Достаточно объективный анализ эффективности (неэффективности) федеральной политики в управлении развитием регионов с помощью программ дан в работах А. Швецова, В. Марача и др. [3; 6].

В дополнение представим дальневосточную и байкальскую проекцию региональных различий. Дискретное размещение производительных сил на 40% территории России с населением 7% от общей численности россиян фокусирует в себе весь спектр факторов неконкурентоспособности экономики мегарегиона, интегральным показателем которого является «бегство мозгов и мускулов» в более благоприятные по климату, социальному обустройству и экономическому развитию регионы. И не только в европейскую часть России, но и за рубеж. За 20 лет (1991—2010 гг.) Дальний Восток и Забайкалье потеряли без малого 2 млн самых амбициозных, креативных, квалифицированных и трудоспособных людей. Конкретика проблемы озвучена и описана в средствах массовой информации, обсуждалась на конференциях и форумах, рассматривалась на высоком и высшем уровнях российского истеблишмента многократно.

Причины «неподъемности» проблемы выравнивания уровня социально-

¹ Первый долгосрочный федеральный документ, определяющий региональную политику, вышел в 2005 г. — Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации, разработанная Министерством регионального развития РФ, и первый среднесрочный документ — Региональный раздел Программы социально-экономического развития РФ на среднесрочную перспективу (2006—2008 гг.), разработанный Министерством экономического развития РФ.

го развития не только Дальнего Востока, но и всей азиатской части России, достижения конкурентоспособности ее экономики кроется, на наш взгляд, в том, что рыночные регуляторы здесь действуют не на подъем экономической активности в обрабатывающей промышленности, а на сжатие всей экономической системы до границ сырьедобывающих отраслей.

Отсюда и призывы развертывания вахтовых методов организации труда, не требующих сколько-нибудь значимых социальных затрат. Если данный метод получит развитие, то можно ожидать, что уже нынешнее поколение станет участником вахтового метода ведения даже сельского хозяйства.

Сказанное вовсе не означает, что Дальний Восток и Байкальский регион не могут являться субъектами рыночной экономики. Речь о том, что необходимо государственными методами управления поднять производительные силы мегарегиона до того порогового уровня, с которого местные товары и услуги региональной специализации вполне могут конкурировать не только с российскими, но и зарубежными аналогами.

Советская модель основывалась на централизованном планировании отраслей с использованием балансовых методов. Последние также использовались и при территориальном планировании. Отраслевая доктрина предусматривала преимущественное развитие средств производства над производством предметов потребления. Региональная составляющая заключалась в обеспечении равенства в уровне социально-экономического развития всех территорий на основе оптимизации межрегиональных пропорций и социальных предпочтений. Обобщающей доктриной являлась забота о качестве жизни советского народа по принципу «от каждого по способности, каждому по потребности», т. е. по сути стремление к обществу «всеобщего благоденствия». Экономическая и общественно-политическая трансформация СССР опрокинула социалистическую доктрину и на смену коммунистическому романтизму привнесла трезвый расчет, конкуренцию и индивидуализацию общества. Последствия известны.

Абсолютно не фетишируя советское прошлое, но при этом учитывая фактор историзма, преемственности и инерционности системы, авторы считали бы возможным и необходимым конвертировать советскую доктрину в теорию государственного регулирования рыночной экономики. Приземление учений о стратегическом и индикативном планировании и управлении, разработанных для классических форм и современных уровней западной капиталистической экономики, на российскую действительность не представится возможным без привнесения в них научных разработок советских экономистов в области программно-целевых методов планирования¹.

¹ См. труды А. И. Анчишкина, В. Г. Аганбегяна, А. Г. Гранберга, Т. И. Заславской, Л. В. Канторовича, В. В. Кулешова, П. А. Минакира, С. С. Шаталина, Ю. В. Яременко и др.

По нашему мнению, назрела необходимость формирования национальной комплексной системы стратегирования с использованием западных методологий и методов, но с учетом:

- советского опыта разработки долгосрочных и среднесрочных программ, генеральных схем, прогнозов и планов;
- детального анализа причин неудач в реализации федеральных и региональных стратегий, целевых программ и прогнозов постсоветского периода;
- мировой тенденции к глобализации, особенно в странах АТР.

Именно система комплексного стратегирования может стать действенным механизмом модернизации и инновационных технологий. Основные контуры этой системы состоят в следующем.

1. Исходной базой стратегических планов является прогноз долгосрочного научно-технологического, социально-экономического развития.

2. На основе долгосрочного прогноза определяется оптимальный сценарий будущего развития и формируется система национальных целей и приоритетов. В определении целей и приоритетов должны участвовать государство и регионы с привлечением потенциалов науки, бизнеса и гражданского общества с применением форсайт-подхода.

3. Система национальных целей и приоритетов реализуется на основе долгосрочного стратегического плана — стратегий государства и регионов с горизонтом 20—30 лет, разрабатываемых государством и регионами с участием учреждений науки, структур Совета безопасности и Общественной палаты. Стратегический план включает систему обобщающих макропоказателей и балансов (трудовых ресурсов, топливно-энергетического, торгового, платежного, финансового, межотраслевого и др.) и служит основой деятельности государства и регионов, а также и долгосрочным ориентиром для предпринимательских структур. Например, 28 декабря 2009 г. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 2094-р утверждена «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». В настоящее время завершается работа над планом действий по ее реализации, хотя распоряжением определен трехмесячный срок для подготовки. Утверждение плана даст старт для приведения в соответствие субъектных стратегий с федеральной стратегией.

4. Конкретное выражение стратегический план находит в системе долгосрочных стратегий по видам и направлениям деятельности: социодемографической, инновационно-технологической, энергоэкологической, транспортной, территориальной. Стратегии разрабатываются федеральными государственными органами власти с научными учреждениями, принимаются Правительством РФ и утверждаются Президентом РФ. Стратегии должны быть сбалансированы по целям и ресурсам в рамках разрабатываемого плана.

Основным инструментом реализации стратегий развития должны стать национальные программы и проекты с горизонтом на 15—20 лет и целевые программы на 10—15 лет, приведенные в единую субординированную систему. Например, для Республики Бурятия в рамках национальных программ и национальных проектов РФ необходимо разработать региональные целевые программы инновационного типа, носящие прорывной характер в реальном секторе по следующим направлениям: техника для социального сектора; электротехническое машиностроение; авиационное машиностроение (участие в ФЦП); сельскохозяйственное машиностроение; развитие приборостроения; оборонная техника (участие в ФЦП); развитие атомной энергетики (участие в ФЦП); гидроэнергетика; развитие малой энергетики; охрана озера Байкал и социально-экономическое развитие на Байкальской природной территории (участие в ФЦП); переработка сельскохозяйственной продукции.

Именно национальные программы и проекты являются конкретным воплощением стратегически инновационной функции государства в рыночной экономике. С этой точки зрения в социально-экономическом пространстве можно выделить три сектора: рыночный сектор, нерыночный сектор и стратегический инновационный сектор. В последнем секторе иницируются и осуществляются инновационные прорывы, обеспечивающие конкурентоспособность национальной и региональных экономик. Этот сектор может развиваться исключительно на основе партнерства: государство иницирует и вкладывает ресурсы в стартовое освоение базисных инноваций с участием бизнеса; затем бизнес берет на себя распространение новых поколений техники на основе улучшающих инноваций — с участием государства. На наш взгляд, будет правильным, если субъекты РФ, входящие в Дальневосточный и Байкальский регионы, разработают свои региональные целевые программы, аналогичные ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2014—2018 годов и основные направления до 2025 года», уточняемые и продлеваемые через каждые 5 лет.

5. Реализацию стратегических планов и программ, их балансовую увязку необходимо осуществлять с помощью индикативных планов на среднесрочную (3—5 лет) и краткосрочную (1—2 года) перспективу, разрабатываемых государством и регионами и представляемых в Федеральное собрание и Законодательные собрания субъектов РФ на утверждение вместе с проектом бюджета на аналогичный период. Показатели (индикаторы) такого плана служат ориентирами для негосударственного сектора, но являются обязательными для государственного сектора и государственных органов.

6. Необходимо обеспечить полноценное бюджетирование государственных планов и программ. На поддержку стратегических планов модернизации и инновационного обновления экономики в целом следует направлять значительную часть дохода будущих поколений, активно использовать в этих целях механизмы преференциальных поддержек, особенно для стартовых проектов.

7. Потребуется модернизация статистики: федеральной, региональной, муниципальной — для мониторинга и стратегического аудита выполнения стратегических планов, программ и эффективности использования бюджетных средств.

8. Несмотря на неприятие вопроса о создании новой структуры в Правительстве РФ наподобие Госплана, совмещение в одном органе решения текущих и перспективных задач противоречит не только принципам управления, но даже здравому смыслу. Поэтому необходимо создание специализированных структур для осуществления стратегически-инновационной функции государства, например, национального Совета и Совета региона по Стратегии социально-экономического развития, возглавляемого Президентом РФ и высшим должностным лицом региона:

- государственного комитета по стратегическому планированию и программированию во главе с председателем правительства или его первым заместителем, а в регионе — председателем правительства;
- государственного комитета по выработке государственной политики и нормативному правовому регулированию в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности во главе с заместителем Председателя Правительства РФ, в регионе также заместителем председателя правительства.

9. Без модернизации профессионального образования невозможна эффективная реализация новой системы стратегирования.

Особого внимания требуют подходы к согласованию стратегических и индикативных планов с механизмами формирования и осуществления промышленной политики. На наш взгляд, следует выделить промышленную политику из всей совокупности форм и разновидностей политики государства по развитию национальной социально-хозяйственной системы, в силу того, что именно она концентрированно выражает инновационно-созидательные возможности стратегической линии государства. Промышленная политика — это, прежде всего, инновационно-индустриальная политика.

Среднесрочные индикативные планы благодаря их оплодотворению идеями социально-экономической и инновационно-промышленной политики превращаются в мощный фактор повышения наукоемкости всего процесса социально-экономического развития.

Все документы комплексной системы стратегического планирования должна пронизывать инновационная деятельность. Так, например, в Программе социально-экономического развития Республики Бурятия на 2008—2010 годы и на период до 2017 года по разделу 3.4.6. «Инновационный потенциал» необходимо осуществить:

- комплексный анализ конкретных инвестиционных проектов инновационного характера;
- разработку системы показателей и индикаторов и на их основе — оценку величины инновационного потенциала и отраслевой структуры инновационного сектора региона;
- создание структур поддержки инновационной деятельности (венчурные фонды, страховые компании, ОЭЗ, технопарки и др.);
- прогнозную оценку эффективности структур поддержки инновационной деятельности;
- разработку системы государственно-частного партнерства как одного из основных механизмов реализации стратегических задач.

Для того, чтобы идеи данной управленческой инновации имели высокий уровень эффективности, необходимо рассмотреть вариант точечного внедрения в двух-трех пилотных регионах. Одним из них мог бы стать Байкальский регион в составе Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области. Планетарное значение озера Байкал, требующее использования на его природной территории особых, уникальных, экологических видов производств, вполне заслуживает первоочередности в ряду претендентов на пилотный регион. Это с одной стороны. А с другой — Байкальский регион граничит с Монголией и Китаем. Бурное развитие экономики Китая, наряду с положительными сторонами для России, несет в себе также и вызовы по поводу конкурентоспособности по всему периметру направлений регионального и приграничного сотрудничества. Что может противопоставить российская сторона китайскому экономическому гегемонизму? Выработать адекватные меры защиты с помощью рыночных регуляторов невозможно. Интеграция региональных экономик Байкальского региона и Дальнего Востока с Северо-Востоком Китая будет иметь одностороннюю направленность: мы им стратегическое сырье, а они нам ширпотреб плюс рабочую силу.

Выход один — усиленная модернизация экономик Востока России с активным государственным управлением, с применением механизмов стратегического планирования. Источник — рентные платежи за природные ресурсы территории на основе модернизации существующей налоговой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вынужденная модернизация // Ведомости. 15 февр. 2010.
2. Евгений Ясин о неожиданных тенденциях российской экономики во время кризиса. Интервью «Российской газете» // Российская газета. Федеральный выпуск. № 5150 (71). 6 апр. 2010.
3. *Марач В.* Региональное стратегирование как метод повышения эффективности государственного управления региональным развитием в Российской Федерации. <http://www.fondgp.ru/Lib/mmk/66>.
4. *Медведев Д.* Россия, вперед! // Российская газета. Федеральный выпуск. № 4995. 11 сент. 2009.
5. Типовой макет программы экономического и социального развития субъекта Российской Федерации. Приложение 2 к приказу Минэкономразвития РФ от 17.06.2002 г. №170.
6. *Швецов А.* Систематизация инструментов перспективного планирования территориального развития: настоятельная необходимость и конкретные предложения // Российский экономический журнал. 2009. № 1—2.

УДК 338.2

В. Е. Рохчин

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ НАУЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ (отклик на статью П. А. Минакира и А. Н. Демьяненко «Пространственная экономика: эволюция подходов и методология»)

В настоящее время тематика пространственной организации экономики, межрегиональных взаимодействий является все более востребованной, свидетельством чего является рост числа соответствующих публикаций отечественных и зарубежных исследователей (см., напр.: [1; 4]). Стала очевидной невозможность игнорировать пространственную компоненту экономического развития, ибо пространственные диспропорции выступают, в конечном счете, фактором торможения социального прогресса, роста качества жизни населения. В связи с этим появление в журнале «Пространственная экономика» обобщающей статьи П. А. Минакира и А. Н. Демьяненко «Пространственная экономика: эволюция подходов и методология» (3) безусловно является знаковым событием.

По мнению автора, одним из теоретически значимых результатов статьи является вывод о том, что внепространственной экономики нет и быть

не может, ибо она всегда локализована в рамках того или иного региона, и пространственный фактор объективно влияет на процессы экономического развития, как на уровне фирмы, так и региона и страны. Поэтому исследование фактора экономического пространства должно входить в состав задач, решаемых на уровне и микро-, и макроэкономики: «Любые суждения об эффективности фирмы вне экономического пространства могут вызывать только удивление. Но не меньшее удивление могут вызывать суждения (а они относительно часты) относительно макроэкономических пропорций без учета таких свойств экономического пространства, как иерархичность и неоднородность» (3, с. 11). Здесь автор в полной мере разделяет удивление П. А. Минакира и А. Н. Демьяненко.

Обращаясь к рассмотрению проблемной области пространственных аспектов экономики, авторы статьи справедливо отмечают, что границы ее всегда подвижны, постоянно изменяются в зависимости от стадии познания объекта исследования, общего состояния экономической науки. В связи с этим представляется весьма полезным рассмотрение исторического аспекта эволюции пространственных исследований в экономике, что существенно для уточнения современных границ проблемной области пространственной экономики, формирования целостной теоретико-методологической базы исследований.

В статье показано, что в самом общем виде пространственные исследования в экономике в своем развитии прошли три этапа. В целом автор понимает и принимает критерии выделения этих этапов эволюции пространственной экономики. Согласен он и с тем, что первый из них состоит в выявлении особенностей конкретных проявлений экономической деятельности в различных географических условиях. Однако с названием этого этапа — «экономика регионов» — трудно согласиться. На наш взгляд, это определение не вполне соответствует содержанию этапа. Если идти вслед за авторами статьи, которые формулируют ключевые задачи этапа как ответы на вопросы: «1) почему тот или иной вид деятельности развивается в данных географических координатах; 2) для какого (каких) вида деятельности наличные природные и экономические условия наиболее благоприятны по сравнению с другими географическими районами, то есть, каковы параметры структурной конкурентоспособности того или иного региона?» (3, с. 17), то в названии этапа должно быть как минимум упоминание о конкурентоспособности регионов.

Следующий этап пространственных исследований в экономике с точки зрения эволюции теории пространственной экономики состоит в расширении их предметной области. Здесь в дополнение к двум уже отмеченным выше задачам определяются такие как: «1) где и как может быть получен наи-

больший эффект применения факторов производства; 2) каков эффект системного функционирования экономических агентов в пределах географической локализации для национальной экономики?» (3, с. 22).

Этот этап исследований обозначен как «региональная экономика», и вполне логичными были бы дополнительные пояснения относительно терминологических отличий понятий «региональная экономика» и «пространственная экономика». Также было уместно показать отношение авторов, например, к результатам исследований Б. Х. Краснопольского [2], предложившего оригинальную трактовку понятия «пространственная экономика», рассмотревшего соотношение региональных и пространственных экономик. Хотя, возможно, это тот случай, когда у авторов просто не было времени должным образом отреагировать на столь необычную работу. Впрочем, справедливости ради следует отметить: круг источников, вовлеченных в анализ П. А. Минакиром и А. Н. Демьяненко, весьма обширен и разнообразен.

В рассматриваемой статье справедливо отмечается, что современный этап пространственных исследований экономики характеризуется существенным усложнением региональных экономических систем, функционирующих в условиях глобализации и усиления влияния социальных и институциональных систем. В результате национальные экономики стали представлять собой в существенной степени систему взаимодействующих экономических агентов, что актуализирует задачу обеспечения их социально ориентированного, пропорционального, сбалансированного, безопасного, инновационного и эффективного пространственного экономического развития для достижения намеченных целей социального, экономического и экологического характера [5].

Решение такой задачи не может быть осуществлено только путем использования экономических критериев при определении оценок общественной полезности размещения ресурсов за счет действия рыночных механизмов. В этой ситуации необходимо осуществить, во-первых, разработку и реализацию в рамках общегосударственной пространственной экономической политики ее регионального среза, во-вторых, собственно региональную пространственную экономическую политику. Это потребует создания специального научно-методического обеспечения, что является весьма сложной задачей, так как сегодня еще не сформировано общесистемное представление о теоретико-методологических основаниях исследования пространственного фактора в экономике. Свидетельством этого являются, в частности, результаты Первого российского экономического конгресса (Москва, декабрь 2009 г.) [4].

По-видимому, следует согласиться с выводом авторов статьи о «незавершенности процесса теоретического и методологического оформления

научной системы, описывающей макро-, микро- и глобальную экономическую динамику. Пространственный аспект многомерных экономических систем в современных условиях не может быть адекватно описан существующими подходами в рамках региональной экономики» (3, с. 30). Действительно, необходимо совершенствовать научную основу описания пространственной экономической динамики, прежде всего, в интересах повышения эффективности пространственной организации экономики регионов и межрегиональных взаимодействий, а в конечном счете экономики страны.

Вместе с тем из общей теории систем следует, что результаты экономического развития региона как сложной системы зависят главным образом от того, каков региональный экономический потенциал, воспроизводство которого лежит в основе развития его экономики, и насколько эффективно осуществляется управление этим потенциалом, рассматриваемое как ключевое условие его практической реализации. А это актуализирует, в свою очередь, проблематику научного обеспечения, во-первых, оценки пространственного фактора развития экономики региона как составляющей регионального экономического потенциала; во-вторых, стратегического управления пространственным фактором экономического развития регионов.

В связи с этим попытаемся охарактеризовать вкратце возникающий в связи с этим круг основных задач, требующих решения. Прежде всего, необходимо выяснить сущность понятия «пространственный фактор экономического развития региона». Задача эта не так проста, как может показаться на первый взгляд. Факторы регионального экономического развития постоянно являются предметом исследований современных ученых-экономистов, которые высказывают самые разные позиции относительно их сущности, классификации, степени влияния на конечные результаты развития экономики региона. Причем собственно пространственные факторы экономического развития специально, как правило, не рассматриваются. Более того, в многочисленных региональных стратегиях, начиная с федеральных округов и кончая муниципалитетами, экономическое пространство зачастую просто отсутствует.

Далее необходимо также разработать систему показателей для количественной оценки составляющих пространственного фактора развития экономики региона, без чего нельзя приступить к построению моделей пространственного экономического развития. Конечно, здесь можно сказать, что по своим объемам и достоверности исходные данные, требующиеся для построения такого рода моделей, не удовлетворяют современным требованиям, т. к. данные государственной статистики неполны и зачастую противоречивы, а информация, характеризующая деятельность бизнес-структур, зачастую недоступна под предлогом коммерческой тайны.

Наконец, научное обеспечение стратегического управления пространственным экономическим развитием региона связано, прежде всего, с выяснением сущностных характеристик и основных закономерностей такого управления, определением состава и базовых принципов построения системы управления пространственным развитием региональной экономики, содержательным раскрытием основных функций управления региональным пространственным экономическим развитием — стратегическим анализом пространственного экономического развития региона, формированием системы целей региональным пространственным экономическим развитием и механизма их реализации. Помимо этого, и организационная сторона дела оставляет желать лучшего. Как правило, разработкой и реализацией стратегий в регионах, за редким исключением, занимаются не специализированные структуры, а подразделения общеэкономического профиля, вынужденные заниматься этой работой от случая к случаю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гранберг А. Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион. 2009. № 2.
2. Краснопольский Б. Х. Пространственные науки и их роль в изучении экономики // Пространственная экономика. 2010. № 1.
3. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2.
4. Материалы Первого Российского экономического конгресса. <http://www.econogus.org/congress2009.phtml>.
5. Рохчин В. Е., Андреев В. Н. Развитие экономики региона: сущность, критерильные требования и условия. Псков: ПГПУ, 2008.

КОММЕНТАРИИ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Редакционная коллегия с признательностью публикует впечатления проф. В. Е. Рохчина от статьи П. А. Минакира и А. Н. Демьяненко «Пространственная экономика: эволюция подходов и методология» и будет благодарна всем, кто сочтет для себя возможным поделиться своими мыслями по поводу рассматриваемых проблем. Это тем более важно, так как степень упорядоченности и системности представлений в области пространственной экономики действительно очень мала. Зато очень велик груз накопленных противоречий, двусмысленностей и случайных предположений, как в сфере конструирования общих теоретических положений, так и в области терминологии. Это свидетельствует о настоятельной необходимости продолжения дискуссии относительно систематизации методологических и терминологических основ пространственной экономики как научного направления.

АЗИАТСКАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

23—24 сентября 2010 г. в Университете Цинхуа (г. Пекин, КНР) состоялся 9-й семинар в рамках проекта «Азиатская энергетическая безопасность» (East Asia Science and Security). Организаторами семинара выступили Институт по безопасности и устойчивому развитию Наутилус (The Nautilus Institute for Security and Sustainable Development, США — Австралия) и Пекинский энергетический учебный центр при Университете Цинхуа.

Участниками проекта «Азиатская энергетическая безопасность» являются группы специалистов-экспертов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона: Австралии, Вьетнама, Индонезии, Китая, КНДР, Республики Корея, России, Тайваня, США, Японии. Используя специализированную модель LEAP¹, эксперты выполняют прогнозирование развития энергетического сектора национальных экономик с учетом национальных приоритетов энергетической безопасности. Общая методология позволяет моделировать развитие энергетики и решение тех или иных проблем как на уровне отдельной страны (региона), так и на уровне группировки стран (регионов) с учетом возможных вариантов сотрудничества. Значительное внимание в проекте уделяется различным сценариям развития ядерной энергетики в странах-участниках, и, в частности, возможным вариантам организации ядерного топливного цикла на региональном и национальном уровнях.

Первая сессия семинара открылась докладом российской команды. Доклад сотрудников Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск) д-ра экон. наук *Ломакиной Н. В., Деминой О. В., Новицкого А. А.* был посвящен текущему состоянию и перспективам развития энергетики Дальневосточного федерального округа РФ. Авторы проанализировали как благоприятные тенденции (ввод новых генерирующих мощностей, формирование структуры стратегических компаний-операторов и рамочных условий работы базовых рынков топлива и энергии, снижение остроты проблемы неплатежей и др.), так и ряд проблем стратегического характера (технологическое и экономическое обособление энергосистем округа от национального рынка энергии и мощности, износ оборудования в стационарной энергетике, нестабильность коммунальной энергетики и др.). Были рассмотрены ситуация с реализацией крупномасштабных проектов ТЭК Дальнего Востока в 2008—2010 гг. и перспективы развития атомной энергетики в регионе. Также были показаны предварительные результаты сценарного прогнозирования ТЭК ДФО с использованием программно-вычислительного комплекса LEAP.

С докладом о развитии энергетического сектора Республики Корея выступила сотрудник Института экономики энергетики Кореи (КЕЕИ) *Джимин Парк (Jimin Park)*. Она отметила, что при среднегодовых темпах прироста ВВП 7,3% в течение

---

¹ Long-range Energy Alternatives Planning system — специализированное программное обеспечение для моделирования сценариев развития производства (добычи), переработки, преобразования, транспорта, распределения, конечного использования топлива и энергии в стране / регионе, группе стран / регионов.

последних 40 лет (1970—2009 гг.) средний годовой темп роста потребления энергии составил 6,6%, в результате значительно снизилась энергоемкость ВВП. Докладчик отметила, что по прогнозам валовое потребление энергоресурсов продолжит расти, однако темп будет постепенно замедляться: с 2,6% в 2006—2010 гг. до 0,6% в 2020—2030 гг. Доля нефти снизится с 43,6% в 2006 г. до 34,2% в 2030 г. как в связи с высокими ценами на нефть, так и с проектируемым изменением структуры промышленного производства. Энергоэффективность экономики Республики Корея является одной из самых низких в странах ОЭСР. По мнению г-жи Парк, это объясняется более высокой долей обрабатывающей промышленности в ВВП и более низкой долей сектора услуг: так, если в США на долю сектора услуг приходится более 76% ВВП, то в Республике Корея — 57%. В связи с этим приоритетами национальной энергетической политики являются повышение энергетической эффективности, энергосбережение, защита окружающей среды. В рамках этой политики планируется увеличить долю энергии возобновляемых источников с 2,4% в 2008 г. до 11% в 2030 г., долю атомной энергии — с 36% в 2007 г. до 40% в 2030 г.

Сотрудник Института по безопасности и устойчивому развитию Наутилус д-р Дэвид Вон Хунпел (*David Von Hippel*) выступил с докладом о результатах моделирования в ПВК LEAP сектора энергетики Республики Корея по материалам работы д-ра Ким Хосок (*Kim Hoseok*).

Г-жа Каэ Такасэ (*Kae Takase*), старший научный сотрудник и вице-президент компании Governance Design Laboratory, выступила с докладом о современном состоянии энергетики Японии и результатах моделирования в программно-вычислительном комплексе LEAP. Докладчик отметила, что в последние годы в Японии продолжилась тенденция снижения валового потребления энергии во всех секторах экономики. Кроме этого, в структуре потребления происходит замещение в пользу источников энергии с низкими выбросами углекислого газа. Так, в структуре потребления первичной энергии в 2005—2008 гг. доля газа выросла с 14 до 17%, в то время как доля нефти снизилась с 50 до 47%.

Несмотря на серьезные усилия в сфере развития возобновляемых источников энергии, их доля в структуре валового потребления остается крайне низкой — на уровне 2%. В последние годы активно развиваются такие направления, как использование ветряной и солнечной энергии. Основными инструментами, стимулирующими развитие возобновляемых источников энергии, являются: требования к минимальной доле возобновляемых источников в валовом производстве электроэнергии (1,6% с 2003 г.), обязательства для генерирующих компаний приобретать электроэнергию, полученную из возобновляемых источников, у мелких производителей или домохозяйств (с 2009 г. такое правило действует для солнечных батарей, установленных на крышах домов, а с 2012 г. планируется распространить его на все виды возобновляемой энергии), а также субсидии и «зеленые сертификаты» для стимулирования спроса на солнечные элементы. В целом для частных потребителей солнечная электроэнергия продолжает оставаться дорогой альтернативой. Так, например, средняя стоимость солнечных элементов, устанавливаемых на крыше дома, составляет порядка 20 тыс. долл. США, а срок окупаемости, даже с учетом предоставляемых государством субсидий, может составить до 20 лет.

Вопрос организации ядерного топливного цикла также является актуальным для Японии. С 1993 г. реализуется проект строительства первого в Японии завода по регенерации ядерного топлива в деревне Роккасэ (префектура Аомори). Намеченный на октябрь 2010 г. ввод в строй этого завода был отложен еще на два года в связи с необходимостью дополнительной технической модернизации. Проблемы с его вводом в эксплуатацию могут усложнить ситуацию на японских атомных электростанциях, где временные хранилища отработанного ядерного топлива близки к заполнению, а

также негативно повлиять на реализацию намеченных властями планов строительства в стране к 2020 г. девяти новых АЭС.

Г-жа Каэ Такасэ отметила, что важнейшей проблемой японской энергетики является достижение целей в рамках Киотского протокола. К 2012 г. объем выбросов парниковых газов должен быть снижен на 6% по сравнению с уровнем 1990 г. Еще в 2007 г. фактический уровень составлял +9% от 1990 г., но уже в 2009 г. был достигнут уровень на 7% ниже, чем в 1990 г. Важную роль в снижении выбросов и достижении целей сыграло сокращение производства и экономической активности в условиях мирового экономического кризиса.

Новый план развития энергетики, одобренный кабинетом министров в 2010 г., направлен на переход к низкоуглеродной экономике. В числе заявленных в нем целей — снижение выбросов в жилищном секторе на 50% к 2030 г., повышение доли энергии из возобновляемых источников в валовом потреблении с 2 до 10% к 2020 г.

Подробный обзор энергетического сектора Тайваня сделали профессор *Бор Ю. Дж.* (*Bor Yunchang Jeffrey*), профессор *Хуанг Ё.* (*Huang Yophy*) и г-жа *Пенг Чи-Ю* (*Peng Chieh-Yu*). Тайвань отличается чрезвычайно высокой зависимостью от импорта энергоресурсов (98%), преобладанием нефти в структуре потребления первичной энергии (51%), высокой зависимостью от импорта нефти из стран Ближнего Востока (80% всего импорта нефти).

В 2009 г. на Тайване был принят закон «О возобновляемых источниках энергии». В законе предусмотрены меры, направленные на стимулирование использования возобновляемых видов энергии: льготные кредиты, субсидии, помощь в приобретении прав на землю, ценовая политика и др. Основной целью является увеличение доли мощностей на основе возобновляемых источников энергии в энергосистеме до 15% (8450 МВт), из которых 2500 МВт будет приходиться на гидроэнергию, 3000 МВт — на ветряную энергию, 1000 МВт — на солнечную энергию, 1400 МВт — на энергию биомасс.

В настоящее время на Тайване разрабатывается закон «О снижении выбросов парниковых газов». Целевым ориентиром является возврат к уровню выбросов 2008 г. в период 2016—2020 гг. и в дальнейшем к уровню 2000 г. (214,5 млн т) к 2025 г. Закон о снижении выбросов предполагает реализацию в виде трех этапов: 1) создание национального реестра парниковых газов и системы регистрации выбросов; 2) введение стандартов и норм для различных энергопотребляющих процессов; 3) введение системы торговли квотами на выбросы.

В разработке также находится и так называемый «Зеленый закон». Основной идеей этого закона является введение комплексной системы налогов на потребление невозобновляемых энергоресурсов и связанные с этим выбросы углерода таким образом, чтобы полученные доходы направлялись в пользу снижения государственного налога на доход, а также на субсидирование общественной транспортной системы. Планируется, что закон будет принят в течение 2011 г.

Продолжаются споры о целесообразности строительства дополнительных мощностей атомной генерации. Основной проблемой является отсутствие комплексного плана по утилизации и захоронению отработанного топлива и радиоактивных отходов. Предполагается, что доля атомной генерации в объеме установленных мощностей может вырасти с 11% в настоящее время до 20—25% к 2025 г.

Доклад д-ра *Фам Хан Тон* (*Pham Khanh Toan*) и г-на *Нуен Мин Бао* (*Nguyen Minh Bao*) из Института энергетики Вьетнама был посвящен описанию текущего состояния энергетики Вьетнама. Авторы отметили, что в 1999—2009 гг. средний темп прироста энергопотребления составил 5,3% в год. При этом наиболее высокие темпы прироста электропотребления отмечаются в жилищном секторе — около 16,3% в год, в то время как средние темпы в промышленности составляют всего 6,8%.

В 2010 г. во Вьетнаме был принят закон «Об энергосбережении», который направлен, прежде всего, на использование потенциала энергосбережения в наиболее энергоемких отраслях. Закон обязывает все энергоемкие производства разработать планы по повышению энергетической эффективности.

В июне 2010 г. во Вьетнаме был утвержден план развития атомной энергетики, согласно которому к 2030 г. мощность установленных АЭС будет составлять 15 ГВт (10% от общего объема установленной мощности). К 2020 г. планируется строительство и сдача двух первых во Вьетнаме атомных энергоблоков мощностью 1 ГВт каждый.

Доклад «Обзор энергетики КНР и результаты работы по модели LEAP» подготовили профессора Ванг Янжиа (*Wang Yanjia*), Гу Алун (*Gu Alung*) и Жанг Алинг (*Zhang Aling*) из Пекинского энергетического учебного центра при Университете Цинхуа. Авторы доложили, что в последние годы в КНР происходил значительный рост валового потребления энергии. Крупные инвестиции были направлены в строительство объектов электроэнергетики и нефтехранилищ для обеспечения устойчивых поставок энергии и поддержания экономического роста. В целях обеспечения устойчивого развития экономики ключевыми приоритетами национальной стратегии развития стали энергосбережение и развитие альтернативных источников энергии. В пятилетнем плане КНР на 2006—2010 гг. была поставлена задача снизить энергоемкость ВВП на 20%, объем выбросов вредных веществ в атмосферу — на 10%. По данным статистики, в 2005—2009 гг. энергоемкость ВВП снизилась на 15,6%.

Ежегодно снижается средний удельный расход топлива на единицу выработанной электроэнергии, в настоящее время он составляет 316 гут/кВтч. В числе мер, направленных на его снижение, — закрытие электростанций малой мощности (200 МВт). В области повышения эффективности использования энергии активно вводятся и обновляются стандарты энергопотребления. С 2008 г. такие нормы действуют для широкого спектра производственных процессов.

Серьезное внимание уделяется энергосбережению на транспорте. С 2009 г. в КНР действует налог на потребление бензина. При этом налог на топливо для владельцев малогабаритных и гибридных автомобилей снижен с 5 до 2,5%. В результате реализации второго этапа мер по нормированию расхода топлива с 2009 г. из 2374 видов транспортных средств были сняты с производства 444 вида.

Рост объема установленных мощностей в Китае в последние годы можно назвать беспрецедентным. В 2003—2008 гг. объем увеличился вдвое — с 400 до 800 ГВт. В структуре установленных мощностей электрогенерации (2008 г.) основная доля приходится на тепловые электростанции (76%), значительную часть составляет гидрогенерация (21,6%). К 2020 г. планируется увеличить установленные мощности ветряной генерации с 20 до 86 ГВт, солнечной генерации — с 0,3 до 2 ГВт.

В продолжение серии докладов об энергетике Китая г-н Ху Тао (*Hu Tao*), сотрудник Центра стратегических исследований при Министерстве охраны природы, сделал доклад на тему: «Комплексный контроль выбросов парниковых газов и загрязнителей воздуха в рамках XII пятилетнего плана КНР». Основная идея доклада заключается в том, что необходимо реализовать систему единого комплексного контроля над выбросами загрязняющих веществ в атмосферу и выбросами парниковых газов, поскольку эти процессы взаимосвязаны. Наилучшим решением, по мнению Ху Тао, будет совместный анализ затрат и выгод по этим двум направлениям и подбор инструментов политики для максимизации чистой выгоды. Этот подход является альтернативой традиционным подходам налогообложения, нормирования уже существующих процессов загрязнений и выбросов парниковых газов независимо друг от друга.

Сотрудники Института атомной и новой энергии при Университете Цинхуа

Ванг Джие (*Wang Jie*), Ю Сяоли (*Yu Xiaoli*) и Янг Сяоёнг (*Yang Xiaoyong*) подготовили доклад о развитии атомной энергетики в КНР. Авторы отметили, что в 2004 г. правительство Китая изменило приоритет развития атомной энергетики с «умеренного» на «активное». В настоящее время в Китае действуют 13 атомных реакторов общей мощностью 10 ГВт. Запланированы к введению еще 62 реактора общей мощностью 68 ГВт, из которых 24 реактора уже находятся в фазе активного строительства. Часть реакторов произведена в Китае, где существует три центра производства компонентов для атомной энергетики, а другие импортированы из Канады, России и Франции. С 2010 г. в Китае проводятся испытания нового реактора на быстрых нейтронах.

Текущие планы КНР по наращиванию новых мощностей атомной генерации являются беспрецедентными: общий объем установленных мощностей будет увеличен с 9 ГВт в 2009 г. до 80 ГВт в 2020 г. и в перспективе до 200 ГВт в 2030 г. Серьезные шаги делаются Китаем в создании полноценной системы ядерного топливного цикла. Так, в 2010 г. начал работу один из крупнейших заводов по переработке отработанного топлива. В настоящее время все элементы этой системы присутствуют: разведка и добыча урана, конверсия, разделение изотопов урана, производство ядерного топлива и переработка отработанного топлива.

В докладе «Обзор энергетического сектора Индонезии: текущее состояние и планы развития» д-ра *Индриянто А. Р. С. (Indriyanto Asclepias R.S.)* и *Сукма Сеприана (Sukma Sepriana)* отметили, что валовой объем потребления энергии в Индонезии продолжает расти, несмотря на ряд мер по его снижению. В 2000—2005 гг. наиболее высокие темпы роста объемов выбросов парниковых газов были в секторе энергетики (5,7%). В то же время прирост выбросов в промышленности был в 2 раза ниже — 2,6% в год. Более половины выбросов в секторе ТЭК приходится на нефте- и газоперерабатывающую промышленность. Среди других проблем энергетики Индонезии авторы отметили отсутствие комплексной государственной политики энергосбережения и высокий уровень субсидирования топлива на транспорте.

В продолжение темы прозвучал доклад г-на *Фаби Тумива (Fabby Tumiwa)* на тему: «Изменение климата: позиция Индонезии». Докладчик отметил, что цель, озвученная президентом Индонезии на саммите G20 в Питсбурге (2009 г.) о сокращении выбросов углекислого газа к 2020 г. на 26—41%, является слишком амбициозной. При сохранении текущих тенденций объемы выбросов вырастут с 2100 млн т в 2005 г. до 3300 млн т в 2030 г. По оценкам экспертов, в краткосрочной перспективе максимальный потенциал по сокращению выбросов сосредоточен в лесном хозяйстве. При этом развитие атомной энергетики в Индонезии пока не рассматривается в качестве меры по снижению выбросов парниковых газов.

По мнению докладчика, в течение последующих 25 лет ожидается 8—10-кратное увеличение спроса на электроэнергию (с 120 до 970 кВтч). Вопросы наращивания мощностей атомной генерации по-прежнему не получают поддержки как на правительственном уровне, так и на уровне общественности. По самым оптимистичным оценкам, строительство АЭС в Индонезии начнется в 2018 г.

С заключительным докладом на семинаре выступил сотрудник Института Наутилус, один из организаторов проекта «Азиатская энергетическая безопасность», д-р *Дэвид Вон Хиппел (David Von Hippel)*. Его доклад был посвящен сценариям развития сотрудничества между странами АТР в вопросах развития атомной энергетики и организации ядерного топливного цикла. Основой для исследования стали данные о развитии атомной энергетики, предоставленные десятью странами-участниками проекта. Докладчик представил возможные варианты роста динамики установленных мощностей атомной генерации и производства электроэнергии в регионе. По оценкам д-ра Вон Хиппела, валовое потребление электроэнергии в регионе АТР мо-

жет вырасти с 4,3 ТВт в 2008 г. до 6 ТВт в 2020 г. Совокупный объем установленных мощностей атомной генерации в регионе в инерционном сценарии может составить до 200—250 ГВт к 2030 г.

Во второй части доклада д-р Вон Хиппел рассмотрел возможные сценарии сотрудничества в области ядерного топливного цикла, включая варианты с созданием совместных региональных центров по обогащению урана, переработке отработанного топлива и утилизации отходов, управляемых международным консорциумом, а также создание совместных запасов ядерного топлива объемом на 1 год. Делая выводы, докладчик подчеркнул, что разница в денежных затратах между сценариями менее важна, чем вопросы нераспространения ядерных материалов, общественной и военной безопасности. При этом варианты с использованием региональных или международных объединений дают определенные преимущества, однако требуют значительных усилий для реализации.

А. А. Новицкий, О. В. Демина

19-Й ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

26—27 августа в г. Улан-Батор (Монголия) состоялся 19-й экономический форум Северо-Восточной Азии. В этом году форум проходил при поддержке Министерства иностранных дел и торговли Монголии, правительства Монголии, Монгольской ассоциации Северо-Восточной Азии и Монгольского Азиатско-Тихоокеанского института. В форуме приняли участие представители бизнеса, науки и государственного управления Китайской Народной Республики, Японии, Республики Корея, Монголии, Российской Федерации, США и Европейского союза.

В этом году в повестке форума стояло пять сессий:

- Добыча полезных ископаемых в Северо-Восточной Азии (СВА);
- Сотрудничество в сфере энергетики и защиты окружающей среды;
- Сотрудничество в сфере транспорта и логистики;
- Финансовое сотрудничество в СВА;
- Трансграничное сотрудничество в СВА.

Во вступительной речи, открывшей работу форума, было зачитано обращение президента Монголии *Цахиагийн Элбэгдорж (Tsakhia Elbegdorj)* к делегатам. В своем обращении президент подчеркнул важность расширения и укрепления сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Президент также высоко оценил работу Экономического форума Северо-Восточной Азии (NEAEF) в продвижении идеи региональной кооперации и усилия этой организации в продвижении идеи создания Банка сотрудничества и развития СВА (NEABCD). С приветственным словом выступил председатель форума д-р *Ли-Чжэй Чо (Lee-Jay Cho)*, а также бывший спикер Национального собрания Республики Корея, г-н *Парк Кван-Йонг (Park Kwan-Yong)*; бывший заместитель председателя Постоянного Комитета собрания народных представителей Китайской Народной Республики г-н *Цзян Чженхуа (Jiang Zhenghua)*; временный поверенный в делах, заместитель главы миссии посольства США в Монголии от имени посла США в Монголии г-на *Аделтона*, г-н *Хилл*; бывший губернатор штата Гавайи (США) г-н *Араёшю (Georg Ariyoshi)*; мэр г. Улан-Батор г-н *Мокхабаяр Гомбосурен (Monkhbayer Gombosuren)*. Обращение губернатора Хабаровского края

В. И. Шпорта к делегатам форума зачитал директор Института экономических исследований ДВО РАН *П. А. Минакир*.

Пленарный доклад, предваряющий работу сессий, сделал д-р *Накаяма Таро (Nakayama Taro)*, бывший министр иностранных дел Японии. Д-р Накаяма представил делегатам и участникам форума экскурс в историю экономического форума стран СВА и подчеркнул важность развития инфраструктуры региона для усиления кооперации между странами региона. В завершение своей речи д-р Накаяма призвал лидеров стран СВА к сотрудничеству по широкому спектру вопросов региональной интеграции и, в особенности, в идее создания Банка сотрудничества и развития СВА.

Первый день форума открывала сессия «*Добыча полезных ископаемых в Северо-Восточной Азии*», на которой были представлены доклады о перспективах развития добывающего сектора экономики Монголии, состоянии запасов полезных ископаемых сопредельных стран и возможностях международного сотрудничества в этой сфере. В частности, стоит особо отметить доклад заместителя директора Erdenes MLG¹ г-на *Темуулена Ганзарика (Temuulen Ganzorig)* «Стратегически важные запасы полезных ископаемых Монголии» — о развитии двух крупнейших международных проектов по добыче угля, золота и меди на месторождениях Таван-Толгой и Ою-Толгой и перспективах освоения новых запасов нефти, урана и природного газа на юге и юго-западе Монголии.

Директор Института экономических исследований ДВО РАН академик *П. А. Минакир* выступил с докладом «Горнодобывающий сектор Дальнего Востока России и его связь с Северо-Восточной Азией», в котором была представлена оценка сектора минеральных ресурсов Дальнего Востока России, изложенная в государственной стратегии развития Дальнего Востока России до 2025 г. и Федеральной целевой программе развития Дальневосточного региона до 2013 г. Согласно оценке, использование богатого природно-ресурсного потенциала позволяет региону занять сильную конкурентную позицию как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Основной же задачей, по мнению докладчика, является постепенная модернизация и удержание лидирующей позиции горнодобывающей промышленности как ключевого сектора экономики Дальнего Востока России. Общая сумма ожидаемых инвестиций в новые проекты добычи и переработки (ресурсные и инфраструктурные) превышает 30 млрд долл. США. Китайская сторона заинтересована в формировании горно-металлургического кластера в Амурской области, финансируя почти 70% стоимости работ, за счет предоставления кредита совместному предприятию «Петропавловск». Интересы Республики Корея в основном направлены на металлургический сектор (например, Камчатское титаномагнетитовое месторождение).

Комментарии к сессии сфокусировались на проблемах, которые могут возникнуть в Монголии в связи со столь быстрым ростом этого сектора экономики, и на возможных действиях государства для их предотвращения или смягчения.

Сессия «*Сотрудничество в сфере энергетики и защите окружающей среды*» объединила исследования энергетической тематики и энергосберегающих технологий и включала шесть основных докладов представителей Китая, Японии, Республики Корея и Монголии. Эти страны имеют разные структуры энергопотребления и как следствие разные стратегии, направленные на повышение энергоэффективности и снижение выбросов углекислого газа в атмосферу.

¹ Образованная в 2007 г. государственная горнодобывающая компания, управляющая стратегически важными запасами полезных ископаемых Монголии. Разрабатывает месторождения угля и железной руды Аван-Толгой, Ою-Толгой, а также перспективные месторождения урана и драгоценных металлов на юге и юго-востоке Монголии, такие как Гурван-Булаг и Бороо.

Широкий подход Китая к использованию топлива, производящего меньше выбросы углекислого газа в атмосферу, а также пути расширения использования возобновляемых источников энергии представили в своем докладе руководитель секции Департамента нефти и природного газа, Государственного бюро энергетике Китая г-н Ван Вейпинь (*Wang Weipin*) и директор отдела международного сотрудничества Института международных экономических исследований г-н Чжан Цзяньпин (*Zhang Jianping*).

Директор отдела энергетической политики Министерства экономики знаний Республики Корея г-н Ван Мин-Хо (*Wang Min-Ho*) представил доклад «Политика Кореи в области энергоэффективности для зеленого роста». Докладчик отметил, что правительство Республики Корея уделяет большое внимание вопросу энергоэффективности и использованию возобновляемых источников энергии. Согласно существующей долгосрочной политике государства, в долгосрочной перспективе планируется снизить выбросы парниковых газов на 30% с ежегодным увеличением национального показателя энергоэффективности на 2,5% за счет административных мер, а также крупных инвестиций в энергосберегающие технологии.

Г-н Инума Ёшики (*Inuma Yashiki*), директор отдела исследований JEIPIC Inc. (Japan Electric Power Information Center, Inc.), в своем докладе «Устойчивое будущее зеленых технологий на примере Японии» представил стратегический план своей страны в сфере энергетики. План включает в себя повышение показателя энергетической независимости с 38 до 70%, поддержание самого высокого в мире уровня энергоэффективности в промышленном секторе и развитие энергосберегающих технологий.

Перспективы сотрудничества Монголии со странами региона представил в своем докладе «Сотрудничество в сфере электроэнергетики в Северо-Восточной Азии» директор отдела стратегий «Just Group» LLC г-н Ендонгомбо Генденсурен (*Yondongombo Gendensuren*). По мнению докладчика, правительство Монголии в последние годы обратило свое внимание на расширение энергетического сотрудничества в регионе, огромные запасы природных ресурсов (природный газ и уголь) могут помочь ей стать альтернативным поставщиком энергии для стран Северо-Восточной Азии. Так, например, с 2005 г. ведутся переговоры с китайской стороной о строительстве теплоэлектростанции, работающей на топливе с угольного месторождения Шивии Овоо (Монголия). Большую часть выработанной электроэнергии (до 80% от проектной мощности) этой станции планируется поставлять на экспорт в северные провинции Китая.

В комментариях к докладам участников отмечена высокая важность эффективного использования «зеленых» технологий и осуществления правительственных программ охраны окружающей среды.

Первый день форума завершился сессией «Сотрудничество в сфере транспорта и логистики». Доклады осветили роль, которую международная логистика и транспорт играют в региональном развитии.

Доклад советника министра транспорта, строительства дорог и городского развития Монголии г-на Ганбата Чулункху (*Ganbat Chuluunkhuu*) «Монголия: к устойчивому экономическому росту через развитие инфраструктуры и промышленности» представил национальную стратегию развития Монголии на период до 2021 г. Для связи всех основных месторождений полезных ископаемых планируется строительство сети железных дорог, что позволит открыть новые рынки сбыта продукции горнодобывающего сектора и в дальнейшем развивать переработку сырья внутри страны. С этой целью планируется строительство Сайншандского промышленного кластера, который объединит на своей территории нефтеперерабатывающие, горно-

химические и металлургические предприятия. Такой комплексный подход позволит экономике страны встать на рельсы устойчивого экономического роста¹.

Почетный генеральный секретарь международной ассоциации портов и гаваней (IAPH) д-р *Satoshi Inoue (Satoshi Inoue)* выступил с докладом «Навстречу интегрированной системе логистики для стран Северо-Восточной Азии». Д-р Сатоши Иное отметил, что за период 1980—2007 гг. мировой объем морских контейнерных перевозок вырос на 1200% (с 38 до 481 млн контейнеров в год), при этом грузооборот международной морской торговли вырос на 110% за тот же период (с 3,7 до 7,88 млрд т в год); контейнеризация грузоперевозок наряду с продолжающейся приватизацией портов и новыми подходами к управлению стали ответом этого сектора на вызовы мировой глобализации. Докладчиком представлена модель интегрированной системы региональных портов для стран СВА в сравнении с традиционной централизованной системой, которая, по мнению доктора Сатоши Иное, позволит значительно сократить издержки времени на перемещение грузов, а также снизить расходы на логистику и повысит конкурентоспособность региона в мировой торговле.

Большое внимание было уделено важности строительства и развития действующих портов (здесь особое внимание участников форума привлек доклад заместителя мэра Пусана г-на *Ли Ки-Ву (Lee Ki-Woo)*, посвященного стратегии развития морского порта Пусан) и доступа к ним регионов, не имеющих собственных выходов к морю.

На сессии «*Финансовое сотрудничество в СВА*», открывавшей второй день форума, были отмечены инициативы Японии, Республики Корея и Китая в расширении диалога между финансовыми институтами этих стран в развитии инфраструктурных проектов, а также усилия Экономического форума СВА (NEAEF) в разработке общего плана по созданию Банка сотрудничества и развития СВА². Докладчики отметили, что подобный региональный банк представляется идеальным средством для осуществления трансграничных инфраструктурных проектов в регионе. Вице-президентом Korea EximBank г-ном *Ли Джэй Мином (Lee Jai Min)* в докладе «Финансовое сотрудничество в Северо-Восточной Азии» была затронута очень важная тема интеграции КНДР в общее экономическое пространство региона за счет осуществления совместных инфраструктурных проектов. Поддержка таких проектов, по мнению докладчика, должна осуществляться посредством многосторонних финансовых схем с участием стран Северо-Восточной Азии при обязательных гарантиях безопасности инвестиций.

Директор департамента финансовых инструментов Банка развития Китая г-н *Чи Аньтень (Qi Antian)* выразил поддержку идее создания Банка сотрудничества и развития СВА (NEABCD), особо отметив важную роль инфраструктурных и энергетических проектов в процессе интеграции стран региона.

В комментариях к сессии прозвучали предложения об организации встречи представителей научных и государственных институтов стран региона, заинтересованных в идее создания Банка сотрудничества и развития СВА (NEABCD).

Завершала последний день форума сессия «*Трансграничное сотрудничество в регионе*». Д-р Чжан Цзяньпин (*Zhang Jainping*) (Национальный комитет по реформам и развитию, КНР) выступил с докладом «Совместные трансграничные проекты в области энергетики стран СВА и пути их финансирования». Д-р Чжан Цзяньпин

¹ Проект разрабатывается правительством Монголии при поддержке Бостонской консалтинговой группы (Boston Consulting Group).

² В этой связи стоит отметить проведение Экономическим форумом СВА (NEAEF) 25—26 февраля 2010 г. в Гонолулу (США) круглого стола, посвященного финансовой интеграции в регионе СВА, основной целью которого являлось обсуждение перспективного плана создания Банка сотрудничества и развития СВА. <http://www.neaef.org/pubs>.

рассказал о совместных энергетических проектах, таких как запущенный в августе 2006 г. нефтепровод Тайшет — Находка; о совместных планах крупнейшей Китайской нефтегазовой компании CNPC и Газпрома по строительству нефтеперерабатывающего завода на территории промышленного района Тяньцзинь, а также китайско-японских и японо-российских проектах.

Рассматривая перспективы расширения сотрудничества между странами в Северо-Восточной Азии, докладчик заявил, что Китай, Япония и Республика Корея планируют и в дальнейшем укреплять свое сотрудничество с Российской Федерацией в сфере энергетики. Д-р Чжан Цзяньпин заявил, что Китай в скорой перспективе окажется крупнейшим покупателем российского природного газа в регионе и разногласия в вопросах цены на него не должны этому помешать. Затрагивая вопрос финансирования энергетических проектов, докладчик признал опыт «нефтяных займов» Японии¹ ценным и указал на возможность использования его властями Китая при финансировании международных энергетических проектов.

Проблема логистики и различия в уровне развития транспортной сети отдельных стран СВА были названы одним из основных препятствий в сфере трансграничного сотрудничества в регионе.

Участники всех сессий отметили необходимость перехода от общего обсуждения важности сотрудничества в регионе Северо-Восточной Азии к практическим действиям, особенно в финансовой сфере. По итогам форума была принята Улан-Баторская декларация, в которой традиционно серьезное внимание уделено необходимости создания регионального финансового органа для усиления экономической и финансовой интеграции, ускорения социально-экономического развития в регионе через финансирование крупных инфраструктурных и ресурсных проектов в СВА.

В рамках форума вот уже пятый год работает Программа обучения и исследований для молодых лидеров. В этом году в программе исследований участвовали представители Китая, России, Японии, Республики Корея и США из различных областей деятельности — науки, бизнеса и государственного управления.

Программа была проведена на базе Национального университета Монголии (г. Улан-Батор) с 14 по 29 августа 2010 г. и включала в себя лекции профессоров ведущих учебных заведений региона, представителей бизнеса, законодательной и исполнительной властей Монгольской Народной Республики. В программу были включены тематические сессии, на которых молодые лидеры получили возможность выступить со своими докладами, что дало хорошую площадку для обсуждения и дискуссий. Стоит отметить, что делегаты форума высоко оценили вклад участников программы в работу 19-го ежегодного экономического форума стран СВА. Как отметил в своем выступлении на закрытии форума бывший губернатор Штата Гавайи г-н *Араёши*, «...программа обучения и исследований для молодых лидеров призвана в будущем укрепить дружественные связи и устранить культурные и институциональные барьеры на пути к интеграции стран региона».

А. А. Шабалин

¹ Например, кредитование Japan Electric Power Information Center, Inc. нефтедобывающих стран, таких как ОАЭ и Ирак.

Авторы номера

Атанов Николай Иванович – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом Бурятского научного центра СО РАН. Улан-Удэ, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (3012) 235-034, факс +7 (3012) 235-032, e-mail: orei@pres.bsnet.ru.

Важенин Сергей Григорьевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором Института экономики УрО РАН. Екатеринбург, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (343) 371-08-15, e-mail: svazhenin@mail.ru.

Важенина Ирина Святославовна – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН. Екатеринбург, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (343) 371-08-15, e-mail: isvazhenin@mail.ru.

Вишневский Давид Савельевич – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 225-404, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: st@ecrin.ru.

Власюк Людмила Ивановна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая сектором Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 225-703, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: vlasjuk@ecrin.ru.

Деваева Елена Ибрагимовна – кандидат экономических наук, заведующая сектором Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 225-578, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: devaeva@ecrin.ru.

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 225-404, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: demyanenko@ecrin.ru.

Дёмкина Ольга Валерьевна – старший лаборант Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 725-225, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: demina.olga.valerevna@gmail.com.

Дикен Питер – школа географии, Университет Манчестера, Манчестер, Великобритания (*School of Geography, University of Manchester, Manchester M13 9PL, U.K.*). Контактный адрес: e-mail: p.dicken@man.ac.uk.

Дятлова Любовь Александровна – кандидат географических наук, заместитель директора Хабаровской школы управления. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 225-404, e-mail: demyandenko@ecrin.ru.

Котова Татьяна Евгеньевна – старший лаборант Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 225-578, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: kotova@ecrin.ru.

Мальмберг Андерс – департамент социально-экономической географии, Университет Упсалы. Упсала, Швеция (*Department of Social and Economic Geography, Uppsala University, S-751 20 Uppsala, Sweden*). Контактный адрес: e-mail: anders.malmberg@kultgeog.uu.se.

Новицкий Алексей Андреевич – старший лаборант Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 725-225, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: novitskiy@ecrin.ru.

Потапов Леонид Васильевич – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН. Улан-Удэ, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (3012) 434-143, факс +7 (3012) 235-032, e-mail: orei@pres.bscnet.ru.

Редько Вера Викторовна – аспирант Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 725-225, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: verakhristova@yandex.ru.

Рохчин Владимир Ефимович – доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Санкт-Петербург, Россия. Контактный адрес: e-mail: rohchin@mail.ru.

Скрипник Екатерина Олеговна – старший лаборант Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 225-793 (доб. 172), факс +7 (4212) 225-916, e-mail: skripnikk@gmail.com.

Сухих Василий Валентинович – ведущий экономист Института экономики УрО РАН. Екатеринбург, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (343) 371-08-15, e-mail: suhivas@yandex.ru.

Татаркин Александр Иванович – академик РАН, профессор, доктор экономических наук, директор Института экономики УрО РАН. Екатеринбург, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (343) 371-97-08, факс +7 (343) 371-02-24, e-mail: tatarkin_ai@mail.ru.

Шабалин Алексей Андреевич – аспирант Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 725-225, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: alexey.a.shabalin@gmail.com.

Шелена Алексей Семенович – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии сельскохозяйственных наук, директор Дальневосточного научно-исследовательского института экономики, организации и планирования агропромышленного комплекса Россельхозакадемии. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 272-378, факс +7 (4212) 272-376, e-mail: agroeko@mail.kht.ru.

Ширков Эдуард Иванович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией эколого-экономических исследований Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН. Петропавловск-Камчатский, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4152) 460-034, e-mail: schirkoff@mail.ru.

Ширкова Елена Эдуардовна – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН. Петропавловск-Камчатский, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4152) 460-034, e-mail: schirkoff@mail.ru.

Annotations

D. S. Vishnevskiy, A. N. Demyanenko

MACROECONOMIC ZONING AS A METHOD OF STRATEGIC ANALYSIS: THE RUSSIAN FAR EAST

A substantiation of economic zoning is given as one of the methods of regional strategic analysis. An algorithm of macroeconomic zoning is offered, and its approbation is made on the materials of the Russian Far East. Four macroeconomic zones are singled out: Extreme North, Far North, Near North and Southern zone, and their characteristics is given.

Economic zoning, economic regionalization, economic space, strategic analysis, spatial heterogeneity, Russian Far East.

L. I. Vlasyuk, V. V. Redko

ECONOMIC GROWTH FACTORS OF THE RUSSIAN FAR EAST IN 2000–2007

Factors of economic growth of the Russian Federation and its Far East in the period of 2000–2007 are analyzed using the production function device. Quantitative estimation of dependence between output and growth factors is given.

Economic growth, growth factors, production function, panel data, Russian Far East, Russian Federation.

E. O. Skripnik

MIGRATION INTENTIONS OF URBAN POPULATION IN THE KHABAROVSK TERRITORY

According to sociological survey of the cities in the Khabarovsk Territory the following two groups are distinguished: stable population and potential migrants (with low and high probability of moving). Factors affecting migration intentions are determined and assessed by way of analyzing the respondents' answers. It is shown that, along with factors of economic character, the migration intentions of the respondents are significantly affected by non-economic factors.

Sociological survey, migration, population, respondents, groups, migration intentions, migration factors, Khabarovsk Territory.

A. I. Tatarkin, V. V. Sukhikh, S. G. Vazhenin, I. S. Vazhenina
CONCEPT OF SPACE AS A FACTOR OF ECONOMIC
DEVELOPMENT OF THE POLAR URALS IN 16TH –
EARLY 20TH CENTURY

The meaning of the concept of space is analyzed. The example of the Polar Urals is taken to show the importance of the concept of space in economic development of a region. The history of economic development of the Polar Urals in the 16th – early 20th century is analyzed.

Concept of space, image, region, economic development, Polar Urals.

E. I. Devaeva, T. E. Kotova
COMMODITY MARKETS IN NORTHEAST ASIA:
DIRECTIONS FOR EXPORTS FROM THE RUSSIAN FAR EAST

The dynamic and structural changes transpiring on fish product and timber markets, as well as power industry product markets in Northeast Asia are considered. Russia's position on individual product markets such as China, Japan and the Republic of Korea is shown.

Market situation, production, consumption, exports, imports, product niches, Northeast Asia, China, Republic of Korea, Japan, Russia, Russian Far East.

Peter Dicken, Anders Malmberg
FIRMS IN TERRITORIES: A RELATIONAL PERSPECTIVE

The system of relationships between objects such as «firms», «industrial systems» and «territories» is analyzed. The potentialities of interdisciplinary synthesis in the study of this problem area are demonstrated

Firms, territory, industries, regions, clusters, economic development.

L. A. Dyatlova
FROM N.P. OGANOVSKIY'S ECONOMIC HERITAGE

Presented here is an attempt to analyze the creative heritage of the «well-forgotten» Russian economist N.P. Oganovskiy.

N. P. Oganovskiy's research is broken into three main directions: firstly, the influence of political factors on agriculture; secondly, the agrarian evolution, and

thirdly, the influence of spatially changeable factors on agriculture, which can be also called agrarian geography.

N. P. Oganovskiy, agrarian economy, rural economy, political factors, agrarian evolution, spatially changeable factors, «twofold type of the national economy development».

L. V. Potapov, N. I. Atanov

**MODERNIZATION, INNOVATIONS AND STRATEGIC PLANNING
FOR RUSSIA'S SPATIAL ECONOMIC DEVELOPMENT**

The capabilities of modernization and innovations to draw Russia out of the system crisis are shown. The necessity is shown for forming a national integrated system of strategic planning, which can become an effective mechanism for modernization and innovative technologies. Approaches to coordinating strategic and indicative plans with the mechanisms of formulation and implementation of industrial policy are set forth.

Modernization, innovations, strategic planning, programs, plan, Baikal region, Russian Far East.

Указатель статей и материалов, опубликованных в 2010 году

Статьи	№	Стр.
<i>Антонова Н. Е.</i> Лесная политика: теория и применение	2	33—52
<i>Баянова Т. О.</i> Сравнительная рейтинговая оценка социально-экономического развития муниципальных образований региона	2	96—107
<i>Вишневецкий Д. С., Демьяненко А. Н.</i> Макроэкономическое зонирование как метод стратегического анализа: Дальний Восток России	4	6—31
<i>Власюк Л. И., Редько В. В.</i> Факторы роста экономики Дальнего Востока в 2000—2007 гг.	4	32—41
<i>Деваева Е. И., Котова Т. Е.</i> Товарные рынки Северо-Восточной Азии: ориентиры для экспорта Дальнего Востока России	4	82—105
<i>Иванченко О. Г., Кузьминова И. Н.</i> Финансовая стратегия предприятий: формирование и результаты в период 2000—2009 гг. (на примере предприятий Хабаровского края)	2	53—73
<i>Коломак Е. А.</i> Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты	1	26—35
<i>Минакир П. А.</i> Мировой кризис: национальные и региональные реакции	1	6—25
<i>Минакир П. А., Демьяненко А. Н.</i> Пространственная экономика: эволюция подходов и методология	2	6—32
<i>Мотрич Е. Л.</i> Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья	2	74—95
<i>Найден С. Н.</i> Дифференциация показателей социального развития субъектов РФ	1	55—67
<i>Прокапало О. М.</i> Пространственная дифференциация макроэкономических индикаторов в российской экономике	1	36—54

<i>Скрипник Е. О.</i> Миграционные намерения городского населения Хабаровского края	4	42—57
<i>Суспицын С. А.</i> Модернизация экономики: макроэкономические и пространственные аспекты	3	6—26
<i>Татаркин А. И., Сухих В. В., Важенин С. Г., Важенина И. С.</i> Образ пространства как фактор экономического освоения Полярного Урала в XVI — начале XX в.	4	71—81
<i>Цветков В. А.</i> Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития	3	27—48
<i>Шелепа А. С.</i> Экономические проблемы развития сельского хозяйства Дальнего Востока России	4	58—70
<i>Ширков Э. И.</i> Эколого-экономическая эффективность использования природно-ресурсного потенциала Охотского моря	3	49—67

Переводы

<i>Хосе Рамон Ласуэн.</i> Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами. Окончание (перевод с англ. В. Н. Украинского)	1	68—104
Программы исследований в области пространственной экономики (перевод с англ. Б. Х. Краснопольского)	2	108—124
<i>Грюбер С., Сочи А.</i> Агломерация, сельское хозяйство и перспективы периферии (перевод с англ. А. П. Горюнова)	3	68—110
<i>Дикен П., Мальмберг А.</i> Фирмы и территории: релятивистский подход (перевод с англ. В. Н. Украинского)	4	106—134

Очерки

<i>Дятлова Л. А. Н. П.</i> Огановский: из экономического наследия	4	135—146
<i>Дятлова Л. А. Н. П.</i> Огановский: из экономического наследия	3	111—123

<i>Ли Е. Л., Демьяненко А. Н.</i> Амурская экспедиция 1910 года: опыт организации статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйств Амурской области	2	125—133
<i>Минакир П. А.</i> К 100-летию Амурской экспедиции	1	105—106
Свод первоочередных мер на Дальнем Востоке	1	107—132

Сообщения

<i>Дондоков З. Б.-Д., Потапов Л. В.</i> Проблемы финансирования водоохранных и водохозяйственных мероприятий в Республике Бурятия	2	153—160
<i>Краснопольский Б. Х.</i> Пространственные науки и их роль в изучении экономики пространственных образований	1	147—156
<i>Минакир П. А., Потанин М. М.</i> Об экономическом обосновании проекта строительства Приморского нефтеперерабатывающего завода	3	124—139
<i>Суслов Д. В.</i> Экономическое развитие стран СВА в условиях кризиса	3	140—154
<i>Потапов Л. В., Атанов Н. И.</i> Модернизация, инновации и стратегирование пространственного развития экономики России	4	154—162
<i>Хохлова О. А., Будажданаева М. Ц.</i> Статистическая оценка качества развития экономики регионов России	1	133—146
<i>Чайка Л. В.</i> Особенности технологической структуры электроэнергетики северных регионов России	2	134—152
<i>Ширков Э. И., Ширкова Е. Э.</i> От экспедиционных к систематическим экономическим исследованиям на Камчатке (к 40-летию ДВО РАН)	4	147—153

Рецензии

<i>Демьяненко А. Н.</i> Азиатская Россия: опыт междисциплинарного исследования (о книге «Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны»)	1	157—179
---	---	---------

Демьяненко А. Н. Развитие России глазами страноведа (о книге А. И. Трейвиша «Город, район, страна и мир») 3 155—172

Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Геополитическая экономия России (о книге Г. Д. Гловели «Геополитическая экономия России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. — первая треть XX в.)») 2 161—177

Рохчин В. Е. Основные задачи научного обеспечения пространственного экономического развития регионов (отклик на статью П. А. Минакира и А. Н. Демьяненко «Пространственная экономика: эволюция подходов и методология») 4 163—167

Хроника

Власюк Л. И. Двенадцатый краевой конкурс-конференция молодых ученых 1 181—185

Демина О. В., Новицкий А. А. Форум Зеленой энергетики — 2010 2 178—182

Изотов Д. А. III форум регионального сотрудничества и развития стран Северо-Восточной Азии 3 177—182

Ломакина Н. В. Конференция MINEX-2010 в Хабаровске 2 183—184

Мотрич Е. Л. Всероссийская перепись населения — 2010 3 174—177

Новицкий А. А., Демина О. В. Азиатская энергетическая безопасность 4 168—173

Памяти академика А. Г. Гранберга 3 173

Суслов Д. В. Международная научная конференция «Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе» 1 180—181

Тулохонов А. К. Наука и региональная власть на пути к сотрудничеству 3 182—185

Шабалин А. А. 19-й экономический форум Северо-Восточной Азии 4 173—177

Правила для авторов

Журнал принимает к публикации:

- научные статьи объемом до 40 000 знаков, включая список литературы, таблицы и рисунки с подрисуночными подписями;
- научные сообщения объемом до 10 000 знаков;
- рецензии на книги и статьи;
- хронику важнейших событий научной жизни;
- очерки по истории экономической теории;
- переводы научных статей, опубликованных на иностранных языках.

Материалы для публикации представляются в редакцию в электронном виде на русском или английском языке. Англоязычные материалы будут переведены для публикации на русский язык редакцией.

Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование. Рецензии направляются авторам по электронной почте. Редакционный вариант статьи, подготовленный к печати, представляется автору на согласование. Исправленный вариант статьи возвращается в редакцию по электронной почте не позднее 2–3 дней с момента получения автором. Корректур авторам не высылаются.

Титульный лист статьи должен содержать следующие сведения: индекс УДК; название статьи (на русском и английском языках); имена, отчества и фамилии авторов.

Сведения об авторе включают имя, отчество и фамилию автора, ученую степень и звание, должность, полное название учреждения, город, страна; контактный адрес для опубликования в журнале: телефон, факс, электронный адрес.

Авторы несут ответственность за достоверность предоставляемой информации.

Перед основным текстом статьи помещается резюме объемом не более 500 знаков, в котором должны быть отражены предмет исследования, цель, методы, основные результаты, область их применения и выводы. Далее следуют 3–8 ключевых слов или словосочетаний, включающих не более трех слов каждое.

Формат представляемых материалов должен соответствовать следующим требованиям: текстовые материалы форматируются применительно к листам формата А4. Используется шрифт Times New Roman (нельзя использовать Times New Roman Cyr) 12 размера, через полтора интервала.

Текст набирается в редакторах MS Word 97, 2000, XP в виде файлов с расширением .doc или .rtf. Название файла должно начинаться с фамилии первого автора. Желательно также включать в название файла слова из названия статьи. Например: <ivanov buble economy.doc> или <петров модели.rtf>.

В тексте должны обязательно содержаться ссылки на все таблицы и рисунки. Дублирование одних и тех же данных в тексте, рисунках и таблицах недопустимо.

Следует ограничиться общепринятыми сокращениями (ГОСТ 7.12–93 для русского и ГОСТ 7.11–78 для иностранных европейских языков), избегая новых без достаточных на то оснований. Аббревиатуры, которые не являются общепринятыми, расшифровываются при первом их использовании и остаются неизменными по всему тексту. Сокращения и аббревиатуры, используемые только в таблице, разъясняются в примечании к этой таблице.

Таблицы нумеруются сквозными через всю статью номерами. Все таблицы должны иметь названия. Таблицы помещаются непосредственно в текст в том же формате, что и текст, через опции «Таблица/Вставить», «Таблица/Автоформат таблицы».

Каждый столбец должен иметь заголовок, пропуски в ячейках обозначаются следующим образом: нет данных: ( )..., незначительная величина: (*), с указанием под таблицей значения (например, меньше 1%), явление отсутствует: (–).

Под каждой таблицей обязательно помещается ссылка на источник(и) данных.

Рисунки также нумеруются сквозными номерами, но каждый рисунок представляется отдельным файлом. Название файла формируется из фамилии первого автора и указания на номер рисунка. Например: <ivanov fig1.cdr>, <петров рис2.jpg>.

Все рисунки выполняются в черно-белом изображении.

Рисунки, схемы, фотографии и т. п. представляются в векторных или растровых форматах, пригодных для интегрирования в компьютерную верстку: *.cdr, *.tif, *.gif, *.jpg и т. п. Рисунки должны быть четкими, пригодными для воспроизведения. Следует использовать максимально простые, но четко различимые при печати штриховки и заливки. Векторные и растровые рисунки должны сохраняться в вариантах, позволяющих выполнить их компьютерное редактирование.

В случае, если рисунок — диаграмма, изготовленная в Excel, он должен представляться в виде Excel-файла (*.xls) с сохранением числовых данных, по которым построена диаграмма, чтобы имелась возможность редактирования рисунка.

Формулы набираются в редакторе Microsoft Equation 3.0 и придерживаются одного стиля на протяжении всего документа. Формулы, не требующие специальных математических знаков, следует набирать непосредственно средствами Word.

Источники публикаций, на которые делаются ссылки, должны быть сверены с оригиналами и приведены под заголовком «Список литературы» на отдельном листе алфавитным списком в следующей последовательности:

- работы, опубликованные на русском языке;
- работы, опубликованные на языках, использующих латиницу;
- работы, опубликованные на иностранных языках, не использующих латиницу,

описываются в переводе на русский язык с указанием языка оригинала.

Список литературы нумеруется в алфавитном порядке по фамилиям первых авторов, в случае нескольких работ одного автора — по году издания, в случае совпадения годов издания одного и того же автора — по алфавиту названия работ.

Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках. Напрямую цитированный текст заключается в кавычки. В этом случае в скобках помимо номера источника указываются номера страниц: [9, с. 6]. Если в одних квадратных скобках несколько ссылок, то они разделяются точкой с запятой.

В случае включения в статью раздела «Благодарности» он располагается после заключения перед списком литературы.

Правовые вопросы. Предоставление автором статьи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде: распространение, переработку, публичное использование, доведение до всеобщего сведения, переуступку на договорных условиях частично или полностью права третьим лицам.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

По всем вопросам, связанным с опубликованием в журнале материалов, подпиской на журнал, необходимо обращаться по следующим контактным адресам:

680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153,
Институт экономических исследований ДВО РАН.
Отв. секретарь Людмила Альфредовна Самохина
Тел. +7 (4212) 226-053, e-mail: samokhina@ecrin.ru.
Редакция журнала
Тел. +7 (4212) 226-053, e-mail: redaktor@ecrin.ru.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Пространственная экономика» продолжает подписку на 2011 год.

Периодичность выхода журнала — 4 номера в год. В стоимость входит почтовая доставка. Подписка возможна с любого номера.

Стоимость подписки, руб.	Годовая	Полугодовая	Одного номера
	1 180	590	295

Подписка принимается во всех отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс 19424.

Приобрести отдельные номера журнала (с 2005 г.) «Пространственная экономика» можно через редакцию журнала.

Для этого необходимо заполнить бланк-заказ* и прислать по указанным контактным адресам:

- 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153,
Институт экономических исследований ДВО РАН
- e-mail: samokhina@ecrin.ru; redaktor@ecrin.ru
- факс +7 (4212) 225-916 (с пометкой «для редакции»).

БЛАНК-ЗАКАЗ*

Журнал «Пространственная экономика»
№№ _____ год _____ количество комплектов _____
Наименование организации (полностью) с указанием реквизитов _____
_____
_____
_____
_____
ФИО (полностью) _____
Местонахождение: почтовый индекс _____ область (край) _____
_____
город _____ ул. _____
дом/корп. _____ квартира _____
тел. _____ факс _____ e-mail _____
Адрес почтовой доставки: _____
_____

* Образец бланка-заказа см.: <http://www.ecrin.ru/files/subscription.pdf>.

Ответственный за выпуск *Л. А. Самохина*

Редактор *Л. А. Самохина*
Помощник редактора *А. И. Бобровникова*
Корректор *Т. В. Киевская*
Переводчик *М. Ю. Баушева*
Дизайн обложки *А. В. Капитулин*

Сдано в набор 11.11.10. Подписано к печати 14.12.10. Формат 70x100 1/16.
Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,60.
Уч.-изд. л. 11,95. Тираж 1000 экз. Заказ 419. Цена свободная.

Адрес издателя: 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153,
Институт экономических исследований ДВО РАН.
Тел. +7 (4212) 225-916, факс +7 (4212) 225-916, www.ecrin.ru.

Адрес редакции: 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153.
Тел. +7 (4212) 226-053, e-mail: redaktor@ecrin.ru.

Отпечатано в КГУП «Хабаровская краевая типография»
680038, Хабаровск, ул. Серышева, 31.